

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ.

1913

ОКТАВРЬ

№ 10

„РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“, „ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“ и „ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“

въ 1913 году

(Циркуляръ Главнаго Штаба 1912 года № 194).

Въ 1913 году издаваемые съ Высочайшаго соизволенія газета «Русскій Инвалидъ» и журналъ «Военный Сборникъ» будутъ выходить по-прежнему: газета—ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, журналъ—ежемесячно. При «Военномъ Сборникѣ» будутъ даны 4 книги «Военно-Историческаго Сборника».

Высочайше утвержденнымъ 23 сентября 1912 г. положеніемъ Военнаго Совѣта, объявленнымъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 5 октября за № 552, установлено, что печатаемые въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ приказы по военному вѣдомству и циркуляры Главнаго Штаба *принимаются къ руководству со времени получения въ частяхъ и учрежденіяхъ названной газеты.*

«Русскій Инвалидъ» сообщаетъ главные официальные извѣстія и слѣдитъ за многосторонними текущими событіями въ военномъ мирѣ, и также за всѣми явленіями, имѣющими интересъ для служащихъ военнаго и морскаго вѣдомствъ. «Военный Сборникъ» посвящаетъ свои страницы всесторонней разработкѣ военнаго дѣла. «Военно-Историческій Сборникъ» будетъ имѣть задачей давать матеріалъ по исторіи Русской Арміи.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ, Литейный, уголъ Пантелеймоновской, № 21. Телефонъ 672.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

На «Русскій Инвалидъ»:

Въ Россіи:

На годъ	9 р.	—	к.
„ 11 мѣсяцевъ	8	50	”
„ 10 ”	8	—	”
„ 9 ”	7	50	”
„ 8 ”	7	—	”
„ 7 ”	6	50	”
„ 6 ”	5	75	”
„ 5 ”	5	—	”
„ 4 ”	4	25	”
„ 3 ”	3	25	”
„ 2 ”	2	25	”
„ 1 ”	1	25	”

Съ доставкой въ Петербургъ и съ пересылкою въ городамъ.

За границей:

На годъ	15 р.	—	к.
„ 11 мѣсяцевъ	14	—	”
„ 10 ”	13	—	”
„ 9 ”	12	—	”
„ 8 ”	11	—	”
„ 7 ”	10	—	”
„ 6 ”	9	—	”
„ 5 ”	8	—	”
„ 4 ”	6	50	”
„ 3 ”	5	—	”
„ 2 ”	3	50	”
„ 1 ”	2	—	”

Съ пересылкою.

Подъ годовой подпиской надлежитъ разумѣть подписку съ 1-го янв. по 1-е янв. слѣдующаго года. Подписка на сроки менѣе года принимается лишь на цѣлые мѣсяцы, съ 1-го числа каждаго мѣсяца, не дальѣ конца года.

На «Военный Сборникъ» съ «Военно-Историческимъ Сборникомъ» принимается попрежнему *только годовая подписка*, съ тою же платою въ годъ: внутри Россіи 6 рублей съ пересылкою (въ С.-Петербургѣ съ доставкою на домъ), за границу 8 руб. съ пересылкою; на *сроки менѣе года и отдѣльно* на «Военно-Историческій Сборникъ» подписка не принимается.

СРОКИ ВЗНОСА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ:

Подписная плата вносится *полностью* при подпискѣ.

Но при подпискѣ на годъ *отдѣльныхъ военно-служащихъ допускается разсрочка платежа* по слѣдующему расчету:

На «Русскій Инвалидъ».

не позже 1 января	4 р.
„ „ 1 марта	1 ”
„ „ 1 мая	1 ”
„ „ 1 іюля	1 ”
„ „ 1 сентября	1 ”
„ „ 1 ноября	1 ”
Итого	9 р.

На «Военный Сборникъ».

не позже 1 января	2 р.
„ „ 1 марта	1 ”
„ „ 1 мая	1 ”
„ „ 1 іюля	1 ”
„ „ 1 сентября	1 ”
Итого	6 р.

См. дальѣ на 3-й страницѣ обложки.

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ

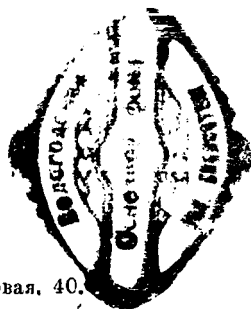

№ 10 ОКТЯБРЬ 1913

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1913.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТОЙ КНИЖКИ.

I.

СТРАН.

I. Николай Михайловичъ Пржевальскій. (Съ портретомъ). П. КОЗЛОВЪ.	1
II. Къ реформѣ генеральнаго штаба. А. О.	23
III. Изъ Скобелевскихъ приказовъ.	28
IV. Приборъ для рѣшенія графическимъ способомъ стрѣлковыхъ задачъ. (Съ рисунками). С. ЗЫБИНЪ.	29
V. По поводу «новыхъ изобрѣтеній по стрѣлково- му дѣлу». (Съ рисунками). С. фонъ-ДИТМАРЪ.	45
VI. Духовная сторона въ бою. (Изъ поученій маршала Бюжо). **	56
VII. Стрѣлковыя замѣтки. (Съ рисунками). (Окончаніе). В. СТУПИНЪ.	57
VIII. Пѣхотные телефонисты. Н. КОПИШЪ.	67
IX. Выѣздка строевой казачьей лошади. (Съ рисунками). (Продолженіе). П. КРАСНОВЪ.	
X. Воспитаніе воина можетъ быть только въ стыдѣ наказанія, а не въ страхѣ наказанія. А. ДМИТРЕВСКІЙ.	93
XI. Шведскіе boy-scout'ы. (Съ рисунками). П. В.	103
XII. Военная подготовка французской молодежи до поступленія въ армію. В. ГОНЧАРОВЪ.	113
XIII. «Сонъ на Шипкѣ». (Посвящается любителямъ старой фортификаціи). (Съ рисунками). Б. ЖИЛЬЦОВЪ.	119
XIV. Краткій очеркъ кампаніи въ Македоніи. (Со схемами). Р. Ш.	133
XV. Гиссарскій край. (Очеркъ горной Бухары). (Окончаніе). Д. ЛОГОФЕТЪ.	151
XVI. Страна Льва и Солнца. Провинція Керманшаханъ. (Краткій географическій очеркъ по персидскимъ и армянскимъ источникамъ). (Продолженіе). Ѡ. ЧЕРНОЗУБОВЪ.	163
XVII. По Сѣверной Персіи. (Продолженіе). Н.	171
XVIII. Въ лагеряхъ осенью. А. ЛАНГЪ.	185
XIX. Хуртумъ и Ёршикъ. (Продолженіе). ТРИЛИЦКІЙ.	187
XX. Спортъ за границей (Съ рисунками). ВРОНСКІЙ.	195

II.

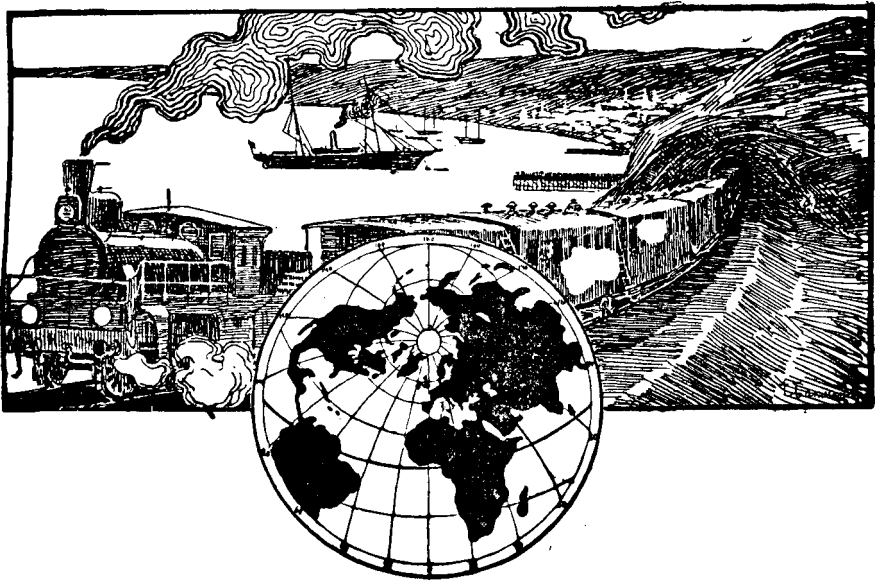
I. БИБЛИОГРАФІЯ. Обзоръ иностранныхъ военныхъ журналовъ. А. СВѢЧИНЪ.	203
II. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Со схемами). М. Б.	219

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»,
Генеральнаго Штаба Генераль-Маіоръ *Б ъ л я е в ѣ*.

Помощникъ Главнаго редактора, Ген. Шт. Полковникъ *Ш е м а н с к і й*.

Николай Михайлович
ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.

Двадцатаго октября исполнится двадцать пять лѣтъ со дня смерти великаго русскаго путешественника, генеральнаго штаба генераль-маіора, Николая Михайловича Пржевальскаго ¹⁾...

Есть счастливыя имена, которыя довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ-то великомъ и общеизвѣстномъ. Таково имя Пржевальскаго... Н. М. Пржевальскій принадлежалъ къ числу немногихъ счастливыхъ людей, ученая дѣятельность которыхъ еще при жизни была оцѣнена, какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и за границую... Подобно маршалу Нею,

¹⁾ Болѣе подробно о Пржевальскомъ, см. въ трудѣ: П. К. Козловъ. «Николай Михайловичъ Пржевальскій—первый изслѣдователь природы Центральной Азии». Съ двумя портретами, тремя таблицами, пятью рисунками въ текстѣ и одною отчетною картою четырехъ путешествій Пржевальскаго. С.-Петербургъ. 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

онъ могъ бы сказать: «у меня нѣтъ знаменитыхъ предковъ, но я самъ буду хорошимъ предкомъ».

Пржевальскіе ведутъ свой родъ отъ запорожскаго казака Корнилы Анисимовича Паровальскаго, поступившаго въ польскую службу и принявшаго впослѣдствіи фамилію Пржевальскаго. Дѣдъ Николая Михайловича воспитывался въ іезуитской школѣ въ Полоцкѣ, по до окончанія курса бѣжалъ изъ училища и перешелъ въ православіе, принявъ имя Кузьмы Ѳомича. Одинъ изъ двухъ сыновей послѣдняго, а именно Михаилъ Кузьмичъ, женившійся на дочери помѣщика Смоленской губерніи, Еленѣ Алексѣевнѣ Каретниковой, есть отецъ Николая Михайловича. Михаилъ Кузьмичъ (будучи слабого здоровья) оставилъ военную службу въ чинѣ поручика и (вскорѣ послѣ женитьбы) основался на житье въ той же Смоленской губерніи и уѣздѣ, въ имѣніи «Отрадномъ», рядомъ съ родовымъ гнѣздомъ своей жены.

Въ «Отрадномъ» Николай Михайловичъ провелъ годы самой ранней молодости и былъ подготовленъ къ поступленію въ Смоленскую гимназію. Блестящія способности и феноменальная память скоро сдѣлали Николая Михайловича однимъ изъ первыхъ учениковъ. Имѣя всего 16 лѣтъ, онъ уже окончилъ курсъ гимназіи и, какъ человѣкъ впечатлительный и энергичный, подъ впечатленіемъ геройскихъ подвиговъ защитниковъ Севастополя, рвался на войну.

— Наконецъ, говоритъ Николай Михайловичъ, наступила роковая минута. Меня позвали къ матери; я вошелъ въ залъ. У большого образа теплилась лампада, а на колѣняхъ передъ нимъ, съ горячими слезами, молилась мать моя. Въ углу стояла няня, нѣсколько дворовыхъ, и всѣ плакали. «Станьте здѣсь и молитесь», обратилась ко мнѣ и брату мать. Мы молча исполнили ея приказаніе. Глубокая тишина водворилась въ комнатѣ, изрѣдка прерываемая тяжкими вздохами. Наконецъ, мать встала и взяла образъ я подошелъ къ ней.—«Да сохранить тебя Господь Богъ во всей твоей жизни», сказала она и начала благословлять. Этой минуты не вынесла моя переполненная душа. Долго сдерживаемыя слезы разомъ брызнули изъ глазъ, и я зарыдалъ какъ ребенокъ...

Служба въ полку велась очень плохо: на юнкеровъ не обращали вниманія, офицеры проводили время среди картъ и кутежей. Поступившему въ полкъ новичку трудно было не поддаться общему теченію, но если воздержаніе ему удавалось, то онъ заслу-

живаль общее уваженіе среди товарищей-кутилъ. Николай Михайловичъ рассказываетъ объ одномъ изъ своихъ ротныхъ командировъ, который, заставляя его пить и получивъ отказъ, сказалъ:

— Изъ тебя, братъ, прокъ будетъ.

— Онъ не нашъ, говорили другіе офицеры: а только среди насъ.

«Прослуживъ пять лѣтъ въ арміи», пишетъ Пржевальскій, «потаскавшись въ караулъ и по всевозможнымъ гауптвахтамъ и на стрѣльбу со взводомъ, я, наконецъ, ясно созналъ необходимость измѣнить подобный образъ жизни и избрать болѣе обширное поприще дѣятельности, гдѣ бы можно было тратить трудъ и время для разумной цѣли...»

Тогда же онъ рѣшилъ основательно учиться и вскорѣ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Въ маѣ 1863 года, съ началомъ польскаго возстанія, всѣмъ офицерамъ старшаго курса въ академіи было предложено, по желанію, не ѣздивши на съемку, отправиться въ Польшу, съ правами второго разряда окончанія академіи. Въ числѣ первыхъ желающихъ былъ и Пржевальскій, рѣшившійся возвратиться въ свой полкъ. Въ іюлѣ 1863 года онъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ полковымъ адъютантомъ.

Пользуясь своимъ вліяніемъ на офицеровъ полка, Николай Михайловичъ однажды спасъ съ помощью ихъ одного изъ товарищей отъ суда за растрату (по опрометчивости) казенныхъ денегъ.

«Милостивые государи!» написалъ имъ Н. М. Пржевальскій: «товарищъ нашъ, поручикъ К. при сдачѣ должности полкового квартирмейстера оказался виновнымъ въ растратѣ... и долженъ заплатить своею службою. Но дѣло это еще не безвозвратно, еще отъ насъ зависитъ спасти или погубить его... Неужели мы будемъ хладнокровно смотрѣть, когда товарищъ нашъ надѣнетъ солдатскую шинель и съ горькими упреками и проклятіемъ будетъ вспоминать ту минуту, когда мы сдѣлали его квартирмейстеромъ? Нѣтъ, мы не допустимъ этого, мы покажемъ, что общество нашего полка руководствуется иными, болѣе широкими принципами. Мы выручимъ К. Тогда каждый изъ насъ, съ полнымъ сознаніемъ величія и благородства своего поступка, можетъ съ гордостью сказать: «я спасъ своего товарища, я сдѣлалъ святое, честное дѣло».

Это письмо-воззваніе спасло офицера, спасло его семью и честь полка.

Свои періодическіе отпуска Н. М. Пржевальскій неизмѣнно

проводилъ въ «Отрадномъ», среди любимой имъ охоты и серьезнаго изученія ботаники и зоологіи. Чѣмъ больше онъ углублялся въ эти занятія, тѣмъ сильнѣе имъ овладѣвала мысль о путешествіи по Азіи. Жажда знаній могла быть удовлетворена только въ какомъ-нибудь научномъ центрѣ, и Николай Михайловичъ ископатель себѣ для этого назначеніе взводнымъ офицеромъ, преподавателемъ исторіи и географіи въ Варшавскомъ юнкерскомъ училищѣ.

Пржевальскій оказался прекраснымъ лекторомъ: говорилъ громко, ясно и удивлялъ юнкеровъ цитированіемъ на память обширныхъ выдержекъ изъ трудовъ самыхъ блестящихъ представителей науки. Система поблажекъ любимчикамъ у него совершенно отсутствовала. На всѣ докучливыя моленія о прибавкѣ балловъ онъ отвѣчалъ юнкерамъ: «Не буду ли я вамъ, юноши, смѣшонъ и жалокъ послѣ такой уступки?.. Вспомните прекрасныя слова: «я знаю одинъ народъ—человѣчество, одинъ законъ—справедливость».

Настольными книгами Николая Михайловича были: «Картина природы» Гумбольдта, «Азія» Риттера и другія соч. по Азіи. На пріобрѣтеніе научныхъ сочиненій по своей специальности онъ тратилъ почти всѣ свободныя деньги. Въ немъ обнаруживалась не одна громадная начитанность, но и умѣнье широко обобщать и блестяще систематизировать. Своею вдохновенной рѣчью онъ увлекалъ другихъ. «Ваше письмо», писалъ ему одинъ изъ товарищей много лѣтъ спустя, «какъ нѣкогда ваше присутствіе, имѣетъ что-то такое, что будитъ душу, требуетъ оглядки. Вы были мнѣ близки, какъ человѣкъ, возлѣ котораго всегда глубже чувствовалось, шире думалось».

Природа съ ея красотою манила къ себѣ Пржевальскаго постоянно, и мысль о путешествіи въ неизвѣстные края Азіи росла въ немъ съ неодолимой силой...

...«Въ 1867 году я впервые познакомился съ Николаемъ Михайловичемъ», говорилъ вице-предсѣдатель Императорскаго русскаго географическаго общества, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій: «черезъ мое посредство онъ обратился тогда въ первый разъ за помощью и покровительствомъ къ Географическому обществу, объяснивъ мнѣ свои намѣренія заняться путешествіемъ въ Средней Азіи. Въ то время Общество крайне рѣдко помогало матеріальными средствами молодымъ путешественникамъ, отправляющимся въ путешествіе по собственной инициативѣ, можетъ быть потому, что такая инициатива проявлялась еще слишкомъ рѣдко;

но отъ времени до времени оно снаряжало свои экспедиціи, подбирая въ составъ ихъ исключительно лицъ, уже извѣстныхъ своими научными трудами и рекомендуемыхъ организаторами экспедицій. Н. М. Пржевальскій былъ въ научномъ мірѣ еще совершенно неизвѣстною величиною и дать пособіе ему на его предпріятіе, а тѣмъ болѣе организовать подъ его руководствомъ цѣлую экспедицію, совѣтъ Общества не рѣшился...» Слѣдуетъ замѣтить, что молодой, энергичный Пржевальскій произвелъ на П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго сильное впечатлѣніе и П. П., боясь разстаться съ нимъ навсегда, обѣщаль Николаю Михайловичу, что если онъ на собственные средства сдѣлаетъ какія бы то ни было интересныя поѣздки и изслѣдованія въ Уссурійскомъ краѣ, которыми докажетъ свою способность къ путешествіямъ и географическимъ изслѣдованіямъ, то, по возвращеніи изъ Сибири, онъ можетъ надѣяться на организацию со стороны Общества, подъ его руководствомъ, болѣе серьезной экспедиціи въ Среднюю Азію.

Пржевальскій отправился въ Иркутскъ, гдѣ просвѣщенный генералъ Кукель встрѣтилъ его благосклонно и нашелъ возможнымъ дать ему командировку въ Уссурійскій край; сверхъ того Сибирскій отдѣлъ Географическаго общества поручилъ ему описать флору и фауну и собрать зоологическую и ботаническую коллекціи.

Итакъ, завѣтное желаніе Николая Михайловича исполнилось. Новая обстановка произвела на него сильное впечатлѣніе, а Сибирь его поразила: «дикость, ширь, свобода безконечно мнѣ понравились», говорилъ Николай Михайловичъ.

Особенное вниманіе Пржевальскаго (теперь уже путешественника) привлекли къ себѣ картины по Амуру, тамъ, гдѣ хвойные лѣса исчезаютъ, а являются лиственные, самыхъ роскошныхъ размѣровъ; гдѣ къ европейскимъ породамъ — дубу, липѣ и клену — примѣшивается грецкій орѣхъ и пробковое дерево. «Охотничья собака отыскиваетъ вамъ», пишетъ Пржевальскій, «медвѣдя или соболя и тутъ же рядомъ можно встрѣтить тигра, не уступающаго по величинѣ и силѣ обитателю джунглей Бенгаліи. И торжественное величіе здѣшней природы не нарушается присутствіемъ чловѣка; развѣ изрѣдка пробредетъ звѣроловъ или раскинетъ свою юрту кочующій дикарь, но тѣмъ скорѣе дополнить, нежели нарушить, картину дикой дѣвственной природы...»

Однажды, на экскурсіи, Николай Михайловичъ столкнулся съ такимъ гигантомъ медвѣдемъ, который своими размѣрами превосходилъ всѣхъ видѣнныхъ и добытыхъ кѣмъ-либо въ Восточной Си-

бири. «Будучи пробить первую пулею», пишет Пржевальскій, «на разстояніи сорока шаговъ, медвѣдь съ ревомъ бросился на меня... Когда разъяренный звѣрь приблизился шаговъ на пять, я спустилъ курокъ и медвѣдь, съ прострѣленнымъ черепомъ, словно снопь, рухнулъ на землю. Конечно, это было дѣло нѣсколькихъ мгновеній, но эти мгновенья не изгладятся изъ моей памяти цѣлую жизнь, и черезъ много лѣтъ все такъ же ясно, какъ въ ту минуту, я буду помнить эту оскаленную пасть, кроваваго цвѣта языкъ и громадные зубы...»

Послѣ сибирскихъ тундръ и озеръ Николай Михайловичъ особенно восхищался величіемъ Японскаго моря. «Присядешь бывало», говоритъ онъ, «на вершинѣ утеса, заглядишься на синѣющую даль моря и сколько различныхъ мыслей заройтся въ головѣ! Воображенію рисуются далекія страны, съ иными людьми и съ иною природою, тѣ страны, гдѣ царствуетъ вѣчная весна и гдѣ волны того же самого океана омывають берега, окаймленные пальмовыми лѣсами. Казалось, такъ бы и полетѣлъ туда стрѣлою, посмотрѣть на всѣ эти чудеса, на этотъ храмъ природы, полный жизни и гармоніи! Погрузится затѣмъ мысль въ туманную глубину прошедшихъ вѣковъ, и океанъ является передъ нею въ еще большемъ величіи. Вѣдь онъ существовалъ и тогда, когда ни одна растительная или животная форма не появлялась на нашей планетѣ, когда и самой суши еще было немного! На его глазахъ и, вѣроятно, въ его же нѣдрахъ, возникло первое органическое существо! Онъ питалъ его своею влагою, убаюкивалъ своими волнами! Онъ давнишній старожилъ земли; онъ лучше всякаго геолога знаетъ ея исторію, и развѣ только немногія горныя породы старѣе мастиаго океана!»...

Въ январѣ 1870 года Н. М. Пржевальскій прибылъ въ Петербургъ, а въ мартѣ сдѣлалъ сообщеніе въ Географическомъ обществѣ, охарактеризовавъ строеніе Уссурійскаго края и его климатъ, флору, фауну и, наконецъ, его инородческое населеніе.

Императорское Географическое общество почтило труды Пржевальскаго серебряною медалью, а Военное министерство — переводомъ его въ генеральный штабъ.

Окончивъ затѣмъ описаніе «путешествія въ Уссурійскій край», Николай Михайловичъ обратился въ совѣтъ Географическаго общества съ просьбою исходатайствовать ему разрѣшеніе отправиться въ сѣверныя окраины Китая и преимущественно въ малоизвѣстныя страны верхняго теченія Желтой рѣки, въ земли ордосовъ и Кукунорь.

П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій сдержалъ свое слово. Предложеніе Пржевальскаго было принято съ большимъ сочувствіемъ, и его экспедиція осуществилась. Въ январѣ 1871 года Пржевальскій со своимъ спутникомъ Пыльцовымъ совершаетъ переходъ на верблюдахъ поперекъ монотонной монгольской пустыни. По цѣлымъ недѣлямъ мѣрно шагаютъ тяжело навьюченные верблюды, идутъ десятки, сотни верстъ, но степь не измѣняетъ своего характера, а остается попрежнему угрюмой и непривѣтливой.

За то, попавъ въ Алашанскій хребетъ, Николай Михайловичъ проводитъ въ этихъ горахъ нѣсколько недѣль и, какъ истый натуралистъ, цѣлыми днями охотится съ ружьемъ за плечами. «Взобравшись на высокую вершину», говоритъ Пржевальскій, «съ которой открывается далекій горизонтъ на всѣ стороны, чувствуешь себя свободнѣе и по цѣлому часу любуешься панорамой, которая разстилается подъ ногами. Громадныя, отвѣсныя скалы, запирающія мрачныя ущелья или увѣнчивающія собою вершины горъ, также имѣютъ много прелести въ своей оригинальной дикости. Я часто останавливался въ такихъ мѣстахъ, садился на камень и прислушивался къ окружающей меня тишинѣ. Она не нарушалась здѣсь ни говоромъ людскихъ рѣчей, ни суматохою обыденной жизни. Лишь изрѣдка — воркованье каменнаго голубя и пискливый крикъ клушицы; проползетъ по отвѣсной стѣнѣ краснокрылый стѣнолазъ или, наконецъ, высоко изъ-подъ облаковъ съ шумомъ спустится къ своему гнѣзду грифъ, а затѣмъ, попрежнему, кругомъ все станетъ тихо и спокойно... А тамъ внизу, на востокъ, узкою лентою блеститъ рѣка, и словно алмазы сверкаютъ многочисленныя озера; къ западу — широкою полосой уходятъ изъ глазъ сыпучіе пески пустыни, на желтомъ фонѣ которыхъ, подобно островамъ, пестрѣютъ зеленѣющіе оазисы глинистой почвы. Такая панорама очаровательна! Она доставляетъ истинное наслажденіе, миритъ со всѣмъ окружающимъ и увлекаетъ въ міръ поэтическій, чистый и безстрастный».

По оставленіи Алашаня, Пржевальскій вступилъ въ Гань-су. Голубая окраска прозрачнаго неба, дѣвственные лѣса береговъ Тэтунга постоянно ласкали глазъ путешественника, въ особенности при стоянкѣ въ окрестности горы Сади-Саруксумъ.

Между тѣмъ провинція Гань-су, въ которой находилась экспедиція, была объята мятежнымъ движеніемъ дунганъ. Смѣлость Пржевальскаго и полное игнорированіе имъ разбойниковъ скоро расположили къ нему мѣстныхъ обитателей, въ особенности же

проходившій втихомолку монгольскій караванъ, съ которымъ Николаю Михайловичу удалось отправиться въ желаемомъ направленіи — къ Тибету. По мѣрѣ того, какъ экспедиція подвигалась вглубь Центральной Азіи, стоустная молва опережала ее рассказами о необыкновенныхъ людяхъ. Туземцы говорили, что это полубоги, не боящіеся разбойниковъ-дунганъ, что они заговорены отъ пуль, вооружены небывалыми ружьями и, въ случаѣ нападенія, по повелѣнію главнаго, является тысяча невидимыхъ людей и сражается за него. Вѣра въ Пржевальскаго была огромная.

За Цайдамомъ путешественники поднялись на тибетское нагорье, гдѣ вскорѣ застигли ихъ суровые морозы. Весною же 1873 года экспедиція направилась въ обратный путь черезъ Гань-су и Алашань, задержавшись вновь въ этихъ горахъ въ цѣляхъ пополненія естественно-историческихъ коллекцій.

Затѣмъ оставался послѣдній періодъ путешествія. Истощенные физически, наши путешественники дѣлали усиленные переходы по пустынѣ Гоби, въ пескахъ которой чуть не погибли отъ зноя и безводія. Наученные горькимъ опытомъ и желая избѣгнуть жары, они вставали очень рано, до разсвѣта, но вычленіе верблюдовъ отнимало много времени и выходить приходилось все-таки съ восходомъ солнца. Урга, словно земля обѣтованная, манила къ себѣ сильнѣе и сильнѣе. Высчитывались не только дни, но и часы, когда наступитъ конецъ путешествію...

«Нужно видѣть», пишетъ Пржевальскій, въ какомъ состояніи наше одѣяніе. Сапогъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ разорванные унты; сюртукъ и штаны всѣ въ дырахъ и заплаткахъ, фуражки ходятъ на старую выброшенную тряпку, рубашки поизорвались». Въ такомъ видѣ и съ огромными лишеніями караванъ достигъ долины Толы... День 5-го сентября былъ счастливейшимъ днемъ путешественниковъ: они попали въ родную среду, въ родное, русское консульство...

«Путешествіе наше кончилось», пишетъ Николай Михайловичъ. «Его успѣхъ превзошелъ даже тѣ надежды, которыя мы имѣли, переступая въ первый разъ границу Монголіи...»

Столица нетерпѣливо ждала путешественника и встрѣтила его (съ его достойнымъ спутникомъ) съ распростертыми объятіями. Императорское Географическое общество поднесло Пржевальскому своего рода лавровый вѣнокъ — Константиновскую медаль.

Съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ Пржевальскому и тогдашній военный министръ, графъ Д. А. Милютинъ.

Еще въ то время, когда писалась «Монголія и страна тангутовъ», Н. М. Пржевальскій мечталъ уже о новомъ путешествіи и разрабатывалъ планъ его. «Я не намѣренъ успокоиться», сообщалъ онъ одному изъ друзей, «и въ концѣ будущаго (1875) года, лишь только окончу второй томъ своего писанія, снова отправлюсь на два года въ Тибетъ».

Особенно-сочувственные отзывы министровъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ дали возможность совѣту Географическаго общества просить Августѣйшаго предсѣдателя, Великаго Князя Константина Николаевича, исходатайствовать на экспедицію Пржевальскаго просимую имъ сумму изъ средствъ государственнаго казначейства. Его Высочество исходатайствовалъ деньги и при этомъ выразилъ увѣренность, «что экспедиція Пржевальскаго принесетъ обильные плоды для науки и честь тѣмъ учрежденіямъ, которыя примутъ на себя заботы къ ея скорѣйшему осуществленію...»

20-го августа 1875 года Пржевальскій выступилъ съ экспедиціей изъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобъ-норъ. «Илійская долина, говоритъ онъ, это азіатская Ломбардія по своему климату и плодородію: отдавать такой уголокъ китайцамъ, право, не слѣдуетъ». Долиною Кунгеса и Цагма экспедиція достигла Юлдуса, что значитъ звѣзда, отъ множества озерковъ, блестящихъ на солнцѣ въ видѣ звѣздъ, разсыпанныхъ по зеленымъ богатымъ пастбищамъ этой привольной страны.

— Мѣсто прекрасное, прохладное и кормное, говорили торгуты Пржевальскому, рассказывая про Юлдусъ: только и жить господамъ да скотинѣ.

Послѣ ознакомленія съ Юлдусомъ, Пржевальскій попалъ въ городъ Курля—резиденцію Якубъ-бека кашгарскаго. Еще по дорогѣ сюда, экспедиція уже была привѣтствована послами Бодуалета или «Счастливица», какъ кашгарцы называли своего хана, который въ высшей степени интересовался путешественниками. Въ Курлѣ былъ отведенъ для нихъ особый домъ внѣ города и приставленъ караулъ, подъ предлогомъ охраненія. «Въ сущности же для того», говоритъ Пржевальскій, «чтобы не допускать сюда никого изъ мѣстныхъ жителей, вообще крайне недовольныхъ правленіемъ Якубъ-бека». Будучи очень подозрительнымъ, Якубъ-бекъ недоувѣрчиво отнесся и къ мирнымъ научнымъ пѣлямъ Пржевальскаго.

Разубѣдить хана было трудно, но еще труднѣе было получить

свободный пропускъ на югъ, къ берегамъ таинственнаго Лобъ-нора. Наконецъ, онъ былъ полученъ, и экспедиція радостно двинулась по бассейну Тарима. Идти съ верблюдами было очень трудно, такъ какъ приходилось пробираться по лѣсу или густымъ колючимъ кустарникомъ, иногда же по высокому тростнику, корни котораго, словно желѣзная щетка, израниваютъ до крови верблюжьи пятки. Въ попутномъ большомъ селеніи Ахтарма, окруженномъ лѣсами и необъятными площадями тростника, въ которомъ водятся тигры, Пржевальскій провель восемь дней, но ему не удалось убить ни одного тигра. Охота на тигра вообще, кромѣ опасности, весьма трудна, по чуткости звѣря, и мѣстные жители для добыванія его шкуры употребляютъ отраву.

Вторую половину зимы экспедиція провела въ изслѣдованіяхъ открытаго ею хребта Алтынъ-тага, а весну 1877 года на берегу Лобъ-нора. Это собственно не озеро, а огромное тростниковое болото, на которомъ, періодически, собираются милліоны плавающихъ птицъ, въ особенности утокъ, за которыми наблюдали и охотились путешественники.

Пользуясь миролюбіемъ и добродушіемъ лобнорцевъ, Пржевальскій свободно плавалъ въ лодкѣ по Лобъ-нору и изучалъ бытъ мѣстныхъ обитателей. «Это такіе дикари», писалъ онъ, «какихъ я не видывалъ даже въ лѣсахъ Амура, среди тамошнихъ кочевыхъ инородцевъ. Бѣдный и слабый физически лобнорець или кара-курчинець бѣденъ и нравственно. Весь міръ его понятій и желаній заключенъ въ тѣсныя рамки окружающей среды, внѣ которой этотъ человѣкъ ничего не знаетъ. Лодки, сѣти, рыба, утки, тростникъ— вотъ тѣ предметы, которыми только и надѣлила несчастнаго махеча-природа. Сидя въ сырой тростниковой загороди, среди полунагихъ обитателей одной изъ деревень Кара-курчина, я невольно думалъ: сколько вѣковъ прогресса отдѣляютъ меня отъ моихъ сосѣдей? И какъ велика сила человѣческаго генія, если изъ подобныхъ людей, каковыми, по всему вѣроятію, были наши далекіе предки, могли сдѣлаться нынѣшніе европейцы. Съ тупымъ удивленіемъ смотрѣли на меня лобнорскіе дикари, но не менѣе того интересовался и я ими. Было слишкомъ много манящаго и оригинальнаго во всей окружающей обстановкѣ, среди далекаго, невѣдомаго озера, въ кругу людей, живо напоминавшихъ собою примитивный бытъ человѣчества...»

Однако, продолжительная напряженная дѣятельность давала себя чувствовать, въ особенности на обратномъ пути въ Зайсанъ,

когда Н. М. Пржевальскій сильно страдалъ отъ зловреднаго зуда, заполученнаго отъ соленой пыли Лобъ-нора. Всѣ доктора, къ которымъ Пржевальскій обращался по прїѣздѣ въ Петербургъ, находили, что болѣзнь его происходила главнымъ образомъ отъ нервнаго разстройства, вызваннаго общимъ утомленіемъ организма. Наилучшее лекарство, говорили они, купанье и жизнь въ деревнѣ, «чему я очень радъ», писалъ Николай Михайловичъ. «Изъ Питера поѣду прямо въ «Отрадное» — родное гнѣздо, не останавливаясь въ Смоленскѣ»...

Деревенское приволье значительно возстановило силы Пржевальскаго, и онъ началъ мечтать о третьемъ путешествіи по Центральной Азіи. Счастье опять улыбнулось ему.

Съ разгорѣвшейся весенней зарей 21-го марта 1879 года караванъ былъ готовъ къ выступленію изъ Зайсана. Впереди и поодаль слѣдовалъ верхомъ Пржевальскій съ однимъ казакомъ и проводникомъ. Выйдя изъ города и вытянувшись по дорогѣ, караванъ остановился. Николай Михайловичъ внимательно объѣхалъ его и приказалъ двигаться: путешествіе началось.

Опять поперекъ великой пустыни, опять поперекъ высокаго Нань-Шаня, въ области котораго Пржевальскому удалось открыть два отдѣльныхъ, самостоятельныхъ снѣговыхъ хребта, названныхъ имъ именами великихъ географовъ—Гумбольдта и Риттера. Стоя на одномъ изъ многочисленныхъ ледниковъ хребта Гумбольдта, Пржевальскій восторженно говоритъ: «Никогда еще до сихъ поръ я не поднимался такъ высоко—17.100 футовъ надъ моремъ, никогда въ жизни не оглядывалъ такого обширнаго горизонта. Дивная панорама горъ, освѣщенныхъ солнцемъ, разстилалась подъ ногами. Весь поглощаешься созерцаніемъ величественной картины. Легко, свободно сердцу на этой выси, на этихъ ступеняхъ, ведущихъ къ небу, лицомъ къ лицу съ грандіозною природою, вдали отъ всей суеты и скверны житейской. Хоть на минуту становишься дѣйствительно духовнымъ существомъ, отрываешься отъ обыденныхъ мелочныхъ помысловъ и стремленій».

За Нань-Шанемъ и Цайдамомъ начался второй періодъ путешествія болѣе интересный, какъ по своему характеру впереди лежащихъ мѣстностей, такъ и по ихъ совершенной неизвѣстности. Грандіозная природа Азіи ознаменовала себя тамъ духомъ подавляющей массивности, въ видѣ тибетскаго нагорья, поднятаго отъ 13—15.000 до 18.000 футовъ надъ моремъ. Вдоль многочисленныхъ рѣкъ и долинъ Тибета процвѣтають богатѣйшія пастбища,

по которымъ привольно пасутся дикія млекопитающія. Встрѣчая на пути, иногда въ продолженіе цѣлаго дня, сотенныя стада яковъ, хулановъ и множество антилопъ, Пржевальскій вначалѣ съ трудомъ вѣрилъ, что то могли быть дикія животныя, которыя притомъ обыкновенно довѣрчиво подпускали къ себѣ человѣка, еще не зная въ немъ самаго злого врага своего.

По мѣрѣ проникновенія экспедиціи въ глубь «завѣтной» страны и по мѣрѣ приближенія зимы, тибетское нагорье давало себя чувствовать, въ особенности разрѣженный воздухъ, въ конецъ обезсиливающій организмъ... Всюду валялись людскіе черепа и кости караванныхъ животныхъ, напоминавшіе о трудной борьбѣ человѣка съ грандіозною природою. На переходахъ, даже небольшихъ, участники экспедиціи сильно уставали, такъ какъ помимо выюченія и развьюченія верблюдовъ, дорогою имѣли на себѣ ружья, патронташи и проч., всего чуть не по полупуду тяжести...

День перехода экспедиціи черезъ вершину Танъ-ла, седьмого ноября 1879 года, былъ ознаменованъ нападеніемъ тибетскихъ разбойниковъ—ёграевъ. Пржевальскій съ отрядомъ открылъ огонь, и послѣ перваго залпа ёграи бросились на утекъ, потерявъ четырехъ человѣкъ убитыми и нѣсколькихъ ранеными.

Исторія на Танъ-ла быстро облетѣла окрестности, и впереди лежащія населенные пункты пришли въ смятеніе, преградивъ дорогу экспедиціи. Сторожевые посты твердили: «не пустимъ, пока не получимъ отвѣта изъ Лхасы—столицы Тибета».

Прошло шестнадцать сутокъ, прежде чѣмъ былъ полученъ отвѣтъ, и все это время Пржевальскій былъ въ тревожномъ состояніи. Онъ сознавалъ, что караванъ его запертъ: спереди—въ деревнѣ Наичу, было собрано до тысячи солдатъ и милиціи, а сзади на Танъ-ла, несомнѣнно, ёграи поджидали возвращенія путешественниковъ. Отвѣтъ же гласилъ слѣдующее: *«по постановленію важныхъ сановниковъ Тибета, рѣшено не пропускать русскихъ въ Лхасу»*...

...Итакъ, не дойдя всего двухсотъ пятидесяти верстъ до столицы Тибета, Пржевальскій долженъ былъ повернуть назадъ. «Трудно описать», говоритъ онъ, въ письмѣ посланнику въ Пекинѣ, «съ какимъ грустнымъ чувствомъ повернулъ я въ обратный путь! Но видно такая моя судьба! Пусть другой, болѣе счастливый путешественникъ, dokonчитъ недоконченное мною въ Азіи. Съ моей же стороны сдѣлано все, что возможно было сдѣлать».

Весна и лѣто были проведены экспедиціей въ верховья Жел-

той рѣки и на Куку-норѣ... «Шестого іюня», записалъ Пржевальскій въ своемъ дневникѣ, «распрощались мы съ Куку-норомъ вѣроятно уже навсегда. Передъ отходомъ я нѣсколько минутъ пристально глядѣлъ на красивое озеро, стараясь живѣе запечатлѣть въ памяти его панораму»...

Еще болѣе трогательно прощается Николай Михайловичъ съ горами Гань-су, среди которыхъ темной змѣей извивается и сердито клокочетъ пѣнистыми брызгами его любимецъ—гордый красавецъ Тэтунгъ... «На самомъ перевалѣ», говоритъ онъ, «въ ожиданіи прихода отставшаго немного каравана, я нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ на великолѣпную панораму горъ. Оба хребта—на южной и на сѣверной сторонѣ Тэтунга—раскидывались передо мною и убѣгали въ даль къ западу, теряясь въ легкомъ синеватомъ туманѣ, наполнявшемъ воздухъ. Любовался глазъ, радовалось сердце. Но въ то же время грустное чувство охватывало душу, при мысли, что скоро придется расстаться со всѣми этими прелестями. Сколько разъ завидывалъ пролетавшему въ это время мимо меня грифу, который можетъ подняться еще выше и созерцать панорамы еще болѣе величественныя. Лучшимъ дѣлается человекъ въ такія минуты. Словно поднявшись въ высь, онъ отрѣшается отъ своихъ мелкихъ помысловъ и страстей. Могу сказать, кто не бывалъ на высокихъ горахъ, тотъ не знаетъ грандіозныхъ красотъ природы!...»

Спустились въ долину, и обстановка рѣзко измѣнилась: взамѣнъ пріятной прохлады горъ, экспедиція встрѣтила сильную жару и чрезвычайную сухость атмосферы. Раскаленная днемъ почва горячо дышала до слѣдующаго утра, а тамъ опять багровымъ дискомъ показывалось дневное свѣтило и быстро накаляло все, что хотя немного успѣвало остыть въ теченіе ночи.

Побуждаемые внутреннимъ чувствомъ, путешественники не испытывали теперь особенной усталости и изо-дня-въ-день ходко подвигались къ Ургѣ... Только послѣдній переходъ тянулся невыносимо долго... «Наконецъ», пишетъ Николай Михайловичъ, «съ перевала передъ нами раскрылась широкая долина рѣки Толы, а въ глубинѣ этой долины, на бѣломъ фонѣ недавно выпавшаго снѣга, чернѣлся священный монгольскій городъ Урга... Еще два часа черепашьей ходьбы—и вдали замелькало красивое зданіе нашего консульства. Обстановка пустыни круто измѣнилась. Попадали мы словно въ иной міръ. Родное европейское чувствовалось уже недалеко. Радужная встрѣча соотечественниковъ, обоюдные раз-

спросы, письма отъ друзей и родныхъ, теплая комната, взаѣмнѣ холодной юрты, разнообразныя яства, чистое бѣлье и платье—все это сразу настолько обновило насъ, что прошлое казалось грезами обманчиваго сна»...

Своимъ возвращеніемъ въ Петербургъ Н. М. Пржевальскій вносилъ свѣжую, здоровую струю познанія, къ которому стремились всѣ жаждавшіе новаго слова географической науки. Своими блестящими лекціями Пржевальскій привлекалъ многочисленныя аудиторіи...

Петербургъ и родной Смоленскъ избрали путешественника въ почетные граждане; Московскій университетъ — почетнымъ членомъ, равно какъ и Вѣнское, Итальянское и Дрезденское географическія общества. Пржевальскій благодарилъ всѣ эти общества, въ особенности Лондонское, присудившее ему золотую медаль.

Выставка зоологическихъ коллекцій путешественника, устроенная въ залахъ Академіи наукъ, привлекла многочисленныхъ посѣтителей и обратила на себя вниманіе Ихъ Величествъ. Государыня Императрица изъявила желаніе, чтобы Николай Михайловичъ въ нѣсколькихъ бесѣдахъ сообщилъ Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, главнѣйшіе результаты своихъ путешествій въ Средней Азіи.

Описаніе своего путешествія Пржевальскій уже производилъ въ новомъ, только что пріобрѣтенномъ имъ, имѣніи «Слобода», Смоленской губерніи, Порѣчскаго уѣзда. Въ немъ имѣется свыше двухъ тысячъ десятинъ земли, большею частью покрытой лѣсомъ, «да и лѣсъ, какъ *сибирская тайга*», писалъ новый владѣлецъ, «а рядомъ лѣса потянулись на сотню верстъ. Но все таки это не исключаетъ желанія, и даже весьма солиднаго, побывать еще въ Азіи, погулять въ Тибетѣ и на верховья Хуань-хэ. Въ новомъ имѣніи будетъ только мое гнѣздо, изъ котораго я буду летать въ глубь азіатскихъ пустынь»...

Наканунѣ новаго года была поставлена послѣдняя точка послѣдней главы книги, и въ первыхъ числахъ января 1883 года Пржевальскій отправился въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ приступилъ къ печатанію своего труда и подалъ въ совѣтъ общества проектъ о новомъ, четвертомъ путешествіи въ Центральной Азіи. Пока разрѣшался вопросъ объ экспедиціи, Николай Михайловичъ окончилъ печатаніе своей книги и выпустилъ ее подъ заглавіемъ: «Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки».

Передъ самымъ отъѣздомъ Пржевальскаго изъ Петербурга На-

слѣдникъ Цесаревичъ (при прощаньѣ) подарилъ ему зрительную трубу изъ алюминія. Этимъ дорогимъ подаркомъ путешественникъ гордился и, поднимаясь на вершины горъ, во время четвертой экспедиціи, очень часто пользовался имъ, чувствуя въ душѣ глубокую благодарность къ имени Августѣйшаго своего покровителя.

Въ Кяхтѣ Пржевальскій получилъ письмо воспитателя Царскихъ сыновей, генераль-адъютанта Даниловича. «Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ поручилъ мнѣ (писалъ онъ) переслать вамъ фотографическую карточку Его Императорскаго Высочества и Его Августѣйшаго брата... Если бы во время путешествія вамъ представилась бы возможность прислать вѣсть о вашемъ дѣлѣ въ дальній Петербургъ, адресуйте пакетъ на мое имя для представленія Государю Наслѣднику Цесаревичу. Не думайте при этомъ ни сколько о редакціи вашего письма; для Его Высочества интересны будутъ всѣ извѣстія, написанныя или даже нацарапанныя вашею рукою»...

Въ концѣ октября 1883 года началось четвертое путешествіе Пржевальскаго въ Центральной Азіи. Онъ твердо шель и твердо вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, пересѣкая третій разъ пустыню Гоби и спѣша въ горы Гань-су и долину Тэтунга. «Здѣсь (говорить Николай Михайловичъ) прекрасные обширные лѣса съ быстротекущими по нимъ въ глубокихъ ущельяхъ ручьями, роскошные альпійскіе дуга, рядомъ съ дикими скалами и каменными осыпями, внизу же быстрый извилистый Тэтунгъ, который шумно бурлитъ среди отвѣсныхъ громадъ,—все это сочетается въ такомъ грандіозномъ величій, мѣстами въ такихъ дивныхъ, ласкающихъ взоръ формахъ, какія не легко поддаются описанію».

Дальнѣйшій путь лежалъ въ сѣверо-восточный Тибетъ, гдѣ экспедиціи въ теченіе лѣта удалось обслѣдовать большой районъ въ бассейнахъ Желтой рѣки и Ян-цзы-цзяна... На озерахъ верхней Хуань-хэ Пржевальскій съ отрядомъ дважды подвергся лихимъ нападеніямъ тибетцевъ-разбойниковъ, племени н'голокъ, но обѣ атаки эти были блестяще отбиты. Слава о горсти русскихъ путешественниковъ быстро распространялась съ одной стороны къ Пекину, съ другой къ западному Тибету и Туркестану. Восточный Туркестанъ экспедиціей Пржевальскаго былъ пересѣченъ на всемъ его протяженіи. Караванъ драгоценныхъ коллекцій выросъ до большихъ размѣровъ и ровно черезъ два года вступилъ на родную землю.

Вблизи перваго русскаго города Каракола путешественники

были встрѣчены соотечественниками, радушно предложившими имъ русскую «хлѣбъ-соль», а въ самомъ городѣ начальникъ экспедиціи былъ осчастливленъ поздравительной депешей Наслѣдника Цесаревича «съ благополучнымъ окончаніемъ многотрудной экспедиціи и пріобрѣтенными результатами».

«Такъ сегодня—седьмого ноября», записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ, «окончилось четвертое мое путешествіе по Центральной Азіи. Ровно два года провели мы въ пустыняхъ, вдали отъ всего цивилизованнаго міра. Но мила и дорога сердцу свободная странническая жизнь. Какъ въ прежніе разы, такъ и теперь, жалко, больно съ нею разставаться—быть можетъ надолго, если только не навсегда. Тяжело подумать о послѣднемъ, но годы налегаютъ одинъ за другимъ и, конечно, наступитъ время, когда уже невозможно будетъ выносить всѣхъ трудовъ и лишеній подобныхъ путешествій. Пусть же—если только мнѣ не суждено болѣе идти вглубь Азіи—воспоминанія о видѣнномъ тамъ и содѣянномъ въ теченіе долголѣтнихъ странствованій будутъ для меня отрадою до конца жизни. Пусть съ именами Лобъ-нора, Куку-нора, Тибета и многими другими будутъ воскресать въ моемъ воображеніи живые образы тѣхъ незабвенныхъ дней, которые удалось мнѣ провести въ этихъ невѣдомыхъ странахъ, среди дикой природы и дикихъ людей, на славномъ поприщѣ служенія наукѣ»....

Императорское Географическое общество привѣтствовало славнаго путешественника въ торжественномъ собраніи, происходившемъ въ концертномъ залѣ дворца Великой Княгини Екатерины Михайловны, а Императорская Академія наукъ выразила неутомимому путешественнику особенную признательность и выбила въ честь Пржевальскаго золотую медаль, на лицевой сторонѣ которой изображенъ портретъ путешественника, съ надписью вокругъ: «*Николаю Михайловичу Пржевальскому Императорская Академія Наукъ*». 1886, а на оборотѣ надпись: «*Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи*», окруженная лавровымъ вѣнкомъ.

Послѣ возвращенія изъ путешествія и обычнаго пребыванія въ Петербургѣ, Пржевальскій поселился въ любимой имъ «Слободѣ» и занялся составленіемъ книги. Постоянными его гостями были его друзья-спутники, съ которыми онъ часто предпринималъ охотничьи экскурсіи и рыболовства. Удаленная отъ желѣзныхъ дорогъ, далекая «Слобода» для чуткой души Пржевальскаго была незаменима....

На слѣдующій годъ Пржевальскій задумалъ уже новое путешествіе.

Изданіе научныхъ результатовъ его прежнихъ экспедицій было обезпечено за счетъ двадцати пяти тысячъ рублей, пожалованныхъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Пржевальскій считалъ своею нравственною обязанностью принести посильную дань благодарности Его Высочеству и исходатайствовалъ дозволеніе посвятить Наслѣднику Цесаревичу описаніе четвертаго своего путешествія въ Центральной Азіи. Разрѣшеніе послѣдовало, и въ началѣ августа книга была издава подъ заглавіемъ: «Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. *Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки; изслѣдованіе стверной окраины Тибета и пути черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима*».

Въ августѣ 1888 года Пржевальскій трогательно простился со «Слободой» и со старушкой няней, а черезъ два мѣсяца, на порогѣ пятаго путешествія, онъ еще болѣе трогательно простился съ нами—спутниками.

— Похороните меня непременно на Исыкъ-кулѣ, на красивомъ берегу. Надпись сдѣлайте простую: «Путешественникъ Пржевальскій». Положите въ гробъ въ моей экспедиціонной одеждѣ. Пожалуста, докторъ, не анатомируйте меня. Ты (обращаясь къ Роборовскому)ними съ меня фотографію съ Ланкастеромъ. Ланкастеръ оставляю Роборовскому, Пёрдѣ—Козлову, «Слободу» передаю Володѣ (племяннику) въ майоратъ...

На утро, двадцатаго октября, Николаю Михайловичу стало очень худо. Лежа на правомъ боку, онъ бредилъ, прикрывъ лицо рукою. По выраженію нижней части лица можно было думать, что онъ плакалъ. Потомъ вдругъ, поддерживаемый нами, всталъ во весь ростъ и, посмотрѣвъ кругомъ, сказалъ: *«ну теперь я лягу»*...

Мы помогли лечь; лицо и руки стали желтѣть.... нѣсколько учащенныхъ дыханія, два-три глубокихъ вдоха, и Николая Михайловича не стало.

Слезы. горькія слезы душили cadaго изъ насъ.... Мнѣ казалось, такое горе пережить нельзя.... *да оно и теперь еще не пережито*.

Послѣ отпѣванія, печальная процессія двинулась за городъ, къ мѣсту погребенія. Провожавшихъ было много. На перекресткахъ дорогъ встрѣчалась масса всадниковъ-киргизовъ, стоявшихъ съ обнаженными головами. Всю дорогу, двѣнадцать верстъ, пѣли пѣвчіе, смѣняемые хоромъ музыки. Стояла прекрасная погода,

солнце играло по ледянымъ вѣнцамъ Тянь-Шаня, въ прозрачной синевѣ неба рѣяли грифы-монахи.

Возлѣ могилы, зайдя впередъ, войска выстроились и пропустили съ должною почестью печальную процессію. Колесница-лафетъ сдѣлала заѣздъ къ могилѣ. Спутники-товарищи приняли съ нея послѣдній разъ на свои руки безцѣнный прахъ и понесли по покатоности внизъ къ склепу. Залпы орудій и пѣхоты грозно разнесли грустную вѣсть далеко по озеру и окрестнымъ горамъ. Началась служба. Тяжелое рыданіе возносилось, вмѣстѣ съ душевною мольбою, къ Всевышнему—упокоить великую душу усопшаго раба Николая....

Завѣтное желаніе покойнаго было исполнено: прахъ его остался навсегда въ Азіи и могила его находится у подножья Небеснаго хребта—тамъ, гдѣ высится стѣна этого хребта и гдѣ его бѣлоснѣжныя вершины кажутся утопающими въ голубыхъ водахъ Иссакъ-куля.

— Прощай, дорогой учитель, да будетъ легка тебѣ земля! Чистый сердцемъ, великій душою, ты приковывалъ насъ къ себѣ всѣмъ существомъ—и душой и тѣломъ; самъ же ты со всѣмъ твоимъ умомъ и любовью привязывался только къ природѣ Азіи и ея глубокому научному познанію. Привязавъ себя, ты старался привязать и насъ: да будетъ же *твой завѣтъ* навсегда хранимъ нами!

Вѣсть о преждевременной кончинѣ Пржевальскаго произвела не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ, скорбное впечатлѣніе....

Девятаго ноября 1888 года Императорское Географическое общество устроило чрезвычайное собраніе, посвященное памяти Николая Михайловича Пржевальскаго. Это собраніе было открыто рѣчью вице-предсѣдателя П. Семенова-Тянь-Шанскаго: «... Говорить о Пржевальскомъ можно, разумѣется, безконечно много.... Въ нашей средѣ совершилась вся его славная дѣятельность, съ нами дѣлился онъ первыми впечатлѣніями четырехъ великихъ своихъ путешествій вглубь Азіи, передъ нами писалъ онъ, съ свойственною ему талантливостью, въ промежуткахъ своихъ путешествій, свои томы; многимъ изъ васъ, присутствующихъ, передавалъ онъ для научной разработки собранные драгоценные матеріалы, съ нами составлялъ онъ смѣлые планы новыхъ путешествій; при нашемъ дѣятельномъ участіи снаряжался онъ въ свои

экспедиціи. Однимъ словомъ, его дѣятельность въ теченіе двадцатилѣтія до такой степени сплелась съ дѣятельностью Географическаго общества, что лавры его вѣнка суть вмѣстѣ съ тѣмъ лучшія лавры почти полувѣковой дѣятельности нашего Общества.

Вамъ, конечно, извѣстно, что Пржевальскій удостоился всѣхъ высшихъ наградъ со стороны всѣхъ географическихъ обществъ, не не всѣмъ извѣстны тѣ отзывы, которыми сопровождались эти награды.... Приведу прежде всего отзывъ барона Рихтгофена, знаменитаго геолога и путешественника по Китаю, предсѣдателя Берлинскаго географическаго общества, по рецензіи котораго состоялось въ пользу Пржевальскаго присужденіе большой Гумбольдтовской медали, первое по ея учрежденіи. Рихтгофенъ, свидѣтельствуя о томъ, что ни одинъ отдѣльный путешественникъ не расширилъ нашихъ познаній о Центральной Азіи въ такой мѣрѣ, какъ Пржевальскій, прямо и притомъ въ двухъ мѣстахъ своей рецензіи признаетъ его геніальнымъ путешественникомъ, обладающимъ необыкновенною наблюдательностью. Говоря объ одномъ изъ этнографическихъ очерковъ Пржевальскаго, Рихтгофенъ признаетъ очеркъ этотъ одною изъ самыхъ интересныхъ и привлекательныхъ этнографическихъ картинъ, какія только встрѣчаются въ современныхъ путешествіяхъ. Въ частности, говоря объ Алтынъ-тагѣ, Рихтгофенъ признаетъ научное открытіе Пржевальскимъ этого хребта поразительнѣйшимъ географическимъ открытіемъ, имѣющимъ одинаково во важное значеніе, какъ для географіи, такъ и для уразумѣнія средне-азиатскихъ народныхъ отношеній.

Президентъ Лондонскаго географическаго общества, при присужденіи Пржевальскому еще въ 1879 году высшей награды, находящейся въ распоряженіи общества, высказалъ мнѣніе, что путешествіе Пржевальскаго по странѣ тангутовъ и сѣверному Тибету превосходитъ все то, что было обнародовано со временъ Марко Поло, и ставитъ одинаково высоко заслуги Пржевальскаго, какъ географа и какъ натуралиста; при этомъ г-нъ Алькокъ очень удачно догадывается, что побудила Пржевальскаго предпринять свои отчаянныя и опасныя путешествія его энтузіастическая любовь къ природѣ. Но если это такъ, прибавляетъ президентъ Лондонскаго географическаго общества, то тѣмъ болѣе чести Пржевальскому за то, что ему удалось привить къ своей страсти всѣ достоинства ученаго географа и самаго счастливаго и отважнаго изслѣдователя неизвѣстныхъ странъ.

Президентъ Шведскаго географическаго общества, которое

въ присутствіи своего просвѣщеннаго и любящаго географическую науку государя, присудило Пржевальскому свою высшую награду, медаль Веги, послѣ того, какъ та же награда присуждена была знаменитымъ шведскимъ путешественникамъ—Норденшельду и Паландеру, и не менѣе знаменитому изслѣдователю внутренней Африки Стэнли, поставилъ эти четыре имени въ первомъ ряду современныхъ путешественниковъ и выразилъ при этомъ свое глубокое сочувствіе къ тому правительству, которое такъ великодушно содѣйствовало снаряженію его экспедиціи и съ такою честью представляетъ свою страну въ географической наукѣ.

Этихъ трехъ отзывовъ достаточно для того, чтобы охарактеризовать мнѣнія о Пржевальскомъ ученыхъ обществъ въ Западной Европѣ. Свидѣтельскія же показанія нашихъ почтенныхъ ученыхъ, которымъ ближе всего извѣстны матеріалы, собранные Пржевальскимъ, вы услышите послѣ моей рѣчи»....

«Многіе изъ присутствующихъ», говоритъ академикъ Штраухъ—покойный директоръ Зоологическаго музея Академіи наукъ, «вѣроятно еще помнятъ грандіозное впечатлѣніе, которое производила устроенная въ началѣ 1887 года выставка собранныхъ Николаемъ Михайловичемъ предметовъ, наполнявшихъ два большихъ зала въ новомъ зданіи академіи и составлявшихъ сами по себѣ уже цѣлый музей. Если мы ограничились бы еще замѣчаніемъ, что всѣ коллекціи покойнаго образцово приготовлены и прекрасно сохранены, то не затронули бы главной ихъ стороны, ихъ научнаго значенія. Николай Михайловичъ чрезвычайно систематично и съ рѣдкимъ пониманіемъ дѣла относился къ своимъ сборамъ. Какъ превосходный наблюдатель, онъ съ педантичной обстоятельностью заносилъ въ свои образцовые дневники всѣ наблюдавшіяся имъ біологическія явленія и другія свѣдѣнія. Такъ, по разъ заведенному плану, изъ года въ годъ дополнялись вмѣстѣ съ коллекціями и данныя, часто неоцѣнимой важности, касающіяся жизни центрально-азиатскихъ животныхъ; никакое одолимое человѣческими силами препятствіе не было въ состояніи удержать Николая Михайловича отъ пополненія пробѣловъ, замѣченныхъ имъ въ своихъ матеріалахъ. Мертвыя числа, показывающія количество привезенныхъ предметовъ, величайшая рѣдкость и большая денежная цѣнность многихъ изъ нихъ—все это блѣднѣетъ передъ тою научною цѣнностью, которую покойный сумѣлъ придать своимъ коллекціямъ, все это блѣднѣетъ передъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Николай Михайловичъ поставилъ свой матеріалъ на высоту, соответствующую

щую тѣмъ важнымъ задачамъ, которыя связаны съ изученіемъ животнаго населенія Центральной Азіи».

Академика-зоолога смѣнилъ на кафедрѣ Географическаго общества академикъ-ботаникъ, К. И. Максимовичъ. «Отрадное чувство встаетъ въ душѣ при мысли, что въ продолженіе тридцати съ небольшимъ лѣтъ наука обязана Россіи научнымъ приобрѣтеніемъ такихъ обширныхъ странъ, какъ Амурскій и Уссурійскій край, Сахалинъ, Туркестанъ, Монголія и сѣверный Тибетъ. Въ первыхъ изъ нихъ вмѣстѣ съ военнымъ занятіемъ явились и ученые экспедиціи, и едва Европа успѣла узнать, что Амуръ принадлежитъ Россіи, какъ въ печати уже появились труды о флорѣ и фаунѣ его. Впечатлѣніе, особенно въ Англій, было глубокое: труды эти были толчкомъ для изданія правительствомъ цѣлаго ряда описаній колониальныхъ флоръ. Еще болѣе глубокимъ уваженіемъ встрѣчены геройскіе подвиги Н. М. Пржевальскаго. Въ письмѣ сэра Джозефа Д. Гукера, знаменитаго путешественника, изслѣдовавшаго между прочимъ и Гималай до рубежа Тибета, письмѣ, написанномъ по поводу весьма заинтересовавшей его вышеупомянутой статьи о флорѣ Монголіи и Тибета, онъ выразился о Пржевальскомъ, какъ едва ли не о первомъ научномъ путешественникѣ нашего времени, соединяющемъ военную отвагу съ многостороннею научною подготовкою и неимовѣрнымъ трудолюбіемъ. Ливингстонъ и Стэнли, пишетъ онъ, были отважными піонерами, но только сумѣли проложить на картѣ пройденные ими пути, для изученія же природы не сдѣлали ничего. Послѣ заслуженнаго Барта нужно даже было послать другого путешественника, чтобы проложить на картѣ маршруты его. Только Пржевальскій, заключаетъ онъ, соединялъ въ своемъ лицѣ отважнѣйшаго путешественника съ географомъ и натуралистомъ».

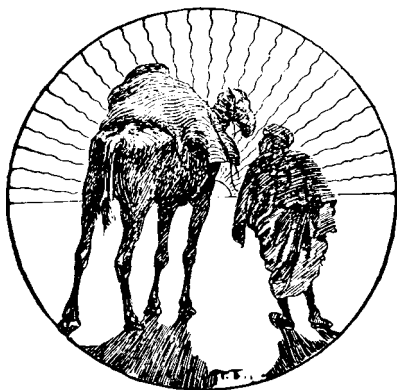
Николай Михайловичъ скончался на порогѣ пятаго путешествія. Какъ бы предчувствуя свой конецъ, онъ помѣстилъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, кромѣ инструкцій, какъ путешествовать по Средней Азіи, еще и перечисленіе задачъ, подлежащихъ исполненію, для болѣе основательнаго изученія пройденныхъ имъ странъ, скромно называя свои собственные труды *научными рекогносцировками*. Исполнимъ же послѣднее завѣщаніе его, найдемъ въ средѣ нашей отважныхъ и знающихъ путешественниковъ, готовыхъ закрѣпить за нами научное завоеваніе Центральной Азіи...

По волю МОНАРХА, двадцатаго октября 1892 года бюстъ Пржевальскаго былъ законченъ сооружеиёмъ и открытъ въ Александровскомъ саду, въ Петербургѣ.

Нѣсколько позднѣе былъ поставленъ величественный памятникъ и на могилѣ Пржевальскаго, на высокомъ берегу Исыкъ-куля. Исыкульскій памятникъ изображаетъ скалу, сложенную изъ большихъ глыбъ тяньшаньскаго гранита. На вершинѣ скалы большой бронзовый орелъ. Подъ когтями орла карта Азiи, на бронзовомъ листѣ; въ клювъ оливковая вѣтвь — эмблема мирныхъ завоеванiй науки.

Городъ Караколъ былъ переименованъ въ Пржевальскъ.

П. Козловъ.

КЪ РЕФОРМЪ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Не подлежит сомнѣнію, что неудачи, постигшія насъ въ Русско-японскую войну, заставили многихъ проявить напряженную моральную и организаціонную дѣятельность, которая не замедлила выдвинуть неотложность важныхъ реформъ въ арміи, совершила переоцѣнку многихъ устарѣвшихъ взглядовъ на военное искусство, подняла уровень нравственнаго воспитанія и техническаго образованія войскъ.

Къ числу желательныхъ мѣропріятій слѣдуетъ отнести и реформы въ службѣ генеральнаго штаба, который (не смотря на извѣстный афоризмъ: «мозгъ арміи») сохранилъ среди преобразованій послѣдняго времени наибольшій консерватизмъ.

Несомнѣнно, что крупный пробѣлъ въ службѣ генеральнаго штаба—это отчужденіе отъ творческой работы въ войскахъ, незамѣтной, но весьма существенной для развитія воинскаго духа и для совершенствованія въ обученіи войскъ.

Отсюда рядъ непростительныхъ ошибокъ въ Русско-японскую войну штабовъ, начальниковъ въ отношеніи управленія; рядъ непростительныхъ заблужденій, вслѣдствіе непониманія мощи командуемыхъ единицъ, способныхъ къ значительно большимъ подвигамъ и жертвамъ, т.-е. въ неумѣннн использовать средства для побѣды. Извѣстенъ примѣръ растерянности высшаго управленія при переправѣ черезъ Дунай у Зимницы въ 1877 году и, наряду съ этимъ, Скобелевъ, сохраняющій полное спокойствіе, понимающій импульсъ боя и въ хаосѣ боевыхъ столкновеній геніально усмотрѣвшій побѣду надъ врагомъ.

Если мы обратимся къ нашимъ великимъ полководцамъ—Петру, Суворову, то увидимъ, что ихъ военный талантъ развивался не подъ влияніемъ штабной, канцелярской службы, а среди воинства, которому они посвятили свою жизнь и которое использовали для своей славы и величія.

По окончаніи послѣдней войны были сдѣланы попытки къ большему сближенію офицеровъ генеральнаго штаба съ войсками установленіемъ двухлѣтняго командованія «причисленными» ротой (эскадромъ). Хотя эти мѣры и заслуживаютъ сочувствія и крайне желательны, но онѣ не могутъ имѣть существеннаго значенія, такъ какъ, вслѣдствіе недостаточнаго опыта причисленныхъ къ генеральному штабу, послѣдніе не въ состояніи проявить той творческой работы, которая необходима для того, чтобы выдвинуть армию на путь совершенствованія. Нерѣдко имъ приходится самимъ присматриваться къ тому, что сдѣлано болѣе опытными (но съ менѣе широкимъ военнымъ образованіемъ) строевыми начальниками.

Поэтому офицерамъ генеральнаго штаба, кромѣ командованія ротой (эскадромъ), необходимо дать войсковую практику въ тотъ періодъ, когда они готовятся быть командирами полковъ, когда ихъ служебный опытъ настолько созрѣлъ, что они способны оказать существенное влияніе на творческую, созидательную работу въ войскахъ. Къ этому необходимо приступить самымъ рѣшительнымъ образомъ, не обращая вниманія на мелочныя неудобства, могущія произойти отъ этой реорганизациіи службы офицеровъ генеральнаго штаба, при возвращеніи ихъ обратно въ строевыя части.

Но прежде, чѣмъ перейти къ этому вопросу, необходимо въ общихъ чертахъ коснуться значенія штабовъ высшихъ войсковыхъ соединеній.

Учрежденіе штаба прежде всего обусловливается требованіями удобствъ управленія, которое въ высшихъ соединеніяхъ дѣлается настолько затрудненнымъ, что не подъ силу одному лицу. Чѣмъ выше войсковыя соединенія, тѣмъ болѣе требуется, такъ называемой, мозговой работы (для выясненія сущности обстановки и для подготовки къ данной операціи).

Высшему начальнику, освобожденному отъ трудной мозговой работы, предоставляется для окончательнаго рѣшенія критическій анализъ и собственная воля, оказывающая огромное вліяніе на ходъ боевыхъ дѣйствій.

Корпусъ въ настоящее время есть низшая оперативная единица, обладающая полной самостоятельностью. Дивизія не имѣетъ такой самостоятельности и составляетъ маневренную единицу, способную выполнить лишь частныя задачи, преимущественно на поляхъ сраженій, а именно: выполнять роль (маневреннаго) резерва, заслона, угрозы и охраненія фланговъ и т. п. Отсюда вытекаетъ для этихъ соединеній необходимость имѣть начальника штаба, ближайшаго помощника для разработки оперативныхъ данныхъ, именно для той мозговой работы, которая могла бы освободить высшее начальство отъ лишняго труда и дать ему время на обсужденіе плана и на рѣшеніе операціи. Однако, дивизія, по своему боевому значенію, въ такой широкой подготовкѣ къ операціи не нуждается; дѣятельность ея штаба слагается, главнымъ образомъ, изъ организаціи техники управленія, что зависитъ не отъ одного начальника штаба, а отъ имѣющихся наличныхъ средствъ связи, отъ организаціи службы генеральнаго штаба и, наконецъ, отъ самой подготовки частей къ проявленію собственнаго почина въ развитіи данной операціи.

Бой настолько сложное психологическое явленіе, что никакія совершенныя техническія средства не въ состояніи замѣнить самаго главнаго условія въ управленіи войсками — развитія чувства личной инициативы, стремленія всѣхъ до послѣдняго солдата къ достиженію общей цѣли.

Это важное условіе — «полное единство цѣли» — современнаго боя упрощаетъ веденіе операціи менѣе крупными единицами, въ отношеніи тѣхъ операціонныхъ соображеній, которыя требуютъ трудной предварительной работы штаба.

Если эта разница въ операціонной работѣ на войнѣ рѣзко выражается, съ одной стороны, въ высшихъ организаціяхъ—въ арміи и корпусѣ, какъ оперативныхъ единицахъ, и, съ другой стороны, въ дивизіи, какъ маневренной единицѣ, то дѣятельность штаба корпуса и дивизіи въ мирное время еще болѣе отличается одна отъ другой. Корпусъ, состоящій изъ значительнаго числа отдѣльных частей пѣхоты, кавалеріи, артилеріи, инженерныхъ войскъ, самаго разнообразнаго назначенія, нуждается въ штабѣ, объединенномъ въ рукахъ одного начальника штаба для разработки, главнымъ образомъ, вопросовъ воспитанія и обученія различныхъ родовъ войскъ.

Другія функціи, которыя должны выполняться вообще начальникомъ штаба, это быть ближайшимъ помощникомъ начальника въ управленіи войсками. Если эта послѣдняя (опредѣленная закономъ для начальника корпуснаго и окружнаго штабовъ) обязанность совершенно игнорируется, то это доказываетъ насколько глубоко вкоренилось убѣжденіе, совершенно неосновательное, что начальникъ штаба есть только докладчикъ по всѣмъ дѣламъ управленія войскъ:

Управление дивизіи не нуждается въ подобной объединяющей дѣятельности штаба. Вопросы воспитанія и обученія одного рода войскъ (по преимуществу) не представляютъ собой сложности и могутъ быть разрѣшаемы, безъ предварительной разработки, самимъ начальникомъ, стоящимъ во главѣ управленія. Самъ законъ строго ограничиваетъ роль начальника штаба дивизіи, возлагая на него опредѣленныя обязанности по завѣдыванію дѣлопроизводствомъ штаба, въ отличіе отъ начальника штаба высшихъ войсковыхъ соединеній.

Отсюда вытекаетъ необходимость въ реформированіи штаба дивизіи—упраздненіемъ должностей начальника штаба и старшаго адъютанта генеральнаго штаба и оставленіемъ въ распоряженіи начальника дивизіи штабъ-офицера по службѣ генеральнаго штаба, роль котораго отвѣчала бы дѣятельности, опредѣленной закономъ и соотвѣтствующей современнымъ требованіямъ.

Съ раздѣленіемъ управленія дивизіи на штабъ дивизіи и управленіе дивизионнаго интенданта, вопросъ объ упраздненіи должности начальника штаба дивизіи и о передачѣ его функціи штабъ-офицеру какъ бы предрѣшается самъ собой. Подобно тому, какъ дѣлопроизводитель управленія дивизионнаго интенданта является ближайшимъ помощникомъ дивизионнаго интенданта по канцеляріи,

въ помощь штабъ-офицеру по службѣ генеральнаго штаба, для веденія канцелярской переписки и исполненія табели срочныхъ донесеній, долженъ быть назначенъ старшій адъютантъ по строевой части, офицеръ не генеральнаго штаба.

Упраздня одну высшую должность генеральнаго штаба, достигается возможность офицерамъ генеральнаго штаба въ штабъ-офицерскомъ чинѣ возвратиться въ войска, т.-е. достигается цѣль сближенія съ войсками передъ командованіемъ полкомъ.

Откомандированіе это, съ назначеніемъ помощникомъ командира полка, въ теченіе двухъ лѣтъ не менѣе, окажетъ, во-первыхъ, существенное вліяніе на подготовку будущихъ командировъ полковъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба, въ настоящее время являющихся въ видѣ гастролеровъ и часто, благодаря своей неподготовленности, вызывающихъ совершенно справедливыя нареканія команднаго элемента; во-вторыхъ, пребываніе въ полкахъ людей съ достаточнымъ опытомъ, съ широкимъ военнымъ образованіемъ, дасть въ распоряженіе командира полка отличнаго помощника, въ отношеніи поднятія воинскаго образованія въ войскахъ.

Такимъ образомъ полное единеніе по цѣли, взаимное пониманіе, твердая моральная спайка управленія съ массами требуютъ еще большаго сближенія, сліянія генеральнаго штаба съ войсками, для совмѣстной творческой работы, безъ которой невозможенъ никакой прогрессъ въ арміи.

А. С.

Изъ Скобелевскихъ приказовъ ¹⁾.

(35 лѣтъ тому назадъ).

«... Въ виду того, что помѣщеніе и вообще бытъ солдата прямо отражается на его здоровьѣ и силѣ, а слѣдовательно боевой готовности и самой жизни его, предлагаю всѣмъ гг. начальствующимъ припомнить и примѣнить къ дѣлу всѣ данныя, вліяющія на здоровье солдата и хорошее состояніе его духа, вмѣстѣ съ тѣмъ обращать вниманіе на сохраненіе строгаго порядка на квартирахъ, гдѣ солдатъ естественно ускользаетъ отъ глазъ начальства. Для этого, между прочимъ, считаю необходимымъ, чтобы гг. строевые офицеры жили въ районѣ своихъ ротъ.

Предписываю принять къ исполненію слѣдующее:

1) Помѣщенія выбирать осмотрительно: въ нихъ не должно быть недостатка въ воздухѣ, они должны быть теплы, чисты, сухи и свѣтлы; всѣ щели должны быть закрыты, стекла вставлены, печи устроены. Вездѣ должна быть подъ рукою хорошая вода.

2) Въ каждой квартирѣ должны быть старшіе, отвѣчающіе за порядокъ въ помѣщеніи; нижніе чины должны ложиться на вечерней зарѣ, дежурные офицеры по баталіонамъ, дежурные по ротамъ должны часто обходить помѣщенія. Въ квартирѣ имѣть списокъ нижнихъ чиновъ, въ ней живущихъ. Каждая рота должна имѣть ротный дворъ или площадку для ученія.

3) Гг. начальники должны наблюдать, чтобы всѣ люди держали помѣщенія и себя въ чистотѣ, бѣлье должно быть всегда чисто, солдаты должны ходить въ баню или устроить ее.

4) Бездѣйствіе порождаетъ упадокъ духа, пьянство и болѣзни. Солдатъ долженъ быть всегда занятъ; поэтому, кромѣ постоянныхъ ученій, ознакомленія съ уставами и новымъ оружіемъ, гг. офицеры должны поощрять въ солдатахъ чтеніе и устройство разнаго рода игръ.

¹⁾ По поводу расположенія частей IV корпуса на квартирахъ въ Адрианополѣ и его окрестностяхъ.

Приборъ для рѣшенія графическимъ способомъ стрѣлковыхъ задачъ.

«Наука сокращаетъ намъ опыты быстро-текущей жизни».

Значеніе наглядности въ обученіи.

Трѣльба есть искусство. Нужна ли для искусства наука, или обладаніе искусствомъ достигается усиленными упражненіями, а всякая теорія только мѣшаетъ дѣлу. создавая не мастеровъ, а теоретиковъ-схоластиковъ? Не вспоминается ли въ этомъ случаѣ гениальный Моцартъ и посредственный Сальери, который ремесло поставилъ подножіемъ искусству; «звуки умертвивъ, музыку разъялъ, какъ трупъ: повѣрилъ алгеброй гармонию и только послѣ этого дерзнулъ — въ наукѣ искушенный — предаться нѣгѣ творческой мечты». Но Моцартъ не былъ только гениальнымъ самородкомъ, творящимъ изъ себя: семи лѣтъ онъ сталъ изучать музыку подъ руководствомъ отца-музыканта. Когда Рим-

скому-Корсакову (автору Садко, Псковитянки) предложили мѣсто профессора консерваторіи, то онъ хотя согласился, но вскорѣ почувствовалъ свою полную неподготовленность къ этой роли. «Отсутствіе серьезнаго знанія теоріи музыки и техники сочинительства», говоритъ онъ, «сказались остановкой и въ моей сочинительской фантазіи, въ основу которой стали входить тѣ же заѣзженные мною приемы, и только развитіе этой техники, къ которой я обратился, дало возможность новымъ живымъ струямъ вселиться въ мое творчество и развязать руки для дальнѣйшей сочинительской дѣятельности». Самые знаменитые художники должны внимательно изучать теорію перспективы, теорію тѣней и свѣтовыхъ контрастовъ, чтобы создавать свои великія произведенія. «Въ большомъ физическомъ кабинетѣ на университетскомъ дворѣ», пишетъ Рѣпинъ, «мы художники-передвижники, собирались въ обществѣ Менделѣева и Петрушевскаго, для изученія подъ ихъ руководствомъ свойствъ разныхъ красокъ». «Когда я начинаю картину», говорилъ Куинджи, «я положительно не знаю, когда ее окончу: черезъ мѣсяць, черезъ годъ, можетъ быть—никогда. Надо умѣть выстрадать картину. Да, что картину! Иногда облачко, которое не можешь сразу схватить, причиняетъ столько мукъ, что теряешь голову и работаешь недѣлями, мѣсяцами».

Если въ самыхъ возвышенныхъ искусствахъ, какъ музыка, живопись, необходимы серьезныя научныя познанія, то относительно важности ихъ для искусствъ прикладныхъ, казалось бы не должно быть и рѣчи. Недаромъ, въ настоящее время каждое государство усиленно насаждаетъ у себя профессиональное образованіе, прекрасно понимая, что безъ него немислимъ сельскохозяйственный и промышленный прогрессъ. Былой «практикъ», т.-е. человѣкъ, обладающій хотя научными, но несистематизированными знаніями, теперь всюду уступаетъ мѣсто человѣку строго точной науки, и мы часто видимъ профессоровъ университета, знаменитыхъ ученыхъ, въ роли руководителей фабрикъ или, по крайней мѣрѣ, завѣдующими лабораторіями, подъ контролемъ которыхъ ведется производство. «Съ давнихъ поръ», пишетъ Александеръ въ «Вѣстникѣ офицерской стрѣлковой школы», «идетъ жестокая война между теоріей и практикой стрѣльбы, но это бесполезная война. Теорія стрѣльбы есть ничто иное, какъ изложеніе выводовъ изъ многочисленныхъ опытовъ многолѣтней практики, собранныхъ въ видѣ научныхъ положеній ¹⁾). Уже въ силу этого одного, не можетъ

¹⁾ Наука есть систематизація нашихъ опытовъ. Она есть методическое обобщеніе здраваго смысла, говоритъ Льюисъ.

быть никакихъ противоположеній между теоріей и практикой. Теорія безъ практическаго подтвержденія—не есть теорія. Но одна практика дѣлается грузной, не эластичной, мало сознательной, если она не одухотворяется теоріей; въ такихъ случаяхъ отсутствуетъ ясное пониманіе свойствъ своей или непріятельской винтовки, свойствъ своего или непріятельскаго огня, примѣнительно къ той или другой обстановкѣ. Теорія безъ практики несовершенна, но практика безъ теоріи слѣпа. Эти два разныя направленія найдутъ свое равновѣсіе въ лицѣ офицеровъ, практически знакомыхъ съ дѣломъ стрѣльбы и при томъ сознательно изучившихъ ее въ теоріи. Въ лицѣ такихъ офицеровъ ремесло стрѣльбы сольется съ наукой стрѣльбы».

Существованіе военныхъ училищъ, академій, офицерскихъ школъ, гдѣ изучаютъ математику, механику, баллистику, артилерію, фортификацію, показываетъ, что всѣ эти науки считаются безусловно необходимыми для военнаго дѣла. Если иногда и происходитъ споръ, то только относительно объема этихъ предметовъ и способовъ ихъ изученія. Но стоитъ офицеру сойти съ той или другой школьной скамьи, какъ онъ съ удивительной быстротой забываетъ всѣ пріобрѣтенныя теоретическія познанія и съ удовольствіемъ усваиваетъ взглядъ, что вся эта книжная премудрость вредитъ дѣлу, отвлекая его отъ практики, которой только и надобно заниматься. Въ дѣйствительности же оказывается, что книжная мудрость основательно забывается, а никакая практика не изучается, такъ какъ для самостоятельной обработки фактовъ изъ практики, для полученія изъ нихъ общихъ руководящихъ принциповъ, понятно, не хватаетъ привычки къ правильному мышленію. Нужно ли говорить, какой грустный результатъ получается отъ такого положенія вещей.

Теперь сдѣланъ рѣшительный шагъ впередъ. Требуютъ, чтобы военныя науки не замыкались школьными стѣнами, а изучались во все время службы, для чего вводится цѣлый рядъ обязательныхъ занятій: военная игра, рѣшеніе тактическихъ задачъ, рѣшеніе стрѣлковыхъ задачъ. Военную игру стараются облечь въ формы, возможно ближе подходящія къ дѣйствительности, чтобы сообщить ей необходимый интересъ. Но въ совершенно другомъ положеніи находятся занятія по рѣшенію стрѣлковыхъ задачъ, благодаря чему съ полной очевидностью обнаруживается всеобщая нелюбовь къ этимъ упражненіямъ. Если же ими занимаются, то только для проформы, чтобы отбыть номеръ, безъ всякаго вкуса, безъ всякаго

интереса; понятно, при такихъ условіяхъ, ничего цѣннаго отъ этого труда не получается. Какъ неудобоваримая умственная пища, она не переваривается мозгомъ. Всякій безпристрастный наблюдатель современной жизни арміи долженъ признать, что армія работаетъ много, хочетъ овладѣть своею специальностью, особенно искусствомъ стрѣльбы, не жалѣя для этого труда. Такъ почему же имѣеть мѣсто такое равнодушіе, даже нелюбовь къ тѣмъ познаніямъ, которыя, казалось бы, должны служить лучшими руководителями при стрѣльбѣ, какъ важнѣйшемъ дѣлѣ арміи? Орѣхи полезная пища, но если глотать ихъ вмѣстѣ со скорлупой, то ничего кромѣ вреда для организма не получится. Желудокъ не въ силахъ растворить скорлупу и добраться до зерна. Тоже происходитъ съ большинствомъ научныхъ знаній: они часто предлагаются въ такой формѣ, что мозгъ хотя и чувствуетъ въ нихъ нужный для него питательный матеріалъ, но совершенно не въ силахъ его усвоить. Если какое либо явленіе изучается при помощи описанія, а не путемъ чувственныхъ впечатлѣній, то часто со словами не соединяють никакихъ реальныхъ образовъ или соединяють съ ними ошибочныя представленія. Нельзя забывать, что между воспринятіемъ звуковъ, составляющихъ слово, и воспроизведеніемъ связанныхъ съ ними образовъ протекаетъ довольно значительный промежутокъ времени, почему многіе не въ силахъ слѣдить за разсужденіями, и совершенно ясныя слова остаются для нихъ пустыми звуками.

Отсюда, чтобы вывести какое-либо научное понятіе изъ ряда явленій, слѣдуетъ *не описывать ихъ, а демонстрировать тѣмъ или другимъ образомъ*. «Каждое мышленіе, въ особенности же изслѣдованія, открытія, изобрѣтенія требуютъ, чтобы въ распоряженіи фантазіи были ясныя, опредѣленные и живыя представленія съ подвижными составными частями, изъ которыхъ будутъ слгаться новыя комбинаціи»²⁾).

Ясность же и живость представленій въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ того, приходится ли намъ для полученія ихъ пользоваться не только глазами, но также и руками, вообще движеніемъ.

Сравните степень ясности представленій, полученную при описаніи мѣста, съ картой мѣста; описаніе наружности человѣка, даже сдѣланное художникомъ слова, съ портретомъ этого лица; доказательство какой-либо теоремы на словахъ съ доказательствомъ при

²⁾ Лай. Экспериментальная дидактика.

помощи хорошаго чертежа, особенно, если онъ постепенно выполняется собственными руками. Даже такой художникъ, какъ Толстой, долженъ былъ къ описанію Бородинскаго боя дать планъ его. Снабжая наши книги чертежами, картами, фотографіями, мы идемъ навстрѣчу потребности нашего мозга—радостно воспринимать чувственныя впечатлѣнія и, наоборотъ, съ полной не охотой—отвлеченныя понятія. Выводъ ясенъ. Если желаютъ, чтобы въ арміи съ интересомъ занимались изученіемъ стрѣлковыхъ задачъ для выработки правильныхъ воззрѣній на сущность ружейнаго огня, для сознательнаго примѣненія этихъ воззрѣній къ стрѣльбѣ, то безусловно необходимо отказаться отъ отвлеченнаго математическаго способа рѣшенія такихъ задачъ, а нужно обратиться къ нагляднымъ способамъ, при которыхъ предъ глазами рѣшающаго задачу проходили бы всѣ ея элементы, въ видѣ отвѣчающихъ дѣйствительности образовъ. Такъ же важно, чтобы рѣшающій самъ передвигалъ элементы задачи для полученія необходимаго отвѣта, т. е. соединялъ бы постепенно зрительныя и двигательныя впечатлѣнія.

Есть одна книжка: П. фонъ-Герихъ. «Стрѣльба пѣхоты» — пособие при рѣшеніи стрѣлковыхъ вопросовъ и для изученія таблицъ стрѣльбы острой пули.

На стр. 3 этой книги даются формулы для рѣшенія нѣкоторыхъ стрѣлковыхъ задачъ, причемъ указывается, что могутъ при этомъ встрѣтиться слѣдующіе матеріальные факторы: вѣроятность попаданія въ сплошную поясную цѣль—В, уязвимая поверхность цѣли (человѣкъ, всадникъ)—У, число фигуръ поражаемой цѣли—Ч, ширина цѣли—Ш, густота цѣли—Г, количество стрѣлковъ—К, скорость огня—С, продолжительность огня—П, число выпущенныхъ патроновъ—Па, число попавшихъ пуль—По, величина потерь—Х. Между этими факторами существуютъ слѣдующія соотношенія:

$$1) \Gamma = \frac{\text{Ч}}{\text{Ш}}. \quad \left| \quad 2) \text{Па} = \text{К} \cdot \text{С} \cdot \text{П}. \quad \left| \quad 3) \text{По} = \text{Х} = \text{В} \frac{\text{Ч}}{\text{Ш}}. \right. \right.$$

$$4) \text{У} \cdot \text{По} = \text{В} \cdot \text{Г} \cdot \text{У} \cdot \text{К} \cdot \text{С} \cdot \text{П}.$$

Я увѣренъ, что большинство офицеровъ со страхомъ посмотритъ на эти формулы и никогда не рѣшится примѣнять ихъ. Даже для тѣхъ, кто и овладѣетъ ими, результатомъ рѣшенія будутъ—нѣсколько чиселъ, изъ которыхъ надо еще умѣть сдѣлать выводы; для этого необходимо ясно представлять себѣ тѣ дѣйствительныя явленія, которыя выражаются этими числами, а это сдѣлать до-

ступно только немногимъ. Стараются иногда дать рядъ мнемоническихъ правилъ для запоминанія нужныхъ данныхъ для стрѣльбы. «Но мнемоническія правила», говоритъ В. Ступинъ въ своихъ стрѣлковыхъ замѣткахъ, «обладаютъ общимъ недостаткомъ — отсутствіемъ наглядности. Про нижнихъ чиновъ и говорить не приходится, но даже и среди офицеровъ они быстро забываются. Въ цѣляхъ обученія, лучше рекомендовать способъ схематическаго изображенія всѣхъ необходимыхъ данныхъ и постараться, дабы эта схема возможно чаще была передъ глазами. Частое обращеніе со схемой, зрительная память скорѣе дадутъ результаты».

Попробуемъ при помощи таблицъ стрѣльбы рѣшить, напримѣръ, такую задачу: съ какой дистанціи прямымъ выстрѣломъ (560 шаг.) можно поражать кавалерію, цѣлясь *въ голову лошади*, считая, что она находится, въ среднемъ, на высотѣ 3 арш.=48 верш. ³⁾. Положимъ (рис. 1), что это разстояніе 1.000 шаг.; превышеніе траекто-

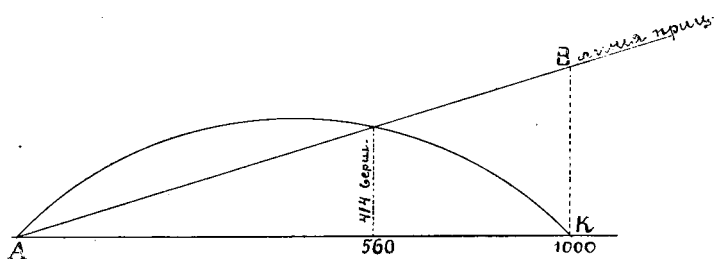

Рис. № 1.

ри для этой дистанціи у 560 шаг. будетъ 41,4 вер.: найдемъ—на какой высотѣ линія прицѣливанія проходитъ выше конца траекторіи на 1.000 шаговъ. (линія КВ). Имѣемъ пропорцію:

КВ : 41,4 = 1000 : 560; КВ = $\frac{41,4 \cdot 1000}{560} = 74$ вершк. (дистанція велика). Положимъ, что теперь разстояніе 800 шаг., тогда превышеніе у 560 шаговъ будетъ=20 вершк., а разстояніе КВ = $\frac{20 \cdot 800}{560} =$

= 29 вершк. (мало). Искомое разстояніе, для котораго линія прицѣливанія проходитъ на высотѣ 48 вершк., найдется такъ: при измѣненіи разстояній отъ 800 до 1000 шаговъ, т.-е. на 200 ш., величина КВ измѣняется отъ 29 до 74 вершковъ, т.-е. на 45 вершковъ. А намъ нужно, чтобы она измѣнилась съ 29 на 48, т.-е. на 19 вершковъ.

³⁾ «Указанія» при производствѣ стрѣльбы 3-линейными остроконечными патронами. 1912 г.

На 1 вершокъ высоты дальность увеличивается на $\frac{200}{45}$, а на 19 вершковъ она увеличивается на $\frac{200 \times 19}{45} = 85$ аршинъ. Слѣдовательно, искомая дальность, съ которой цѣль съ высотой въ 3 аршина начинаетъ поражаться при стрѣльбѣ съ постояннымъ прицѣломъ, будетъ: $800 + 85 = 885$ шаговъ.

Это только по отношенію къ средней траекторіи, но пули ложатся снопомъ, причемъ 35% ихъ, т.-е. половина «сердцевины», ложится на значительной длинѣ. Слѣдовательно, цѣль начнетъ поражаться пулями сердцевины съ большей дистанціи, чѣмъ 885 ш. А если принять во вниманіе весь снопъ пуль, то цѣль начнетъ поражаться съ еще бѣльшаго разстоянія. Не правда ли, какой длинный, скучный, ничего не говорящій воображенію путь, да при томъ еще съ цѣлымъ рядомъ условныхъ допущеній!

Теперь допустимъ, что у насъ тщательно вычерчена въ определенномъ масштабѣ траекторія для 1000 шаговъ. Въ этомъ же масштабѣ изготовлена мишень всадника. Проведемъ линію прицѣливанія до 560 шаговъ, т.-е. соединимъ начало траекторіи съ точкой на траекторіи, находящейся въ разстояніи 560 шаговъ.

Будемъ перемѣщать нашу мишень такъ, чтобы линія прицѣливанія все время проходила черезъ голову лошади до тѣхъ поръ, пока подошва мишени не коснется траекторіи. Увидимъ, что это произойдетъ въ разстояніи 900 шаговъ.

Проведемъ линію, по которой движется цѣль, для чего соединимъ начало траекторіи съ подошвой цѣли.

Мы нашли, на какой дистанціи средняя траекторія начинаетъ проходить черезъ подошву цѣли, но сердцевина снопа пуль, начинаетъ поражать цѣль съ бѣльшей дистанціи; построимъ крайнюю траекторію снопа.

Мы рѣшили ту же задачу графически: передъ нами прошли всѣ явленія такъ, какъ они совершались въ дѣйствительности, но только, какъ на фотографіи, въ уменьшенномъ размѣрѣ. Мы видимъ среднюю траекторію, линію прицѣливанія для прямого выстрѣла, линію, по которой двигается цѣль, самую цѣль, положеніе важнѣйшихъ линій разсѣиванія выстрѣловъ и то, что происходитъ съ цѣлью на различныхъ дистанціяхъ во время ея движенія.

Результаты отъ такого графическаго рѣшенія являются вполне точные, наглядные. Но ясно, что все это было бы хорошо, если

бы не пришлось дѣлать всѣхъ этихъ (требующихъ большой точности) построений.

Приборъ, мною предлагаемый (фиг. 1), и назначается выполнить всѣ эти построения въ самое короткое время. На доскѣ прибора вычерчена траекторія для 1.200 шаговъ. Имѣется мишень всадника въ масштабѣ высотъ траекторіи. Чтобы получить линію прицѣливанія, протягивается нить съ грузами. Мишень двигаемъ вдоль линіи прицѣливанія, и когда подошва мишени касается траекторіи, мишень закрѣпляемъ на доскѣ булавкой и видимъ, что она поражается на 900 шагахъ. Другая нить позволяетъ намъ провести линію, по которой движется цѣль. Чтобы получить разсѣиваніе выстрѣловъ, имѣется особая рамка, гдѣ нитями изображены положенія нужныхъ намъ траекторій (фиг. 2). Поставимъ рамку такъ, чтобы средняя траекторія на рамкѣ шла касательно къ траекторіи въ точкѣ, гдѣ находится подошва цѣли, и сейчасъ же увидимъ—съ какого разстоянія можетъ поражаться цѣль сердцевиной или крайними пулями снара ⁴).

Такимъ образомъ, въ самое короткое время приборъ позволяетъ, графически, съ достаточною точностью, рѣшить задачу, протянувши двѣ нити, подвѣсивши цѣль и наложивши рамку. Самый способъ рѣшенія удовлетворяетъ главныя требованія для хорошаго усвоенія данного вопроса: *полная наглядность остѣхъ его элементовъ и рядъ систематическихъ движеній при рѣшеніи задачи.*

Въ замѣткѣ, помѣщенной въ «Русскомъ Инвалидѣ»: «Стрѣлковый приборъ полковника Зыбина», слушатель моей лекціи какъ разъ отмѣчаетъ эту особенность работы на приборѣ, а потому я и позволю себѣ привести этотъ отзывъ. «Полковникъ Зыбинъ, считаясь съ потребностью въ наглядномъ методѣ при усвоеніи начальниками довольно путанной теоріи стрѣлковыхъ задачъ, указалъ на рѣшеніе не съ помощью цифровыхъ таблицъ, вычисленій, а съ помощью чертежа, чертежнаго построенія, давая при этомъ и готовые элементы этихъ чертежей. Комбинировать эти элементы до крайности легко, благодаря остроумнымъ техническимъ приспособленіямъ, и эти же приспособленія избавляютъ рѣшающаго отъ слу-

⁴) Высоты траекторіи для 1.200 шаговъ построены въ масштабѣ 1 д.=1 арш., и разсѣиваніе на рамкѣ въ масштабѣ 1 д.=1 арш., а потому для данной задачи разсѣиваніе рамки надо удвоить, для чего достаточно за среднюю траекторію принять крайнюю траекторію.

чайныхъ личныхъ ошибокъ, Но это не значитъ вовсе, что все дается автоматически, не заставляя работать мысль рѣшающаго задачу. Приборъ, напротивъ, быстро проясняетъ вашу мысль насчетъ сути задачи, насчетъ метода и хода ея рѣшенія. Этотъ приборъ дѣлаетъ все въ задачѣ осязательнымъ, образнымъ, нагляднымъ: вы видите траекторію, видите дѣйствительную величину угловъ, видите сочетаніе всѣхъ линій выстрѣла и относительное положеніе всѣхъ данныхъ стрѣлковой задачи и ваша мысль столь же быстро творитъ нужныя вамъ комбинаціи, какъ при любомъ совершенно ясномъ для васъ дѣлѣ».

Если можно легко рѣшать стрѣлковыя задачи чертежемъ, то не слѣдуетъ ли совершенно отказаться отъ рѣшенія ихъ числовымъ способомъ? Понятно, нѣтъ. Но числовой способъ рѣшенія надо считать только вторымъ этапомъ при изученіи теоріи стрѣльбы. Когда, благодаря прибору, съ каждымъ стрѣлковымъ терминомъ будетъ соединяться вполне ясное представленіе, когда выработаются опредѣленные взгляды относительно правильныхъ пріемовъ ружейнаго огня въ различныхъ условіяхъ стрѣльбы, то затѣмъ полезно перейти къ пріемамъ числовыхъ рѣшеній, чтобы въ нужный моментъ сдѣлать необходимыя, хотя бы грубые, подсчеты. Правда, съ практической точки зрѣнія такихъ задачъ будетъ немного; главнымъ образомъ онѣ будутъ относиться къ стрѣльбѣ по невидимой цѣли, имѣющей теперь большую цѣнность.

Часто приходится слышать: «а можно ли взять приборъ въ поле на стрѣльбу; а со временемъ и въ бой?»

Въ поле никто не беретъ строевого устава, наставленій для сборки и разборки ружья или пулемета, наставленій по оконному дѣлу и множества другихъ разнообразныхъ пособій военного дѣла. Но каждому ясно, что все, что заключается въ этихъ книгахъ и пособияхъ, нужно изучать внѣ поля, а тѣмъ болѣе внѣ боя, съ тѣмъ, чтобы въ нужный моментъ правильныя рѣшенія появлялись безсознательно, на основаніи раньше пріобрѣтенныхъ знаній. Всѣ подготовительныя упражненія нужны для образованія огромнаго запаса представленій, для бессознательной дѣятельности мозга, этого самаго лучшаго нашего руководителя во время наибольшаго душевнаго напряженія, когда некогда думать, а надо дѣйствовать.

При рѣшеніи задачъ въ нашей памяти накапливается рядъ фактовъ, выводовъ изъ фактовъ, опредѣленныхъ убѣжденій. А если самый способъ рѣшенія задачъ близокъ къ дѣйствительности, то прі-

обрѣтенныя знанія становятся особенно цѣнными и ложатся въ основу правильныхъ выводовъ при нашей умственной дѣятельности, давая то, что опредѣляется словами—«разумно-дѣйствующій человѣкъ».

По картинному выраженію профессора Сѣченова: «когда въ душу вступаетъ внѣшнее впечатлѣніе, то навстрѣчу ему изъ глубины души поднимается пѣлый рядъ прежнихъ впечатлѣній».

Описаніе прибора.

Доска съ линіями, замѣняющими цифровыя таблицы.

Приборъ состоитъ изъ доски длиною 4 аршина и шириною—около $1\frac{1}{2}$ аршина (фиг. 1), покрытой чернымъ линолеумомъ, въ который удобно втыкать, гдѣ нужно, булавки. По серединѣ доски проведена краскою бѣлая черта, раздѣленная на дюймы, изображающая горизонтъ цѣли.

Всѣ таблицы «Указаній для производства стрѣльбы» замѣнены кривыми линіями. Разсмотримъ, напримѣръ, какъ построена траекторія для 1.200 шаговъ, взамѣнъ таблицы превышеній. Беремъ эту таблицу. Выбираемъ для дальностей масштабъ 1 д. = 20 арш., а для превышеній—значительно крупнѣе—1 д. = $\frac{1}{2}$ аршина при построеніи профилей мѣстности, какъ извѣстно, всегда приходится прибѣгать къ двумъ масштабамъ).

Проводимъ горизонтальную линію п, выбравши на ней одну точку за начальную, откладываемъ отъ нея рядъ точекъ черезъ пять дюймовъ, что будетъ соответствовать измѣненію дальностей черезъ 100 шаговъ. Изъ точекъ отложенія возстановляемъ перпендикуляры, а на нихъ по таблицѣ превышеній откладываемъ въ избранномъ масштабѣ превышенія для 100 шаг.—12 верш. или 1,5 дюйм., для 200 шаг.—22,4 верш. или 2,8" и т. д. Верхи перпендикуляровъ соединяемъ кривой, которая изобразитъ намъ кривую полета пули на 1.000 шаговъ, а продолжая отложеніе ниже горизонта, получаемъ кривую для 1.200 шаговъ. Удобство замѣны таблицы такой кривой заключается въ томъ, что для любого разстоянія отъ стрѣлка до 1.200 шаговъ мы легко находимъ превышеніе траекторіи безъ всякихъ расчетовъ, а прямо прикинувши высоту по масштабной линейкѣ, приложенной къ прибору. Такъ, напримѣръ, нужно при стрѣльбѣ на 1.000 шаг. узнать превышеніе на

дистанцію 415 шаг. Чтобы найти его по таблицѣ превышеній, разсуждаемъ такъ:

Для 450 шаг. превышеніе	39,2	верш.
" 400 " "	37	"
на 50 " "	возрастаетъ на	2,2
" 1 " " " "		$\frac{2,2}{50}$
а на 15 " " " "	$\frac{2,2 \cdot 15}{50}$	= 0,6 в.

Слѣдовательно, для 415 шаг. превышеніе будетъ 37,6 верш. Между тѣмъ по кривой стоитъ только по масштабной линейкѣ прикинуть превышеніе для 415 шаг. и получимъ 4,7 д. или 37,6 верш.

Совершенно такимъ же способомъ строятся (каждая въ своемъ масштабѣ) остальные таблицы «Указаній». Напримѣръ, построимъ кривую отклоненій средней точки попаданія въ сторону, въ зависимости отъ дериваціи и вѣтра.

На средней линіи отъ центра прибора откладываемъ дистанціи въ масштабѣ 1"=100 арш., и по перпендикулярамъ къ нимъ *отклоненія*—въ масштабѣ 1"=4 арш. Получаемъ—соотвѣтственно таблицѣ дериваціи и трехъ таблицѣ отклоненій отъ вѣтра—4 кривыя. Такъ же построены съ лѣвой стороны доски кривыя отклоненій отъ измѣненія—высоты мѣста, давленія, температуры и вѣтра, дующаго вдоль директриссы.

Съ правой стороны доски даны въ масштабѣ 1"=4 арш. кривыя, замѣняющія таблицы, по которымъ опредѣляютъ разстоянія, проходимыя пѣхотою и кавалеріею за время полета пули.

Влѣво отъ центра доски по обѣ стороны горизонтальной линіи даны 2 кривыя, замѣняющія таблицу вѣроятностей попаданія въ вертикальную полосу неограниченной длины, а высотой въ ростъ и поясную мишень, при стрѣльбѣ одиночнымъ огнемъ. Въ головную мишень вѣроятность попаданія вдвое меньше. При залповомъ огнѣ вѣроятность попаданія составляетъ $\frac{2}{3}$ вѣроятности попаданія при одиночномъ огнѣ. Эти же кривыя позволяютъ найти вѣроятность попаданія въ обрѣзныя цѣли съ интервалами въ 1, 2, 3, 4 шага.

Вмѣсто таблицы, указывающей число патроновъ, приходящихся на 1 шагъ протяженія цѣли, которой приходится пользоваться,

вмѣстѣ съ таблицей Ронэ, даны двѣ взаимно перпендикулярныя линіи, особымъ образомъ раздѣленныя, при помощи которыхъ, какъ будетъ объяснено ниже, можно будетъ рѣшать цѣлый рядъ сложныхъ стрѣлковыхъ задачъ.

Въ правомъ углу доски даны 4 кривыя, замѣняющія таблицы пробивающей силы пуль: въ гравій, сырой песокъ, глину, сосновое дерево.

Рамка для опредѣленія вѣроятностей попаданія (фиг. 2). Извѣстно, что пули, выпущенныя изъ одного и того же ружья, однимъ и тѣмъ же стрѣлкомъ, не летятъ по одной траекторіи, а образуютъ цѣлый снопъ такихъ траекторій.

При стрѣлбѣ группою стрѣлковъ снопъ этотъ расширяется. Встрѣчая вертикальную мишень или горизонтальную поверхность, снопъ траекторій даетъ рядъ пробоинъ. Траекторіи въ снопѣ распределяются по особому закону: гуще къ центру, рѣже къ поверхности снопа и симметрично по отношенію къ центру. Если бы мы смотрѣли на снопъ траекторій сбоку съ какой-нибудь дистанціи и видѣли каждую траекторію (какъ слѣдъ ракеты), то на небольшомъ протяженіи *всѣ траекторіи имѣли бы видъ прямыхъ параллельныхъ линій*.

Какъ изобразить такой снопъ графически?

Выберемъ траекторію, идущую по сердцевинѣ снопа. Ее, какъ извѣстно, называютъ средней траекторіей. Сколько будетъ траекторій выше ея, столько же и ниже. Отдѣлимъ, положимъ, вверхъ отъ средней траекторіи четвертую часть общаго числа траекторій т.-е. 25%. Ширину такой части снопа, заключающую 25% всѣхъ траекторій, считая отъ средней, называютъ *среднимъ (вѣроятнымъ) отклоненіемъ*. Дальше нѣтъ надобности вести счетъ траекторій, а можно сразу сказать, сколько будетъ заключаться траекторій въ полосѣ любой ширины, занимающей опредѣленное мѣсто отъ средней траекторіи. Такъ, если взять за первой полосой, шириною въ срединное отклоненіе, еще полосу такой же ширины, то, не считая траекторій, можно сказать, что въ этой полосѣ будетъ заключаться 16% всѣхъ траекторій. Въ слѣдующей такой же 3-й полосѣ будетъ находиться 7% всѣхъ траекторій, а еще въ слѣдующей будетъ почти 2%. Тоже самое внизъ отъ средней траекторіи. Слѣдовательно, если извѣстно среднее отклоненіе для какой-нибудь дистанціи, то, выбравъ масштабъ, положимъ, 1" = 1 арш., снопъ траекторій графически (рис. 2) изобразить можно такъ: проводимъ

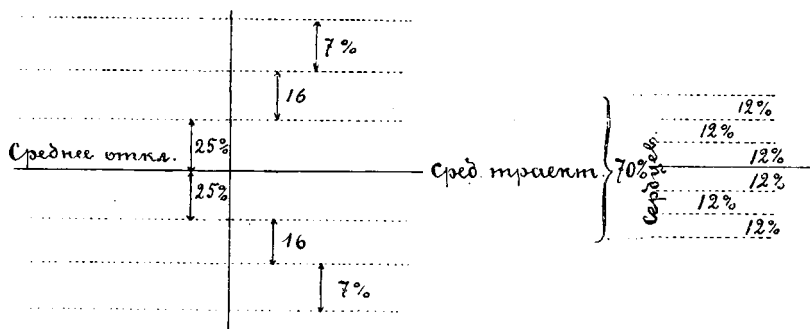

Рис. № 2.

линію, изображающую намъ среднюю траекторію; откладываемъ на перпендикулярѣ къ ней три раза вверхъ и внизъ по срединному отклоненію, а черезъ точки отклоненія проводимъ параллельныя средней траекторіи линіи; получаемъ 6 полосъ. Центральныя полосы заключаютъ по 25% траекторій; двѣ среднія по 16% и 2 крайнія по 7%. Во всѣхъ полосахъ 96% всѣхъ траекторій. Остальными 4% пренебрегаемъ. Такъ изображенный снопъ даетъ (въ избранномъ масштабѣ) величину и характеръ вертикальнаго разсѣванія пуль.

Если мы будемъ смотрѣть сверху внизъ на снопъ траекторій, то получимъ ту же картину, только вѣроятное срединное отклоненіе въ стороны будетъ немного менѣе, чѣмъ срединное отклоненіе по вертикальному направленію.

Легко видѣть, что (прибавивши къ центральной полосѣ половину слѣдующей) мы получимъ полосу, куда попадаетъ 33%, а точнѣе—35%. Взявши такую же полосу съ другой стороны отъ средней траекторіи, получаемъ широкую полосу, заключающую 70% всѣхъ траекторій. Ее называютъ *сердцевинной*. Можно считать съ достаточною точностью, что въ сердцевинѣ пули распредѣляются равномѣрно. Сердцевину предпочитаютъ брать для всѣхъ расчетовъ, пренебрегая остальными 30% пуль, разбросанными по большой площади. Выгодно взять ширину сердцевины въ 72%, такъ какъ это число дѣлится на 2, 3, 4, 6...., что удобно для многихъ расчетовъ. Въ половинѣ такой сердцевины будетъ 1,6 срединнаго отклоненія.

Если раздѣлимъ сердцевину на 6 полосъ, то въ каждой полосѣ будетъ находиться приблизительно по 12% всѣхъ траекторій.

Было бы затруднительно строить сердцевину и ея части для

каждой дистанціи; назначеніе рамки — выполнить эту работу однимъ поворотомъ линейекъ.

Рамка состоитъ изъ 2 прямоугольныхъ концевыхъ пластинокъ, соединенныхъ между собою желѣзными прутьями.

На пластинкахъ укрѣплены вертикальныя оси, а на нихъ вращаются узкія линейки. На линейкахъ, считая отъ оси вращенія, въ равныхъ разстояніяхъ укрѣплены по 3 булавочныхъ головки, на которыхъ одѣты петлями нити такъ, чтобы онѣ слегка были натянуты. Нити изображаютъ траекторіи. Средняя красная нить, идущая отъ одной оси до другой и прикрѣпленная къ пластинкамъ, изображаетъ среднюю траекторію. На каждой пластинкѣ вычерчены по двѣ полуокружности, которыя средней линіей дѣлятся на 4 отдѣла.

I отдѣлъ. Ближняя дуга позволяетъ поставить въ масштабѣ $1''=1$ арш. вертикальныя сердцевины для стрѣльбы одиночнымъ огнемъ до 1.800 шаг. Болѣе отдаленная дуга — горизонтальныя сердцевины. Противъ черточекъ поставлены дистанціи, которымъ соотвѣтствуютъ эти сердцевины. Каждая двѣ нити ограничиваютъ полосу, куда попадаетъ 12% всѣхъ пуль, выпущенныхъ съ дистанціи, на которую поставлена линейка. Всѣ шесть полосъ захватываютъ 72%. Если по обѣ стороны крайней нити отложить, хотя бы на глазъ, еще такія же три полосы, то въ каждую изъ нихъ попадаетъ въ среднемъ по 4% всѣхъ выпущенныхъ пуль, или, считая всѣ 6 полосъ, по 48% съ каждой стороны.

II отдѣлъ. Ближняя дуга даетъ вертикальныя сердцевины для огня залпами, а болѣе отдаленная — горизонтальныя. Масштабъ $1''=1$ арш.

III отдѣлъ. Ближняя дуга даетъ вертикальныя сердцевины для стрѣльбы одиночнымъ огнемъ до 3.200 шаг. Масштабъ $1''=4$ арш. Болѣе отдаленная дуга даетъ сердцевины для залповаго огня. Горизонтальныя сердцевины можно считать равными вертикальнымъ.

IV отдѣлъ даетъ вертикальныя сердцевины для стрѣльбы группою пулеметовъ. Масштабъ $1''=4$ арш.

III и IV отдѣлы слѣдуетъ употреблять при обстрѣливаніи глубокихъ цѣлей.

Чтобы рамку помѣстить на доскѣ въ нужномъ положеніи, ее подвѣшиваютъ за ремешокъ къ крючку на ремнѣ, перекинутомъ черезъ скобу. На другой сторонѣ этого ремня за доской привѣшенъ

грузъ, уравнивающій рамку. Если нужно наклонить рамку, то ремень ея соотвѣтственно передвигаютъ на крючкѣ. Скобу съ ремнемъ можно передвигать вдоль доски, а рамку двигать, если нужно, вверхъ и внизъ.

При отсчетѣ по нитямъ, глазъ надо ставить на высотѣ нити, иначе будутъ получаться ошибки.

Принадлежность въ прибору.

1) *Масштабная линейка.* Эта линейка составляетъ важную часть прибора, такъ какъ позволяетъ съ кривыхъ получать всѣ необходимыя табличныя числа или протяженія. На одной сторонѣ линейки даны высоты угловъ паденія, которыя позволяютъ найти углы паденія при стрѣльбѣ сверху внизъ или снизу вверхъ. На другой сторонѣ линейки имѣется масштаб превышеній для траекторіи до 3.200 шаг., въ $1'' = 20$ арш. Затѣмъ масштабъ для опредѣленія вѣроятностей попаданія въ $1'' = 10\%$. Наконецъ, линейка раздѣлена на дюймы и десятыя доли дюйма.

2) *Мишени.* Имѣются большія мишеньки: всадника, стрѣлка въ ростъ, поясная и головная въ масштабѣ $1'' = 1/2$ арш. Эти мишеньки служатъ *исключительно* для изученія поражаемыхъ пространствъ и другихъ задачъ на траекторіи 1.200 шаг. На обратной сторонѣ мишени въ ростъ приклеена поясная мишень для изученія точекъ прицѣливанія при стрѣльбѣ съ постояннымъ прицѣломъ на 560 шаговъ, а на обратной сторонѣ мишеньки всадника указаны вѣроятности попаданій въ фигурныя мишени.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ употребляются малыя мишеньки, построенныя въ масштабѣ $1'' = 1$ арш. На картонѣ напечатаны четыре полевыхъ профиля, также въ масштабѣ въ $1'' = 1$ арш. Понятно, когда употребляютъ эти мишеньки, масштабъ дальностей долженъ быть $1'' = 1$ арш.

3) *Крючокъ для подвѣшиванія винтовки.* Если снять рамку съ ея крючка, то на обоихъ крючкахъ съ грузами можно подвѣсить винтовку за дуло и головку курка, поставивши рукоятку затвора вертикально.

4) *Траекторія полета пуль* (фиг. 3). На длинномъ желѣзномъ прутѣ, черезъ равныя промежутки (въ масштабѣ $3'' = 200$ арш.) подвѣшены на проволочкахъ пульки, совокупность которыхъ изобра-

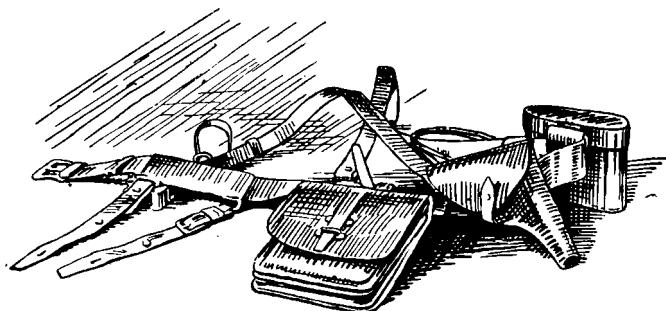
жаеть траэкторію. Однимъ концомъ пруть вставленъ въ каналъ ствола, а другимъ подвѣшивается за петлю тесемки, перекинутой черезъ лѣвый уголь доски.

5) *Илы для поддержки нитокъ и цѣлей.*

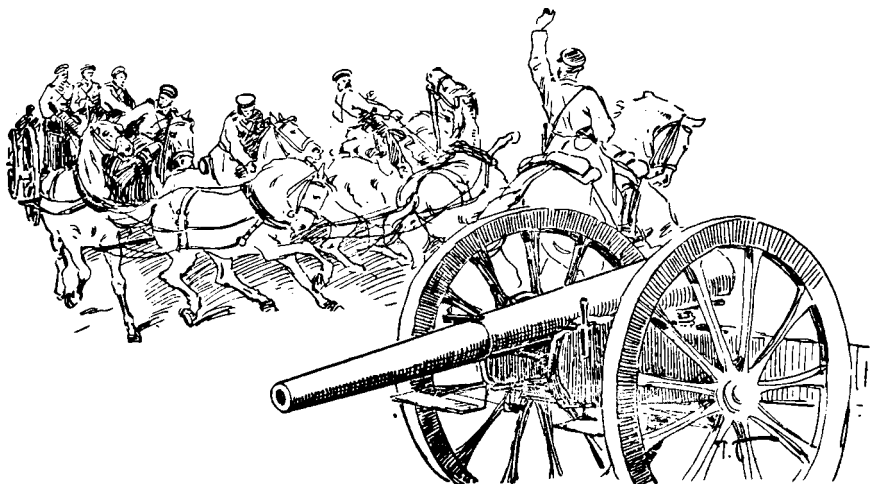
Способъ употребленія прибора всего лучше будетъ понятъ на примѣрныхъ рѣшеніяхъ различнаго рода стрѣлковыхъ задачъ.

С. Зыбинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вс.

По поводу «новыхъ изобрѣтеній по стрѣлковому дѣлу».

Въ «Военномъ Сборникѣ» за августъ мѣсяць текущаго года помѣщена статья, въ которой въ качествѣ «новыхъ изобрѣтеній по стрѣлковому дѣлу»—таково заглавіе статьи—описаны дальномѣры системы юнкера Александровскаго военнаго училища Юрьева.

Въ прошломъ году, въ то время, когда, во образѣ «учащагося» я находился въ стрѣлковой школѣ, воспользовавшись пребываніемъ въ разсадникѣ стрѣлковаго дѣла (со всѣми его развѣтвленіями) и имѣющимися у меня матеріалами я, написалъ статью «Современные дальномѣры», напечатанную въ «Русскомъ Инвалидѣ». Погруженный въ работу на пользу «будущаго» по предметамъ курса, я не нашель бы времени взяться за перо для составленія военно-техническаго фельетона на упомянутую тему, если бы

не прочиталъ какъ-то въ № 80 «Русскаго Инвалида» статью г. Былимъ-Колосовскаго о блестящихъ результатахъ испытанія (въ Кубанскомъ пѣхотномъ полку) одного изъ лучшихъ современныхъ дальномѣровъ — системы Герца. Статья эта произвела на меня большое впечатлѣнiе. Я рѣшилъ, что «не могу молчать» и, пользуясь гостепрiимствомъ «Инвалида», изложилъ на его страницахъ все, что назрѣло и наболѣло на душѣ за продолжительный періодъ времени по давно и хорошо знакомой мнѣ области телеметріи.

На мою статью о дальномѣрахъ, какъ я знаю, было обращено вниманіе въ нашей стрѣлковой школѣ; вскорѣ она появилась въ переводѣ на итальянскомъ языкѣ, но ее, видимо, не замѣтили въ томъ училищѣ на Знаменкѣ, въ Москвѣ, гдѣ я впервые, «четверть вѣка тому назадъ», познакомился съ военными науками, а въ частности и съ дальномѣрами.

Когда подъ Цусимой наши суда содрагались подъ мѣтками выстрѣлами, посылаемыми съ японскихъ броненосцевъ, располагавшихъ превосходными дальномѣрами типа, аналогичнаго съ извѣстными теперь системами Цейсса и Герца, на нашихъ корабляхъ, судя по указаніямъ на судѣ бывшаго адмирала Небогатова, дальномѣры Барра и Строуда получены были слишкомъ поздно, а главное—безъ инструкціи, и использованы не были. До насъ, находившихся въ нѣдрахъ Россіи, дошелъ слухъ (черезъ военныхъ корреспондентовъ), что въ числѣ различныхъ техническихъ средствъ, которыми были оборудованы японскія военныя пѣхотныя части, замѣчены были и дальномѣры современныхъ системъ. Это обстоятельство дало мысль, созрѣвшую, несомнѣнно, подъ впечатлѣніемъ патріотическихъ чувствъ, маститому преподавателю Алексѣевскаго военнаго училища, А. Постникову, прочесть офицерамъ и молодежи-юнкерамъ лекцію о новыхъ дальномѣрахъ Цейсса, воспроизведенную въ свое время въ «Военномъ Сборникѣ». Привѣтствуя этотъ добрый починокъ на страницахъ «Харьковскихъ вѣдомостей», я отмѣтилъ, что мною еще въ 1902 году, за два года до войны, было помѣщено въ «Вѣстникѣ Оф. стр. школы» описаніе дальномѣровъ Цейсса, что въ школѣ имѣется на испытаніи образецъ этого дальномѣра, и высказалъ увѣренность, что, при ассигнованіи соотвѣтственныхъ средствъ, школа будетъ настаивать на снабженіи арміи дальномѣрами наиболѣе универсальной системы. Вопросъ этотъ, связанный съ большими расходами, однако, не такъ легко было быстро разрѣшить, но тѣмъ не менѣе важность его сознается, и въ текущемъ году должно производиться

полигонное и войсковое испытаніе дальномѣровъ, представленныхъ на конкурсъ, съ выдачей изобрѣтателямъ значительныхъ денежныхъ премій. Къ сожалѣнію, въ нашъ округъ (Иркутскій), имѣющій крупное значеніе въ стратегическомъ отношеніи и отличающійся къ тому же своеобразнымъ климатомъ, образцы новыхъ дальномѣровъ для практическаго пользованія не поступили. А я увѣренъ, что дѣло испытанія дальномѣровъ, предназначенныхъ для обслуживания въ военное время пѣхоты, въ нашемъ округѣ могло бы быть поставлено не менѣе обстоятельно, чѣмъ гдѣ-либо....

Въ статьѣ своей, говоря о конкурсѣ, я высказалъ, съ своей стороны, предположеніе, что, оглядываясь на путь, пройденный техникой въ послѣдовательныхъ стадіяхъ совершенствованія приборовъ для опредѣленія разстояній, можно увѣренно сказать, что дальномѣръ будущаго, несомнѣнно, будетъ *оптический*. Такого рода дальномѣръ, прежде всего, способствуетъ лучшему распознаванію цѣлей, въ особенности, если онѣ плохо видны; даетъ возможность производить манипуляціи по опредѣленію разстоянія *съ одной точки стоянія*, безъ необходимости измѣрять на мѣстности базу, и притомъ скрытно, не выходя изъ окопа, быстро, [не стѣсняясь видомъ цѣлей, и, главное, замѣчательно точно. Къ такому *идеалу* наиболѣе приближаются дальномѣры Цейсса, Герца, Гана, Барра и Строуда. Что касается до дальномѣровъ базисныхъ, опредѣляющихъ разстояніе съ двухъ точекъ стоянія (лучшіе изъ нихъ Сушье, Гензольда и множество ихъ разновидностей; къ числу послѣднихъ принадлежитъ и «наступательный» дальномѣръ г. Юрьева), то въ минувшую войну дальномѣры такого типа не оправдали своего боевого назначенія, и только лишь пулеметныя команды съ успѣхомъ пользовались биноклями-дальномѣрами Сушье ¹⁾). Поэтому вновь «изобрѣтаемые» дальномѣры подобной категоріи могутъ быть примѣнены по стольку, поскольку они имѣютъ больше преимуществъ, сравнительно съ уже извѣстными «типами» дальномѣровъ, а разъ таковыхъ они не имѣютъ, то, естественно, должны быть игнорируемы.

Въ своей статьѣ я приглашалъ читателей, интересующихся вопросами объ изысканіи средствъ для опредѣленія разстояній, стремиться къ лучшему изъ того, чѣмъ располагаетъ въ настоящее время техника, и осудилъ всплывшій на верхъ, но уже давно осужденный, *стадиметрический методъ* опредѣленія въ бою дистан-

¹⁾ «Вѣстн. Оф. стр. школы», 1908, мартъ, стр. 214.

цій, основанный на *весьма условныхъ* началахъ, а именно: на извѣстности высоты цѣлей, т.-е. непріятельскихъ стрѣлковъ, предполагаемыхъ въ бою вытянувшимися неподвижно, во весь ростъ; между тѣмъ, какъ говорятъ люди, побывавшіе въ «пороховомъ дыму», цѣлями въ бою являются или чуть замѣтная фигура головы человѣка (появляющаяся изъ-за гребня закрытій или изъ-за складокъ мѣстности, чтобы выпустить пулю) или же перебѣгающія, согнувшіяся фигуры, быстро припадающія къ землѣ и быстро вскакивающія, чтобы снова перебѣгать. Еще болѣе условнымъ базисомъ представляется яко бы извѣстная величина фронта непріятельской позиціи и «фронта строя».

Въ статьѣ я указалъ, что движеніе въ этомъ (уже давно использованномъ) направленіи, культивируясь гдѣ-то въ «оранжереяхъ», но отнюдь не въ полѣ, стало принимать въ послѣднее время уродливыя, *утопическія* формы. Вѣдь, дѣло дошло до того, что одинъ изъ преподавателей военныхъ училищъ привелъ на страницахъ спеціальнаго военнаго журнала таблицу (неуложившуюся на одной страницѣ, съ вычисленными въ тысячныхъ доляхъ размѣрами видимыхъ глазу на разстояніи 65 сант.) такихъ предметовъ, какъ: діаметръ пули около дульца гильзы—11,84, наибольшій діаметръ пули у дна—11,9, толщина спички обыкновенной коробки—3,46, спички, взятой изъ плоской коробки—3,25, толщина обыкновеннаго круглаго карандаша такая-то, эллиптическаго—другая и т. д.

Считая подобныя «утопіи» вредными для нашего практическаго по преимуществу дѣла, я счелъ необходимымъ предупредить ихъ наростаніе въ будущемъ, ибо вся эта труха сама собою отпадетъ при первомъ же выстрѣлѣ въ бою.

Статья Н. Юрьева несомнѣнно привлекла не одного меня, но и каждаго строевого офицера, интересующагося «новыми изобрѣтеніями по стрѣлковому дѣлу». Научный тонъ статьи, пересыпанный «паралаксами», наступательными тенденціями, сочувствіе къ изобрѣтеніямъ юнкера военнаго училища со стороны его начальства, принявшаго расходы на печатаніе описанія «изобрѣтеній» за счетъ училища, пояснительныя чертежи, ссылки на статьи въ «Артилерійскомъ журналѣ», яко бы въ подтвержденіе нѣкоторыхъ положеній, съ приведеніемъ давно извѣстныхъ формулъ, все это импонируетъ читателю, особенно неуспѣвшему еще разобраться. Но, достаточно пристальнѣе вчитаться въ статью, и выйти въ

поле и попробовать продѣлать *практически* то и другое, слѣдую рецептамъ автора «новыхъ изобрѣтеній», чтобы тотчасъ же въ нихъ *разочароваться* и высказать предположеніе, что они по недоразумѣнію попали въ печать или, быть можетъ, появленіе ихъ въ печати было вызвано цѣлью вызвать въ печати же, по поводу *идей*, кроющихся въ основѣ конструкціи предлагаемыхъ измѣрительныхъ планшетокъ, соотвѣтствующее ихъ освѣщеніе, ибо съ другой стороны—такова, какъ я понимаю, роль и задачи военной печати ²⁾).

Въ лицѣ дальномѣровъ системы В. Юрѣва мы имѣемъ дѣло съ такъ называемыми *стадіями*, сопричисленными моимъ предшественникомъ по завѣдыванію въ былыя времена отдѣломъ по испытанію дальномѣровъ въ стрѣлковой школѣ, М. Ерогинымъ ³⁾, къ лику *«самыхъ древнихъ дальномѣровъ»* міра.

«Наступательный» дальномѣръ представляетъ собою планку треугольной формы съ дѣленіями по гипотенузѣ и длинному катету, причѣмъ раствореніе угла, противолежащаго короткому катету, взято такое, чтобы величины дѣленій по гипотенузѣ относились къ дѣленіямъ на катетѣ, какъ 11 къ 10. Дальномѣру дано названіе «наступательнаго» въ силу того, что, послѣ измѣренія одной угловой величины съ одной точки стоянія, приходится, пользуясь дѣленіями планки, дѣлать манипуляцію въ другой точкѣ стоянія, съ другими дѣленіями, для чего надо идти *впередъ*, считая шаги, и пройденное число шаговъ (базу) умножать каждый разъ на 10. Очевидно, изобрѣтатель мало или совсѣмъ незнакомъ съ призматическимъ дальномѣромъ Сушье, несмотря на то, что послѣдній весьма наглядно изображенъ и поясненъ въ учебникѣ артилеріи для военныхъ училищъ г. Будаевскаго. Посвятившій (въ своей книгѣ «Стрѣлковые дальномѣры») много страницъ прибору Сушье, М. Ерогинъ указываетъ: въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣль мало ясна или значительно удалена, съ большою выгодною можно было бы пользоваться способомъ непосредственнаго наблюденія цѣли и совмѣщенія съ нею отраженія сигнала; при этомъ база измѣряется движеніемъ *впередъ*. И слѣдовательно дальномѣръ Сушье при такомъ образѣ пользованія является такимъ же *«наступательнымъ»*, какъ и планшетка г. Юрѣва.

Приборовъ, построенныхъ на подобныхъ началахъ, множество. Когда въ 1894 году мнѣ пришлось дѣлать на страницахъ «Оружейнаго Сборника» заключеніе о качествахъ дальномѣра-планки

²⁾ Именно и имѣлся въ виду обмѣнъ взглядовъ. *Ред.*

³⁾ «Стрѣлковые дальномѣры» изд. 1893 г.

г. Малкова, которому родственна планка г. Юрьева, я не рѣшился сравнивать призматическій дальномѣръ Сушье, считавшійся въ то время лучшимъ, съ приборомъ Малкова. Я писалъ, «что это было бы слишкомъ наивно съ моей стороны». Видимая простота, прочность и дешевизна приборовъ такого типа, составляя какъ бы ихъ достоинства, совершенно, однако, парализуются главнымъ, присутствующимъ дальномѣрамъ такой категоріи, недостаткомъ—*малою ихъ точностью*.

Затѣмъ, обратите вниманіе на сравнительныя величины базъ у Сушье и Юрьева.

		1.000 шаг.	1.500 шаг.	2.000 шаг.	1.500 шаг.
		Б а в ы.			
Дальномѣръ	Сушье. . .	20 ш.	30 ш.	40 ш.	50 ш.
„	Юрьева . .	100 „	150 „	200 „	250 „

Такимъ образомъ юрьевскій «наступательный» дальномѣръ требуетъ наличія и измѣренія базъ въ *пять разъ длиннѣе*, чѣмъ приборъ Сушье, и въ такой же степени можно считать и потерю времени для промѣра такихъ длинныхъ базъ. При этомъ не приходится говорить о томъ, что никакой (даже самый наивный) противникъ не допуститъ безнаказанно производить откровенное хожденіе на позиціи одиночныхъ людей, занимающихся измѣреніемъ базъ, даже и въ наиболѣе устрашительномъ для него *наступательномъ* направленіи. Наконецъ, зачастую могутъ имѣть мѣсто случаи невозможности располагать на данной мѣстности ровною, какъ Ходынка, площадью длиной въ 100—250 шаговъ по направленію къ противнику, необходимою для выбора двухъ точекъ стоянія (соответственно угламъ растворенія между направленіями на цѣль и вспомогательный предметъ въ двухъ точкахъ стоянія) и измѣренія разстоянія между ними. Между тѣмъ призма Сушье, Гензольда, Вельдона и др. этого не боятся: нѣтъ удобнаго сигнала вправо, верти дальномѣръ въ противоположную сторону для поисковъ сигнала въ лѣвой сторонѣ; тамъ—скверно, дѣлай ипаче: измѣряй базу наступленіемъ къ цѣли или отходя отъ нея назадъ; эластичность, какъ видите, большая; нѣтъ шоръ, въ которыя невольюно заключается всякій, пользующійся приборомъ г. Юрьева.

«Графическій стадія-дальномѣръ» системы В. Юрьева—плодъ очевиднаго недоразумѣнія. Воздерживаясь отъ разсмотрѣнія его въ деталяхъ, скажу объ его виѣшнемъ видѣ; это—треугольной формы планка длиной въ 5 дм., а шириной въ 3¹/₂ дм., на длинномъ катетѣ (основаніи) которой нанесена шкала разстояній (въ

сотняхъ шаговъ), а на короткомъ (высотѣ) знаменитые «паралаксы», т.-е. прямыя, соотвѣтствующія различнымъ угламъ зрѣнія въ дальности; тутъ же рядомъ, на ребрѣ, нанесена шкала (какъ выражено въ подлинникѣ) «для измѣренія угловыхъ разстояній на мѣстности» (?).

У меня на столѣ лежитъ целлулоидная «стрѣлковая линейка» Н. Филатова, а по сосѣдству съ нею одна изъ книжекъ «Вѣстника Оф. стр. школы», въ которой описана линейка того же автора для пулеметовъ; обѣ онѣ—для острой пули. Смотрю я на нее и думаю: если авторы «новыхъ изобрѣтеній» не знаютъ, какъ должны знать не только офицеръ, юнкеръ, но какъ знаетъ въ моей стрѣлковой ротѣ каждый унтеръ-офицеръ, дальномѣръ Сушье, то, очевидно, они обладаютъ такою же неосвѣдомленностью и по отношенію къ «стрѣлковой линейкѣ» Н. Филатова. На этой линейкѣ нанесены: шкала-угломѣръ, шкала-дальномѣръ и ею также можно пользоваться для опредѣленія дистанціи при помощи измѣренія на мѣстности «вспомогательной базы». Въ чемъ преимущества юрьевской планшетки передъ филатовской линейкой я, простой смертный, не понимаю. Мудрый Эдипъ разрѣши?

«Графическій» дальномѣръ В. Юрьева, какъ читаемъ въ описаніи, позволяетъ «рѣшать въ бою различныя встрѣчающіяся на практикѣ задачи по стрѣльбѣ пѣхоты, безъ всякихъ вычисленій, чисто графическимъ путемъ и такой способъ», по мнѣнію автора описанія, «по своей наглядности и гарантіи отъ ошибокъ въ полѣ, превосходить другіе способы, основанные на вычисленіяхъ».

Считая эти претензіи не оправдывающимися идеей, положенной въ основаніе устройства дальномѣра, я—прежде чѣмъ выйти въ поле—сравнилъ показательныя данныя линейки Н. Филатова и В. Юрьева при опредѣленіи ими разстоянія до одного и того же предмета извѣстной высоты, а именно до телеграфнаго столба высотой въ 9 футовъ. Мѣра угла зрѣнія, подъ которымъ виденъ этотъ столбъ для обѣихъ линеекъ, одинакова; она = 15 дѣленіямъ, что соотвѣтствуетъ по даннымъ «стрѣлковой линейки»—600 шагамъ, а по расчету г. Юрьева, пользуясь его графиками—1.800 шагамъ. Разница, какъ видите, громадная, и, конечно, не въ пользу произведенія молодого изобрѣтателя.

Пользуясь случаемъ, скажу нѣсколько словъ вообще о примитивныхъ средствахъ для измѣренія разстояній, зная размѣры цѣли опредѣленныхъ размѣровъ. Способы эти давно признаны не отвѣчаю-

щими боевыми цѣлямъ, для которыхъ они предназначаются. Объектомъ для нихъ должны быть, какъ пишетъ В. Юрьевъ, «стоящій человекъ или всадникъ, высота дерева, строенія... интервалы между частями строя пѣхоты, между орудіями, пулеметами» и т. д. Я въ бою не былъ, но не могу себѣ представить боевой обстановки съ зѣвающими, стоящими во весь ростъ, неподвижно индивидуумами, уподобившимися мишенямъ.

«Во время боя», сообщаетъ очевидецъ ⁴⁾, «кругомъ шипятъ и лопаются снаряды, свистятъ пули противника, трещатъ наши винтовки и рѣзко звучатъ въ воздухѣ выстрѣлы скорострѣльныхъ орудій, но противника не видно. Какъ будто чистое поле извергаетъ массу металла, который несетъ съ собой столько страданій и смертей; изрѣдка только можно замѣтить перебѣгающія маленькія фигурки» и т. д.

«Какъ извѣстно, нынѣ поле битвы пустынно. Вслѣдствіе этого, появленіе малѣйшей цѣли вызываетъ жестокой огонь. Достаточно подняться одному или двумъ человекамъ, чтобы разразилась цѣлая буря» ⁵⁾.

Мы заставляемъ стрѣлка пользоваться мѣстностью для скрытаго приближенія къ противнику, путемъ быстрыхъ перемѣщеній и припаданія къ землѣ, кладемъ начальствующимъ лицъ, снимаемъ ихъ съ сѣдла, а со стороны противника видимъ перебѣгающія или мелькающія изъ за гребня окопа или изъ за бугорка головки; поэтому я увѣренно скажу, что дальномѣры, построенные на базѣ, за которую принимаютъ высоту роста видимаго съ головы до пятокъ одиночнаго противника, обратившагося въ дальномѣрную топографическую рейку, обязанную быть *постоянной* (поставьте преображенца, а рядомъ съ нимъ 16-й роты «кирилыча») — по нынѣшнимъ временамъ *никуда не годятся*, ибо, при современной пустотѣ полей сраженій, такихъ *одухотворенныхъ рекъ* вы не найдете. Трудно знать и высоту деревьевъ и уже совершенно непонятна такая база, какъ «интервалъ между частями строя пѣхоты», предполагаемый также какой-то опредѣленной величины.

Кромѣ того, сотруднику «Артилерійскаго журнала», казалось бы, должно быть болѣе, чѣмъ намъ, пѣхотнымъ офицерамъ, извѣстно, что уловить на мѣстности интервалъ между орудіями батарей, занимающихъ нынѣ въ большей части случаевъ закрытую позицію, считать его базой, представляется невозможнымъ.

⁴⁾ Русско-японская война въ сообщеніяхъ Николаевской академіи генералштаба. 1907 г. Ф. Семенова. Осада П. Артура.

⁵⁾ Два сообщенія объ японской арміи. «Воен. дѣло за границей». Апр. 1913.

По мнѣнію М. Ерогина, «необходимость точно знать высоту или длину предметовъ, до которыхъ опредѣляютъ разстоянія, составляетъ большую *невыгоду* стадій, такъ какъ позволяетъ ими пользоваться только въ *исключительныхъ* случаяхъ. Сверхъ того, вслѣдствіе незначительной высоты предметовъ, при измѣреніи могутъ явиться значительныя ошибки, которыя и ограничиваютъ пользованіе такими дальномѣрными дистанціями, не превышающими 1.000 шаговъ».

Артилерійскій комитетъ журналомъ за № 11, еще въ эпоху русско-турецкой войны, сирѣчь въ 1877 году, призналъ, «что *стадіи*, не смотря на простоту устройства и портативность, *негодны* для военныхъ цѣлей, потому что высота цѣлей лишь въ исключительныхъ случаяхъ бываетъ заранѣе точно извѣстна; кромѣ того высота цѣлей, встрѣчаемыхъ на войнѣ, бываетъ весьма мала, сравнительно съ дистанціей; поэтому приходится рѣшать треугольники со столь малымъ угломъ, что ошибки въ опредѣленіи дистанціи выходятъ *велики*».

На войнѣ, по мнѣнію комитета, рѣдко встрѣчается ровное поле. Между тѣмъ, солдатъ, посланный по одному направленію и по временамъ останавливающийся, былъ виденъ на нѣкоторыхъ дистанціяхъ съ головы до колѣнъ, на другихъ—до пояса. «Опредѣлить съ нѣкоторой вѣроятностью, глазомѣромъ, насколько нижняя часть тѣла солдата прикрыта, оказалось невозможнымъ, и потому ошибки въ опредѣленіи разстояній вышли *весьма значительны*».

Нѣкоторое усовершенствованіе дальномѣровъ этого вида представляютъ стадиметрическія трубы (Гулье и др.) и бинокли-дальномѣры. Въ статьѣ («Сводъ опытовъ, произведенныхъ въ Офицерской стрѣлковой школѣ надъ дальномѣрами-биноклями»), помещенной въ 1899 году въ «Военномъ Сборникѣ», я охарактеризовалъ одинъ изъ типичныхъ образцовъ современныхъ стадій—бинокль Кольмона, но, однако, съ *невыгодной* для него стороны.

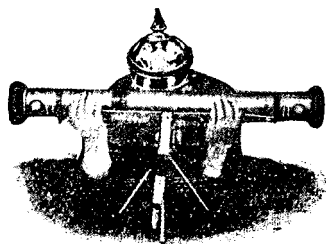
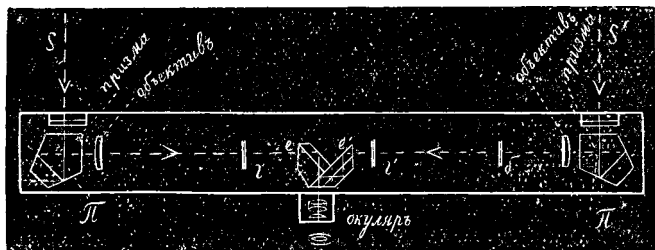
Въ настоящее время *совершеннаго* дальномѣра еще нѣтъ; вотъ почему въ пѣхотѣ иностранныхъ армій принято нѣсколько типовъ, другъ друга взаимно дополняющихъ; такъ, на примѣръ, въ германской пѣхотѣ введены призматическіе дальномѣры Гензоляда и труба-дальномѣръ Гана; у насъ—призмы Сушье и дальномѣры-бинокли Крауса и Сушье и, наконецъ, вводятся въ пулеметныя команды такъ называемые монокулярные дальномѣры Цейсса и т. д.

Нельзя отмѣтить того, что вопросъ о необходимости имѣть хорошей дальномѣръ для пѣхоты въ нашей арміи *живо* сознается. Въ этомъ году, какъ извѣстно, происходитъ испытаніе дальномѣровъ

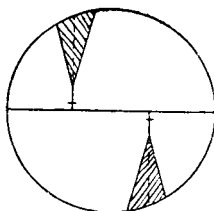
на конкурсъ, начиная съ 1-го февраля 1913 года. Испытаніе раздѣляется на *полюсное*: въ теченіе февраля, марта, апрѣля и мая мѣсяцевъ, и *войсковое*: въ теченіе іюля, августа и сентября. Окончательное рѣшеніе по конкурсу должно послѣдовать не ранѣе, какъ 1-го апрѣля 1914 года. Согласно предъявленнымъ требованіямъ, стрѣлковый дальномѣръ предназначается для употребленія пѣхотой въ бою, вблизи противника; дистанція должна опредѣляться съ одной точки стоянія, въ теченіе не больше 1 минуты; дальномѣръ долженъ быть проченъ, вѣсить не болѣе 5 фунтовъ и давать показанія съ точностью 4% на 3.000 шаговъ разстоянія.

Не зная образцовъ, представленныхъ на конкурсъ, я считаю полезнымъ представить изображеніе одного изъ лучшихъ *современныхъ* дальномѣровъ—Цейсса. На черт. 1 показанъ ходъ лучей въ трубѣ дальномѣра, а на черт. 2—какъ имъ пользуются. Система дальномѣра Герца очень похожа на систему Цейсса; о ней въ № 80 «Рус. Инв.» за прошлый годъ данъ былъ блестящій отзывъ представителемъ 76 пѣх. Кубанскаго полка. База у нихъ—*постоянная*, въ самомъ приборѣ; ей соотвѣтствуетъ разстояніе между объективами. Разстоянія опредѣляются съ одной точки стоянія, точно и весьма быстро, но, къ сожалѣнію, такіе дальномѣры очень дороги. У Цейсса въ полѣ зрѣнія (черт. 3) видно окошечко, въ которомъ предметы представляются перевернутыми. Перевернутое изображеніе надо подвести къ прямому; тогда на шкалѣ, что слѣва, будетъ показано разстояніе. У Герца—нѣсколько иначе (черт. 4).

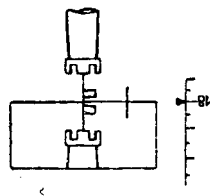
Черт. 1.

Черт. 2.

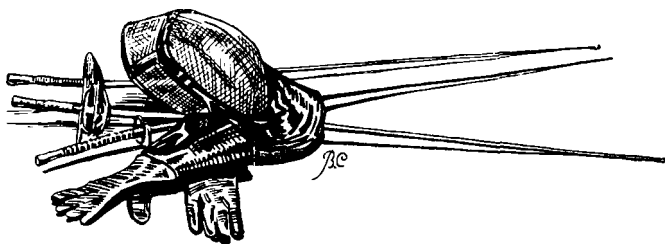
Черт. 3.

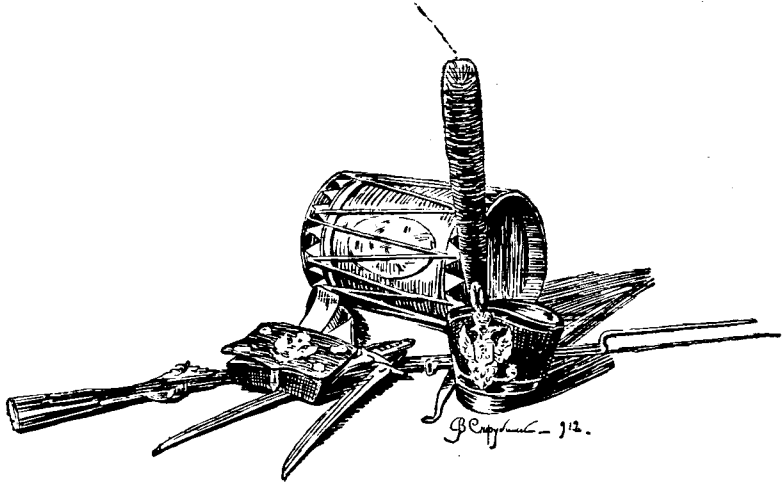

Черт. 4.

Въ заключеніе, искренно привѣтствуя *починъ* юнкера-одноклассника, родного мнѣ Александровскаго военнаго училища, сожалѣю, что, находясь далеко отъ родины и въ частности отъ Москвы, я не могъ своевременно поставить его проектъ на надлежащіе рельсы и дать импульсъ къ созданію чего-либо болѣе *полезнаго* для арміи, дать болѣе здоровое, *реальное* направленіе его творчеству... Какъ много поработавшій вокругъ дальномѣровъ, въ бытность въ стрѣлковой школѣ и внѣ ея, какъ лицо, передъ глазами котораго прошелъ цѣлый калейдоскопъ (и, надо сказать правду, въ большей части случаевъ наивныхъ или недостаточно продуманныхъ) предложеній для опредѣленія разстояній, я убѣдился въ томъ, что, прежде чѣмъ изобрѣтать, конструкторъ долженъ обладать самой *широкой* по данной отрасли *эрудиціей*, дабы не вышло того, на примѣръ, неудачнаго дебюта съ «новыми изобрѣтеніями», который имѣли, по нашему мнѣнію, авторъ статьи и юный изобрѣтатель, и все потому, что они не были, какъ надлежало бы, *ориентированы* въ матеріалъ, изъ котораго хотѣли создать нѣчто, отвѣчающее запросамъ арміи и имѣющее своей задачей помочь пробѣлу, ощущаемому въ ея стрѣлковой подготовкѣ.

С. фонъ Дитмаръ.

ДУХОВНАЯ СТОРОНА ВЪ БОЮ.

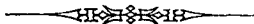
(Изъ поученій маршала Бюжо).

Духовная сила мнѣ всегда казалась превосходящей физическую; ее можно развить, возвышая душу солдата, прививая ему любовь къ славѣ, гордость своимъ полкомъ (l'honneur régimentaire) и, особенно, воспитывая въ немъ чувство патриотизма, зародышъ котораго таится во всѣхъ сердцахъ. Такъ подготовленныхъ людей легко подвинуть на великія дѣла, разъ сумѣли приобрести ихъ довѣріе; а чтобы достигнуть этого послѣдняго, надо по отношенію къ нимъ исполнять всѣ свои обязанности, сдѣлать изъ нихъ себѣ друзей, часто заводить съ ними бесѣду на военныя темы и доказать имъ, что вы способны хорошо руководить ими.

Въ бою надо подавать собою блестящій примѣръ мужества и хладнокровія...

Добавимъ отъ себя, что не есть ли *личный примѣръ* лучшее средство для воспитанія и развитія въ своихъ ученикахъ и подчиненныхъ желательныхъ въ нихъ качествъ *всегда и во всемъ?*

* * *

СТРѢЛКОВЫЯ ЗАМѢТКИ.

(Продолженіе)¹⁾.

Практическій курсъ стрѣльбы.

ж) Учебно-показныя стрѣльбы на мѣстности.

Вриведенныя показныя стрѣльбы на стрѣльбищахъ, затѣмъ тактическо-стрѣлковыя занятія на планахъ и въ полѣ дадутъ достаточную подготовку начальникамъ для управленія огнемъ своихъ частей на боевыхъ стрѣльбахъ на мѣстности.

Какимъ характеромъ должна отличаться организація послѣднихъ? Если принять во вниманіе ограниченность отпуска патроновъ и желаніе дать практику большому числу лицъ, а съ другой стороны—затруднительность провести боевую стрѣльбу съ возможно меньшимъ числомъ условностей, то придется согласиться съ тѣмъ, что наиболѣе раціональнымъ будетъ, если стрѣльбамъ отдѣленій и взводовъ придать учебно-показной характеръ.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 9.

Отличительною особенностью организаціи стрѣльбъ на мѣстности является необходимость удовлетворить и условію безопасности и условію наиболѣе естественнаго теченія упражненія. Въ послѣднемъ отношеніи въ особенности важно, дабы начальники не были стѣснены въ смыслѣ широты развертыванія, а секторъ безопаснаго направленія выстрѣловъ былъ бы возможно шире.

Очевидно, для удовлетворенія такихъ условій имѣеть значеніе величина стрѣляющей части; съ увеличеніемъ послѣдней все труднѣе найти соответствующій участокъ мѣстности. Въ виду этого, организація боевыхъ стрѣльбъ на мѣстности ротами и частями большаго состава представляетъ все большія затрудненія—подходящихъ участковъ будетъ ограниченное количество. Кромѣ того, стрѣльбамъ частями подобной величины учебный характеръ можно придать лишь въ общихъ чертахъ; достаточнаго числа компетентныхъ лицъ для наблюденія за дѣйствіями не будетъ. Замѣчатся сдѣланныя ошибки будутъ лишь въ крупныхъ чертахъ, детали рѣшенія тактическо-стрѣлковыхъ задачъ будутъ сглаживаться, поэтому и не могутъ обсуждаться. Однимъ словомъ, здѣсь будетъ на лицо не ученіе, а искусство, главнымъ образомъ, въ смыслѣ сложности работы. Вслѣдствіе этого, такія стрѣльбы должны производиться въ концѣ періода обученія. Послѣдній же слѣдуетъ считать въ февралѣ мѣсяцѣ. Участіе же въ стрѣльбахъ принимаютъ два старшихъ срока службы.

Итакъ, для обученія взводовъ, какъ стрѣлковой единицы, выгоднѣе вести учебно-показныя стрѣльбы на мѣстности. Время—осенній и зимній періодъ до февраля. Въ февралѣ, какъ повѣрка годовой работы, производятся боевыя стрѣльбы на мѣстности съ маневрированіемъ для ротъ и частей большаго состава.

Приведу примѣръ организаціи учебно-показной стрѣльбы для взводовъ и отдѣленій на мѣстности, съ цѣлью выяснить—какіе вопросы по организаціи приходится разрѣшать и какой именно желательнѣе придать характеръ этимъ стрѣльбамъ.

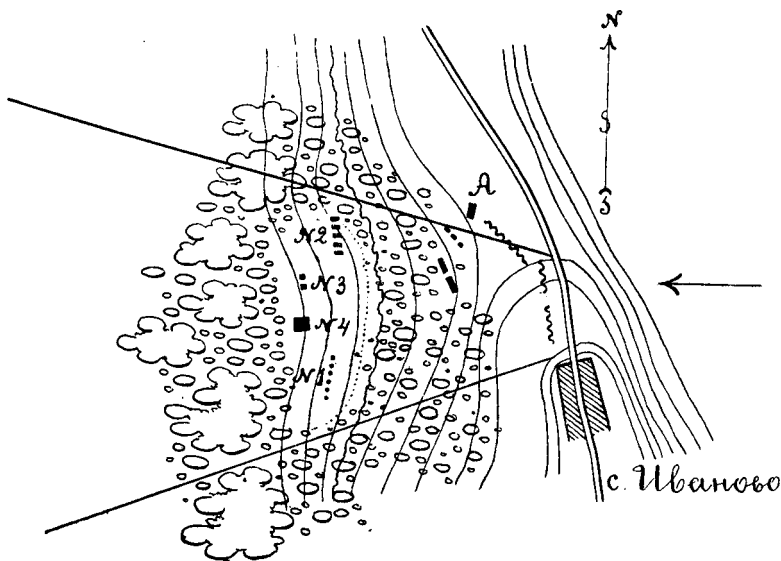
Для учебно-показной стрѣльбы четырьмя взводами былъ намѣченъ слѣдующій участокъ (черт. 7).

Съ востока участокъ ограничивался хребтомъ. На этомъ хребтѣ, у сѣверной оконечности с. Иваново была намѣчена позиція для стрѣляющихъ взводовъ. Размѣры позиціи или ширина полосы наступленія опредѣляется допускаемыми крайними (въ видахъ безопасности) выстрѣлами. Направленіе таковыхъ, указанное на схемѣ, опредѣлило, что фронтомъ на западъ позиція можетъ

быть занята лишь двумя взводами. Въ данномъ случаѣ въ особенности мѣшалъ жилой домъ А.

Опредѣливъ такимъ образомъ площадь стрѣльбы, надлежало изучить впередилежащее поле, для опредѣленія характера задачъ,

Черт. 7.

подлежащихъ разрѣшенію. Отъ позиціи на западъ скатъ хребта полого спускался къ ручью; западный же берегъ долины ручья вновь поднимался пологимъ скатомъ вверхъ, образуя хребетъ, параллельный позиціи. Вся долина ручья, примѣрно до половины (и восточнаго и западнаго берега), была поросшей кустами, скрывавшими верхового, а иногда и выше. Съ позиціи поверхъ этихъ кустовъ была видна верхняя часть западнаго берега. Эта часть лежала въ предѣлахъ 1.500—2.500 шаговъ отъ позиціи. Если спуститься съ позиціи, то кусты закрывали эту видимую часть горы; если же выставить мишени въ кустахъ на болѣе близкія дистанціи, то получались исключительно спеціальныя условія стрѣльбы, вслѣдствіе плохой видимости мишеней. Въ виду этого, для первыхъ двухъ взводовъ пришлось ограничиться составленіемъ стрѣлковыхъ задачъ на дальнія дистанціи. Кромѣ того, указанный характеръ мѣстности, неблагоприятный, въ видахъ видимости цѣлей, для перехода въ наступленіе, принудилъ и общей тактической обстановкѣ придать оборонительный характеръ.

Косогоръ западнаго берега ручья далъ возможность составить слѣдующія стрѣлковыя задачи:

1) На дистанціи 2.200—2.300 шаговъ головная цѣпь съ интервалами въ 2 шага, ясновидимая (№ 1).

2) Цѣпь въ ростъ, спускающаяся по косоугру, на половину замаскированная верхушками кустовъ, на дистанціи 2.300 шаговъ, ясновидимая (№ 2).

3) Группа начальниковъ (дистанція 2.500 шаговъ), плохо различаемая невооруженнымъ глазомъ, ибо проектировалась на фонѣ лѣса.

4) Поддержка въ ростъ (дистанція 2.500 шаговъ), различаемая лишь въ бинокль по той же причинѣ.

Общія условія стрѣльбы были—0° температуры; сырая, туманная погода, талый снѣгъ.

Оборонительный характеръ общаго тактическаго заданія былъ достигнуть тѣмъ, что рота (въ составъ которой входили взводы) выполняла роль боковой походной заставы и была на нѣкоторое время какъ бы изолирована отъ прочихъ частей. Слѣдовательно, при встрѣчѣ съ болѣе сильнымъ противникомъ, она должна была временно удерживаться на хребтѣ у д. Иваново, какъ на важномъ опорномъ пунктѣ.

Итакъ, на позиціи фронтомъ на западъ можно было развернуть лишь два взвода, да и размѣры видимой части косоугра не позволяли расположить болѣе цѣпей. Необходимо было для остальныхъ двухъ взводовъ изыскать другую позицію и безопасное направленіе выстрѣловъ. Такое направленіе выстрѣловъ было найдено при расположеніи взводовъ на позиціи на линіи отдѣльнаго дома А, фронтомъ на юго-западъ. Въ силу условій мѣстности, для этихъ взводовъ пришлось ограничиться ближней дистанціей. Было выставлено двѣ цѣпи: одна въ ростъ на 800 ш. и вторая—головная на 300 ш., причѣмъ цѣпи были выставлены каждая нѣсколькими группами, соответственно контуру опушки кустовъ, къ которой онѣ и были примѣнены.

Выполненіе самой стрѣльбы велось слѣдующимъ образомъ.

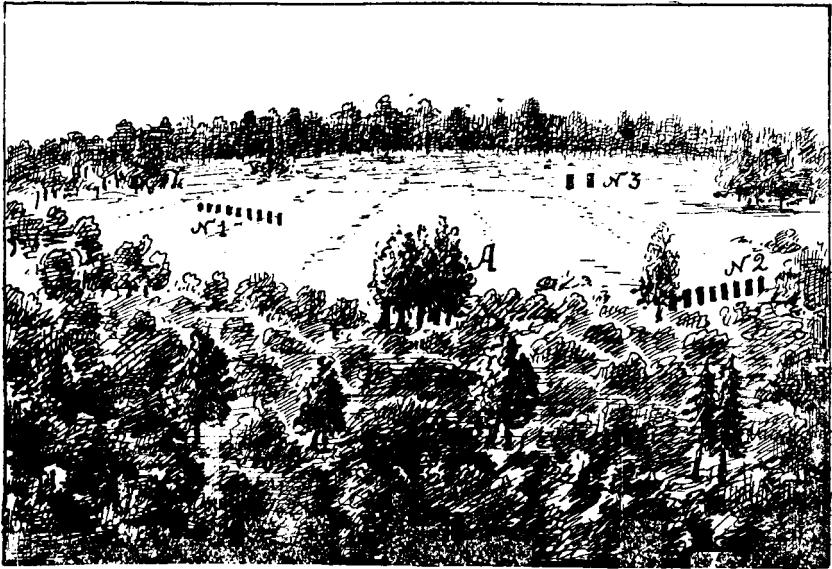
Ротую командовалъ руководитель. Подведя роту съ восточной стороны къ подножію хребта у с. Иваново, руководитель объявилъ, что получены донесенія о появленіи большихъ цѣпей на опушкѣ лѣса къ западу. Вмѣстѣ съ тѣмъ было объявлено рѣшеніе—занять хребетъ у с. Иваново двумя взводами, остальные два взвода держать въ резервѣ за правымъ флангомъ.

Былъ обсужденъ вопросъ—какимъ образомъ слѣдовало бы занять, въ данномъ случаѣ, позицію? Выработанное рѣшеніе начали приводить въ исполненіе.

Въ это время наблюдатели использовали дальномѣръ Герца и сообщили во взводъ, что до выступа кустовъ (А ч. 8) разстояніе равно 1.800 ш. Этотъ выступъ кустовъ являлся наиболѣе характернымъ ориентировочнымъ пунктомъ, иначе говоря, вспомогательной точкой ориентированія.

Для взводовъ участки наблюденія были назначены: для лѣваго—отъ праваго края выступа кустовъ влѣво; для праваго—отъ того же края кустовъ вправо.

Черт. 8.

Наблюдатели обоихъ взводовъ замѣтили цѣли №№ 1, 2 и 3. Цѣль № 4 осталась незамѣченной.

Затѣмъ были обсуждены условія рѣшенія стрѣлковыхъ задачъ по замѣченнымъ цѣлямъ, по каждой въ отдѣльности.

Условія почвы (талый снѣгъ) не благопріятствуютъ наблюденіямъ за паденіемъ пуль—рѣшено пристрѣлку не вести, а стрѣлять по всѣмъ цѣлямъ, по площадямъ. Появилась надобность въ опредѣленіи размѣровъ послѣднихъ. Ближайшей границей ихъ можетъ служить дистанція 1.800 ш. до указаннаго выступа кустовъ; дальней же границей служить лѣсъ, но разстояніе до него неизвѣстно. Послѣднее есть недостатокъ стрѣлковой развѣдки. Если была возможность опредѣлить разстояніе до одного ориентировочнаго пункта, то очевидно тоже могло быть сдѣлано и по отношенію другого. Вообще былъ сдѣланъ выводъ, что стрѣлковая развѣдка должна всегда да-

вать вилки—ближнюю и дальнюю границы обстрѣливаемого пространства.

Мотивы, которые выяснились при обсужденіи условій рѣшенія стрѣлковыхъ задачъ, были слѣдующіе.

Принимая во вниманіе мѣсто первой цѣли относительно выступа кустовъ и опушки лѣса, рѣшили обстрѣлять площадь съ прицѣлами 21, 22, 23 и 24. Вѣроятность пораженія головной цѣли малая, но дать противнику безнаказанно перевалить бугоръ нельзя; поэтому принять видъ огня—рѣдкій, лучшими стрѣлками. Какимъ же образомъ при такомъ видѣ огня обстрѣлять площадь? Оказалось нужнымъ, чтобы отдѣленные, назначая стрѣлковъ, назначали каждому прицѣлъ изъ числа указанныхъ или для каждого отдѣленія одинъ изъ прицѣловъ. Половина мишеней была падающія. Наблюденія дали затѣмъ возможность сузить предѣлы обстрѣливаемой площади.

По группѣ начальниковъ, въ виду близости ея къ лѣсу, оказалось возможнымъ сразу ограничить размѣръ обстрѣливаемой площади двумя прицѣлами. Малая видимость цѣли невооруженнымъ глазомъ и незначительная ея ширина по фронту принудили назначить нѣсколько точекъ прицѣливанія. Цѣль быстро скрывающаяся, поэтому видъ огня—шквальный. Стрѣлки были ориентированы при помощи обоймы. Вспомогательной точкой ориентированія послужило отдѣльное дерево (*B*), выдѣляющееся надъ кустами. Линія прицѣливанія указана была по подошвѣ лѣса влѣво 50, раздѣлить вправо 5. Въ данномъ случаѣ и можно было назначить нѣсколько точекъ прицѣливанія лишь по обоймѣ, ибо на фонѣ подходящихъ замѣтныхъ точекъ не было.

Цѣль въ ростъ была признана цѣлью полузакрытой. Нижняя часть снопа пуль будетъ перехватываться кустами. Потому стрѣльбу здѣсь рациональнѣе вести по правиламъ стрѣльбы по высотѣ. Болѣе близкое положеніе къ ближайшей границѣ дало возможность сразу начать стрѣльбу при двухъ прицѣлахъ. Видъ огня—шквальный, ибо цѣль, очевидно, при первыхъ же пуляхъ поспѣшитъ скрыться въ кустахъ. Линія прицѣливанія взята по верхушкѣ кустовъ, отъ отдѣльнаго дерева (*B*) вправо 60, раздѣлить влѣво 20.

По цѣли № 4, совершенно невидимой на фонѣ лѣса, стрѣлки были также ориентированы по обоймѣ. Ориентировочнымъ пунктомъ служилъ правый бокъ выступа кустовъ. Линія прицѣливанія по подошвѣ лѣса. Видъ огня—шквальный. Стрѣльба при двухъ прицѣлахъ.

При рѣшеніи задачъ остальными двумя взводами выяснилось

что тяжесть работы на такихъ близкихъ дистанціяхъ ложится на отдѣленныхъ. Резервъ былъ расположенъ у восточной подошвы хребта, что у д. Иваново. По мѣрѣ выхода отдѣлений на гребень, нѣкоторыя изъ нихъ уже замѣчали цѣпи головную и въ ростъ. Требовалось немедленное открытіе огня этими отдѣленіями. По мѣрѣ же подхода и прочія отдѣленія принимали участіе въ стрѣльбѣ. Затѣмъ, въ силу задачи—охватить со стороны дома А флангъ противника, сильно пробравшагося впередъ—взводы должны были провести наступленіе на небольшое разстояніе, все время съ огнемъ по цѣлямъ. Выяснилось, что потребовалась самая усиленная дѣятельность со стороны отдѣленныхъ, дабы правильно направить движеніе, огонь и слѣдить за примѣненіемъ къ мѣстности. На долю же взводныхъ пришлось, давъ общее направленіе, затѣмъ лишь вводить поправки въ случаѣ надобности, однимъ словомъ руководить, а не приказывать. Распорядительная же роль возлагалась на отдѣленныхъ и старшихъ звеньевъ. Выяснилось также, что первоначально видъ огня могъ быть только шквальнѣй; по мѣрѣ же ослабленія огня противника, что въ данномъ случаѣ обозначалось паденіемъ мишеней, отдѣленные обязаны урегулировать и нашъ огонь, переходя на рѣдкій огонь въ звеньяхъ, а потомъ и лучшими стрѣлками.

Я нарочно болѣе подробно остановился на порядкѣ стрѣльбы, чтобы пояснить—какой именно учебно-совѣщательный характеръ желательно придать стрѣльбамъ взводовъ и отдѣленій, преслѣдуя этимъ то, чтобы ни одна мелочь исполненія не пропала незамѣченной.

Изъ сказаннаго о произведенной стрѣльбѣ можно сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) количество патроновъ, отпускаемыхъ для обученія, столь ограничено, что безусловно слѣдуетъ склониться къ описанной организаціи стрѣльбы—она позволяетъ избѣгать траты патроновъ происшедшей вслѣдствіе ошибки управляющаго огнемъ, и даетъ возможность принять участіе въ стрѣльбѣ всѣмъ присутствующимъ, своимъ мнѣніемъ; 2) самый порядокъ стрѣльбы, сопровождаемый предварительнымъ обсужденіемъ, приучаетъ къ извѣстному роду мышленія, заставляетъ болѣе вдумчиво отнестись ко всѣмъ условіямъ и послѣднія глубже запечатлѣваются въ памяти; 3) онъ можетъ получить и нѣкоторую отрицательную сторону, если не выждать сперва рѣшенія обучающагося; необходимо, чтобы послѣдній первоначально постановилъ свое рѣшеніе, а затѣмъ уже послѣднее подвергнуть обсужденію и дополненію; 4) производство такихъ стрѣльб нѣсколько мѣшкотно при мало подготов-

ленныхъ обучающихся; если же послѣдніе будутъ имѣть достаточную практику въ рѣшеніи тактическо-стрѣлковыхъ задачъ на плажахъ и въ полѣ, то учебныя стрѣльбы будутъ проходить живо и съ интересомъ; 5) нельзя ли такія стрѣльбы замѣнить рѣшеніемъ задачъ въ полѣ съ холостыми патронами? На это можно отвѣтить лишь отрицательно, *ибо упражненія съ холостыми патронами по своему существу всетаки всегда будутъ мертвыми, такъ какъ при нихъ нѣтъ живаго корректива—полета пули.*

з) Организация боевыхъ стрѣлъбъ на мѣстности.

Перейдемъ къ освѣщенію вопроса объ организаціи боевыхъ стрѣлъбъ на мѣстности для роты и частей бѣльшого состава.

Выше уже было указано, что главнѣйшимъ условіемъ въ данномъ случаѣ является необходимость дать полную свободу исполнителямъ. Свобода эта заключается въ томъ, чтобы исполнители, согласно слагающейся въ ихъ умѣ обстановки, могли произвольно распоряжаться своими частями и, несмотря на это, условіе безопасности для окружающихъ жителей было бы сохранено. Тогда только и возможно такія стрѣльбы назвать стрѣльбами съ маневрированіемъ.

Въ виду этого, наприимѣръ, только что описанный участокъ мѣстности уже не годится для боевой стрѣльбы ротѣ, ибо естественная позиція даетъ возможность свободно развернуться только двумъ взводамъ. Выдвиженіе остальныхъ двухъ взводовъ является уже условностью, которую пришлось бы указывать исполнителю. А разъ это такъ, разъ исполнителю навязываютъ что-нибудь, то естественно ему придется въ сущности подсказать и всѣ подробности исполненія, иначе у него все равно сразу родится цѣлый рядъ вопросовъ: на какомъ фронтѣ я могу развернуться? на какой линіи я могу остановиться? какъ будутъ считать мое движеніе—подъ какимъ огнемъ я самъ нахожусь? какое направленіе моего фронта будетъ правильное, дабы выстрѣлы были безопасны? и т. д. Всѣ эти вопросы въ сущности сопряжены съ разносомъ или съ похвалою послѣ стрѣльбы. Вѣдь исполнители не знаютъ что хочетъ руководитель, ибо въ противномъ случаѣ пропалъ бы весь секретъ искусства. Съ другой же стороны, разъ приходится отвѣчать на всѣ указанные вопросы, то исполнителямъ очень мало что остается дѣлать—все рѣшеніе сведется къ стереотипу: «Прямо по цѣпи и т. д.»...

Итакъ, организація боевыхъ стрѣлъбъ съ маневрированіемъ не должна задавать шарды исполнителямъ.

Вотъ именно здѣсь и нужно подчеркнуть то, что на боевыхъ стрѣльбахъ не будемъ имѣть возможности представить полную картину боя, вплоть до удара въ штыки.

Для этого необходимо имѣть не только большое пространство, но и ввести поправку въ оцѣнку результатовъ.

Для картины боя необходимо вести наступленіе съ огнемъ, но боевыхъ патроновъ мало: необходима замѣна ихъ холостыми патронами. Оцѣнка въ данномъ случаѣ дѣлается, исходя изъ числа выпущенныхъ боевыхъ патроновъ.

Для тактической цѣльности упражненія, установка мишеней должна считаться съ характеромъ мѣстности и выражать наиболѣе вѣроятное занятіе послѣдней противникомъ. Установки мишеней могутъ быть мертвыя и появляющіеся. Первые еще подраздѣляются на ясновидимыя, маскированныя и падающія. Для примѣненія вторыхъ необходимо наличие переносныхъ блиндажей. Вообще, послѣднихъ каждый полкъ долженъ имѣть не менѣе восьми, ихъ слѣдуетъ признать обязательнымъ приспособленіемъ.

Для рѣшенія стрѣлковыхъ задачъ необходимо, дабы мишени замѣчались исполнителями внезапно, какъ разъ въ необходимый моментъ.

Если мишени на мертвой установкѣ, то это можетъ быть достигнуто двояко: 1) используется элементъ мѣстности въ томъ смыслѣ, дабы рѣшающіе задачу до момента ея рѣшенія двигались бы скрытно. Именно въ такомъ смыслѣ использована деревня Hөflein на стрѣльбѣ, произведенной при баварской стрѣлковой школѣ («В. Сб.» № 11, 1912 г.); ту же службу сослужилъ хребетъ д. Иваново въ приведенномъ здѣсь примѣрѣ; съ такимъ же расчетомъ въ прошломъ году на боевой стрѣльбѣ на Военномъ полѣ Красносельскаго лагеря былъ использованъ всѣмъ хорошо извѣстный Авангардный лагерь, какъ скрытый подступъ для баталіона и 2-хъ батарей. 2) Нерѣдко мишени можно замаскировать, благодаря фону; лѣсъ и кусты даютъ такой фонъ, что мишени исполнителями обыкновенно не замѣчаются; въ такомъ случаѣ указывать ихъ лучше вспышками; хуже, если это будетъ сдѣлано руководителемъ, ибо вспышки представляютъ искусь для вниманія людей.

Нерѣдко желаніе дать батальную картину сводить пользу самого упражненія во многомъ на нѣтъ. При организациі упомянутой выше боевой стрѣльбы на Военномъ полѣ первоначально) собравшемся по этому поводу совѣщанію) было предложено— Авангардный лагерь использовать, какъ скрытый раіонъ для разверты-

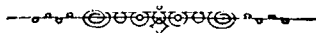
ванія отряда, цѣли же выставить главнымъ образомъ на линіи Царскаго валика и Лабораторной роши, выполняя въ такомъ случаѣ слѣдующіе боевые моменты: 1) столкновение частей походнаго охраненія; 2) развертываніе головныхъ частей и занятіе ими мѣстнаго рубежа—линіи шоссе; 3) выѣздъ артилеріи; 4) первые моменты огневой борьбы на указанномъ рубежѣ. Но при такой организаціи оказывалось, что пропадалъ самый эффектный номеръ одновременной стрѣльбы артилеріи и пѣхоты по однимъ и тѣмъ же мишенямъ, ибо раіонъ установки мишеней для артилеріи лежалъ за Лабораторной рошей. Совѣщаніе съ этимъ не хотѣло согласиться и прибавило еще огневое нападеніе на гл. силы противника, раіонъ которыхъ считался за Лабораторной рошею. Для послѣдняго пришлось продѣлать наступленіе съ шоссе на линію Лабораторной роши, около версты. Наступленіе нудное, безъ огня, безъ видимой такъ сказать цѣли, доставило многимъ впослѣдствіи нѣсколько неприятныхъ минутъ.

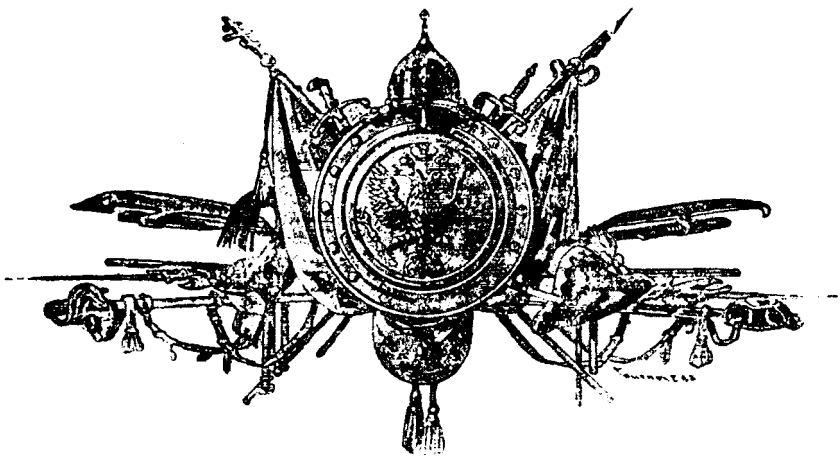
Вполнѣ же естественное и свободное развертываніе отряда въ раіонѣ Авангарднаго лагеря, затѣмъ переходъ черезъ оврагъ и занятіе линіи шоссе, какъ рубежа, было произведено сравнительно гладко, а одной ротою и очень искусно. На этомъ слѣдовало остановиться, ибо пунктъ, прибавленный совѣщаніемъ, далъ лишь цѣлый рядъ условностей и шарадъ для исполнителей. И все это ради сомнительной пользы отъ обозрѣнія батальной картины!

Приблизительно въ такомъ положеніи будетъ находиться всякая организація стрѣльбы. Наиболѣе естественнымъ выходомъ будетъ—ограничиться развертываніемъ и занятіемъ ближайшаго рубежа, а не стремиться провести наступленіе по всѣмъ зонамъ ружейнаго огня.

Въ силу же всего сказаннаго, можно лишь отнести отрицательно и къ слѣдующей организаціи. Къ производству сперва (на мѣстѣ стрѣльбы) двухсторонняго маневра, а затѣмъ—замѣнѣ людей мишенями. Этотъ способъ имѣетъ единственную выгоду—онъ докажетъ необходимость примѣненія къ мѣстности. Но зато онъ мѣшкотный, начнется цѣлый рядъ споровъ—какимъ образомъ какая часть была расположена. Въ стрѣлковомъ же отношеніи всякій искусъ совершенно пропадалъ, ибо приэтомъ будетъ достаточно времени, дабы обезпечить крестъ въ предстоящей стрѣльбѣ.

В. Ступинъ.

ПѢХОТНЫЕ ТЕЛЕФОНИСТЫ.

Въ февральской книжкѣ «Военнаго Сборника» за текущій годъ помѣщена статья подъ заглавіемъ «Инженерный полкъ», въ которой разсматривается вопросъ снабженія армейскаго корпуса всѣми современными техническими средствами, сосредоточенными въ корпусномъ инженерномъ полку. Привѣтствуя попытку освѣтить вопросъ организаціи техническихъ частей, входящихъ въ составъ корпуса, нельзя не обратить вниманія на неудобства, которыя должна вызвать организація телефоннаго дѣла, предложенная въ упомянутой статьѣ, сводящаяся къ слѣдующему: «необходимо снять съ плечъ пѣхоты эту обузу, т.-е. телефонное дѣло, и все имущество и нижнихъ чиновъ полковыхъ телефонныхъ командъ направить на формированіе въ корпусномъ инженерномъ полку одной телефонной роты, обязанной знать и умѣть примѣнять не только одно телефонное дѣло, но всѣ способы оптической дневной и ночной передачи, т.-е. гелиографы, лампы для ночного дѣйствія и т. п.»

Едва ли есть основаніе считать обузой для пѣхоты телефонное дѣло, которое въ пѣхотѣ стоитъ лучше, чѣмъ въ саперныхъ частяхъ. Не далѣе, какъ лѣтомъ прошлаго года, такой взглядъ громко выска-

заль инспекторъ инженерныхъ войскъ одного изъ военныхъ округовъ въ присутствіи офицеровъ нѣсколькихъ саперныхъ баталіоновъ и прикомандированныхъ отъ частей округа офицеровъ пѣхоты. Не скрываетъ этого и авторъ упомянутой статьи. Да и дѣйствительно, какое можетъ встрѣтиться затрудненіе при изученіи телефоннаго дѣла для офицера, прошедшаго курсъ физики средняго учебнаго заведенія и подчитавшаго основательно учебникъ, которымъ, какъ приходилось наблюдать, пользуются и сами офицеры саперныхъ баталіоновъ? Справедливость этого доказана на опытѣ, такъ какъ командированіе въ саперные баталіоны офицеровъ и нижнихъ чиновъ для изученія телефоннаго дѣла практикуется лишь за послѣдніе два—три года, телефонное же дѣло въ пѣхотныхъ полкахъ уже давно стоитъ на должной высотѣ, несмотря на то, что еще не такъ давно телефонные аппараты и проводы приобрѣтались полками только на собственные средства. Тѣмъ не менѣе, для начинающихъ работу съ телефонами, командированіе въ саперные баталіоны, конечно, облегчитъ изученіе технической стороны дѣла, если обучать будетъ опытный саперный офицеръ. Если же, какъ бываютъ случаи, обученіе «прикомандированныхъ» будетъ возложено на рядового изъ бывшихъ телеграфистовъ, на урокахъ котораго обязаны присутствовать, не то въ роли классной дамы, не то яко-бы поучаясь у этого профессора на глазахъ своихъ солдатъ, офицеры пѣхоты, то дѣло сводится лишь къ обученію нижнихъ чиновъ телефонной техники въ узкомъ смыслѣ слова, да еще къ ущербу престижа офицеровъ пѣхоты въ глазахъ ихъ подчиненныхъ и въ особенности саперныхъ солдатъ.

Но кто же, спрашивается, научить офицеровъ, несущихъ обязанности начальника связи въ пѣхотныхъ полкахъ, да и офицеровъ артилеріи, практической сторонѣ дѣла, т.-е. быстрому и цѣлесообразному примѣненію техническаго средства къ тактической обстановкѣ? Въ саперныхъ баталіонахъ этому не учатъ, да и научить не могутъ по весьма понятной причинѣ—по собственному полному незнакомству саперныхъ офицеровъ съ этой стороной дѣла. Научить этому пѣхотнаго или артилерійскаго офицера можетъ только его наблюдательность, военный глазомѣръ, основанный на тактическихъ познаніяхъ, и практика во время маневровъ и боевыхъ стрѣльбъ частями подъ руководствомъ его строевыхъ начальниковъ, многіе изъ которыхъ къ тому же и офицеры генеральнаго штаба.

Едва ли основательны сѣтованія автора, что для несенія связи отрывается нынче много офицеровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что для команды

связи въ мирное время ни одинъ командиръ полка не пожалѣетъ даже и трехъ офицеровъ, такъ какъ это обезпечить ему прочность связи въ военное время, въ случаѣ убыли въ бою кого-либо изъ этихъ офицеровъ, цѣнныхъ для боевыхъ успѣховъ части.

Быстрое установленіе связи, отвѣчающее обстановкѣ боя, а также поддержаніе ея при наступленіи — дѣло не легкое, требующее не малаго искусства, достигаемаго практикой и только практикой. Имѣть ее можетъ только тотъ, кто, служа въ пѣхотной части и участвуя постоянно во всѣхъ ея маневренныхъ и другихъ боевыхъ упражненіяхъ, привыкъ управлять всѣми имѣющимися въ полку средствами связи, т.-е. телефономъ, фонарями (или лампами), флагами, гелиографами (которые имѣются во многихъ полкахъ), конными ординарцами, велосипедистами. Только у такого начальника связи получится взаимодѣйствіе всѣхъ имѣющихся средствъ связи; такъ, напримѣръ, конный ординарецъ сумѣетъ, пользуясь лошадью, облегчить пѣшему телефонисту размотку провода или отысканіе мѣста порчи его. Только у такого офицера связь всегда будетъ во время къ услугамъ начальника отряда, котораго онъ будетъ понимать съ полуслова, сжившись съ которымъ въ служебно-товарищеской средѣ части, онъ поставитъ для себя вопросомъ чести сдѣлать все, чтобы облегчить задачу своего полка и своего начальника.

Едва ли есть основаніе горевать, что пѣхотный солдатъ-телефонистъ проводить первый годъ службы въ ротѣ, такъ какъ за этотъ годъ онъ изучитъ службу въ полѣ, усвоитъ въ доступномъ для него объемѣ тактическія формы и терминологию, что очень полезно для будущаго телефониста. Затѣмъ уже изучитъ телефонъ, будетъ дежурить у телефона гдѣ нибудь въ канцеляріи, потомъ во время учебныхъ и боевыхъ стрѣльбъ въ сторожевомъ охраненіи. Затѣмъ, весной и лѣтомъ во время самостоятельныхъ занятій команды телефонистовъ, подъ руководствомъ начальника связи, ему не разъ придется подумать и смекнуть какъ дѣйствовать на мѣстности при той или другой тактической задачѣ полка, которую создалъ начальникъ связи, и какъ перейти къ налаживанью связи при полученіи отъ офицера вводной задачи.

Наконецъ, на маневрахъ и ученьяхъ частями полка, а затѣмъ въ общемъ и подвижномъ сборѣ, въ обстановкѣ похода, боя, ночлега, онъ окончательно окрѣпнетъ въ своихъ познаніяхъ, привыкнетъ къ обиходу словъ, употребляемыхъ въ полевыхъ войскахъ, узнаетъ всѣхъ начальниковъ своей части, старшихъ начальниковъ сосѣднихъ частей; многихъ изъ нихъ онъ видѣлъ, со многими

говорилъ. Въ результатѣ, къ осени второго года службы, у пѣхотнаго телефониста получаютъ такіе навыки, которые необходимы ему и которыхъ инымъ путемъ и въ другомъ мѣстѣ нигдѣ приобрѣсти нельзя. Кому приходилось сталкиваться съ работой пѣхотныхъ телефонистовъ на маневрахъ, тѣ знаютъ, что, при непрерывной бѣготнѣ, телефонистъ не имѣетъ времени для отдыха, такъ какъ по приходѣ на ночлегъ торопится связать часть съ сосѣдами и штабами, дежурить ночью у телефона или бѣжить провѣрять линію, если телефонъ отказалъ; подчасъ работаетъ и не ѣвши. Поэтому, чтобы телефонисты лихо работали, нужны большая тренировка ихъ въ бѣгѣ и привычка къ работѣ, которую можно получить только при обилии и разнообразіи занятій въ полку, да и дисциплина въ командѣ покрѣпче, чѣмъ у вспомогательныхъ войскъ: настоящая пѣхотная. А главный залогъ успѣха кроется въ томъ, что и пѣхотный и артилерійскій телефонистъ костями ляжетъ въ своей тяжелой работѣ, лишь бы достигнуть успѣха для своей родной части, долю котораго онъ приписываетъ и своей работѣ, и въ этомъ его гордость. Для своей части онъ недоспитъ, недоѣстъ, будетъ бѣгать до изнеможенія и все же будетъ крѣпокъ духомъ, а значить и въ работѣ. Охотно поработаетъ и для сосѣда по бригадѣ или дивизіи, которыхъ привыкъ считать за своихъ съ новобранства.

Такова ли будетъ психологія у людей команды телефонистовъ, присланной въ полкъ на время маневровъ изъ телефонной роты, обыкновенно квартирующей гдѣ нибудь за сотни верстъ отъ пѣхотнаго полка, къ которому теперь ихъ зачѣмъ то прислали? Придутъ они, повидимому, безъ офицера, такъ какъ авторъ статьи предполагаетъ въ телефонной ротѣ 5 офицеровъ, а въ корпусѣ восемь полковъ и три штаба. Неужели же саперный унтеръ-офицеръ, кромѣ узко технической стороны телефоновъ, ни въ чемъ больше не осведомленный, совершенно чуждый для полка, да еще въ большинствѣ случаевъ считающій себя превыше всяческой пѣхоты, окажется вмѣстѣ со своею командой на высотѣ современныхъ требованій, предъявляемыхъ къ связи въ пѣхотномъ полку?

Нѣтъ, даже если команда будетъ подъ начальствомъ сапернаго офицера, то и въ этомъ случаѣ будутъ отсутствовать тѣ необходимыя познанія и навыки, о которыхъ упоминалось выше, которыхъ нѣтъ у саперныхъ офицеровъ, да при существующемъ положеніи вещей и не можетъ быть. Для приобрѣтенія ихъ нужно даже не сжиться, а сродниться съ бытомъ и службой пѣхоты, для чего почаще, вмѣстѣ съ пѣхотой, выходить въ поле, не стѣсняясь грязью и снѣгомъ, а не ограничиваться только тѣмъ, что во время сапер-

ныхъ лагерей, все на одной и той же мѣстности, изъ года въ годъ, устраивать примѣрные маневры, чаще безъ войскъ. А пока нужныхъ навыковъ нѣтъ, едва ли слѣдуетъ мѣшать дѣлу, которое въ пѣхотѣ хорошо идетъ—предложеніемъ проекта, на практикѣ неудобовыполнимаго и имѣющаго въ основѣ своей такое вредное начало, какъ перемѣшиваніе частей и нарушеніе органической сплоченности ихъ, за допущеніе которыхъ и такъ уже приходилось дорого расплачиваться. Далѣе, по смыслу статьи (о телефонныхъ ротахъ) командиръ роты, разославъ по штабамъ и полкамъ корпуса своихъ слабо организованныхъ телефонистовъ, долженъ руководить и давать направленіе телефонной службѣ всего корпуса и являться отвѣтственнымъ за всякую неисправность въ телефонномъ сообщеніи. Казалось бы, это будетъ задача непосильная, невыполнимая.

Въ такомъ же безпомощномъ положеніи будетъ и командиръ полка: подготовленнаго офицера для связи, въ теперешнемъ смыслѣ, у него не будетъ. Такимъ явится офицеръ, незнакомый ни съ практикой телефонной связи, ни съ телефонистами; если же прибудетъ саперный офицеръ, то и это принесетъ мало пользы, такъ какъ онъ будетъ неопытный въ дѣлѣ связи въ пѣхотномъ полку, въ лучшемъ случаѣ хорошій техникъ. Что же будетъ дѣлать командиръ полка съ телефонистами, присланными ему отъ телефонной роты, которыхъ онъ раньше никогда и не видѣлъ, довѣря къ работѣ которыхъ у него не можетъ быть, которые не привыкли чувствовать въ немъ начальника, а полкъ считаютъ чужою имъ частью.

Отдѣлъ о телефонныхъ ротахъ авторъ статьи заканчиваетъ словами: «итакъ необходимъ сборъ въ одну роту всѣхъ, нынѣ разсѣянныхъ по полкамъ, пѣхотныхъ телефонистовъ и зачисленіе ея въ составъ инженернаго полка».

Избави Богъ отъ такого несчастья пѣхотные полки, органическую и неотъемлемую часть которыхъ составляютъ теперь команды телефонистовъ, стояція на высотѣ своей задачи и (на маневрахъ и въ военное время) приносяція колоссальную помощь при прохожденіи боевыхъ стрѣльбъ частями и для руководства встрѣчными маневрами частей полка, путемъ вводныхъ задачъ и т. п.!

Оторвать эти команды отъ полковъ, значитъ оставить командира полка безъ самаго серьезнаго средства связи, не только въ мирное, но и въ военное время, и кромѣ того лишитъ офицерскій составъ полковъ привычки и умѣнья пользоваться полевымъ телефономъ при учебно-боевой обстановкѣ въ мирное время, что не можетъ не принести вреда на войнѣ. Совершенно непонятно, почему авторъ

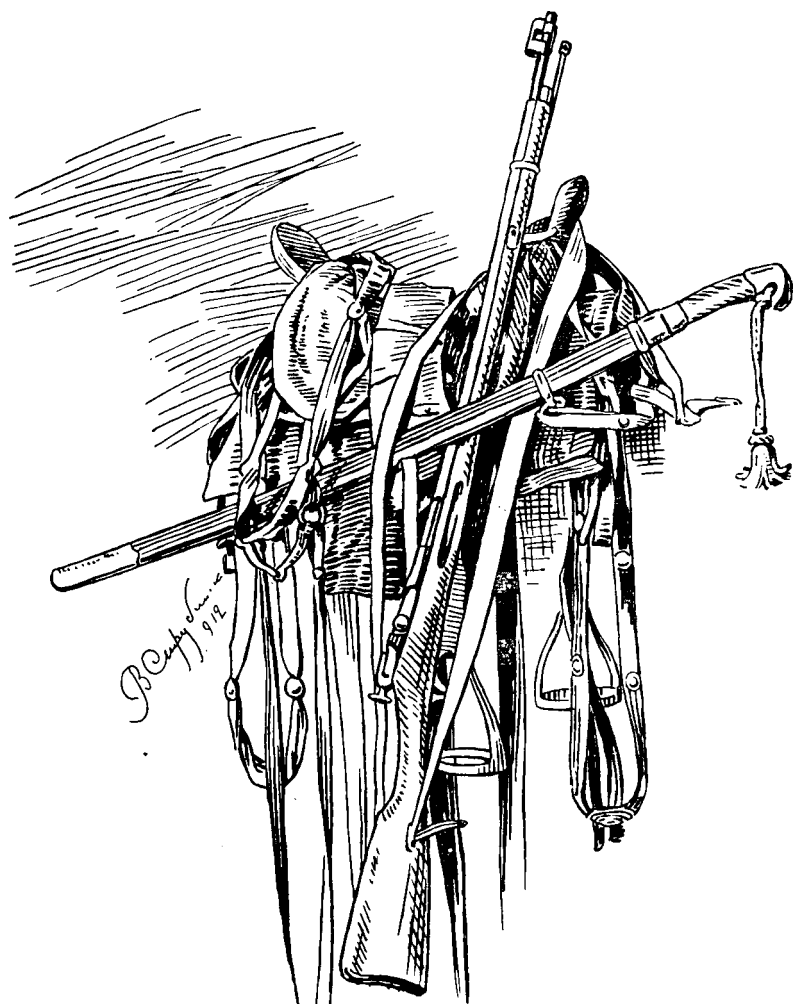
статьи, снисходя къ потребностямъ артилеріи, соглашается оставить ей телефоны, но настаиваетъ непремѣнно отобрать ихъ отъ пѣхоты. Развѣ пѣхота, какъ всякій другой родъ войскъ, не имѣетъ также своихъ задачъ, для исполненія которыхъ нужно имѣть своихъ спеціально обученныхъ телефонистовъ? При серьезномъ отношеніи, при близкомъ знакомствѣ съ пѣхотнымъ дѣломъ, на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить отрицательно. Да, пѣхотнымъ телефонистамъ нуженъ именно *пѣхотный* навыкъ, а не какой нибудь другой, хотя бы и очень высокой марки. Поэтому, въ каждой пѣхотной части должна быть непремѣнно *своя* собственная команда связи, съ начальникомъ офицеромъ и нѣсколькими подготовленными замѣстителями, выбранными изъ числа офицеровъ, лучшихъ по тактической подготовкѣ, подвижныхъ, неутомимыхъ въ полевой работѣ на конѣ и пѣшкомъ, причемъ они должны быть ознакомлены со всѣми принятыми въ полкахъ средствами связи, до гелиографа включительно.

Что касается телефонной роты, то она можетъ существовать, независимо того, съ пользой для дѣла обслуживая штабы корпусовъ или даже и дивизій, гдѣ саперный офицеръ съ телефонистами будетъ всегда подъ руководствомъ офицера генеральнаго штаба, завѣдывающаго связью штаба, и гдѣ поэтому отъ саперъ требуется только знаніе техники телефоннаго дѣла и быстрота прокладки линій, въ чемъ они должны быть вполне компетентны. При такихъ условіяхъ командиръ телефонной роты получить возможность наблюдать за дѣятельностью чиновъ своей роты и руководить ею чрезъ своихъ младшихъ офицеровъ, съ центральной станціи или наѣздами, и рота будетъ у него въ рукахъ, а это заставитъ телефонистовъ работать какъ слѣдуетъ.

Въ мирное время командиръ телефонной роты явится естественнымъ контролеромъ сбереженія телефоннаго имущества въ пѣхотныхъ и артилерійскихъ частяхъ, а въ потребныхъ случаяхъ опытнымъ руководителемъ - техникомъ. При всемъ томъ, техническія изобрѣтенія имѣютъ теперь такое широкое примѣненіе въ жизни, что только г.г. специалисты могутъ опасаться довѣрить телефоны кому нибудь, кромѣ самихъ себя. Но на ряду съ этимъ они почему то находятъ нужнымъ отобрать пѣхотныхъ телефонистовъ для формированія инженерныхъ телефонныхъ ротъ, въ чемъ какъ будто сквозитъ желаніе пріобрѣсти телефонистовъ съ такимъ опытомъ и навыками по несенію службы связи, которые достигаются службой въ пѣхотѣ и отсутствуютъ у саперъ.

Н. Копишъ.

ВЫЪЗДКА СТРОЕВОЙ КАЗАЧЬЕЙ ЛОШАДИ.

(Продолженіе) ¹⁾.

Весна. Лошади отъѣлись на сочныхъ травахъ, вычистились и вымылись въ росистыя зори, табунъ играетъ. Вотъ отдѣлилась молодая кобылка, высоко подняла тонкую шею, вытянула морду и идетъ легкою воздушною рысью, а другая подходитъ къ ней бокомъ. Она не знаетъ ни мундштука, ни удиль, а посмотрите — какой красивый и совершенно правильный у ней сборъ, какъ подобравъ задъ, какъ легко, пружинисто и увѣренно идетъ она, далеко отки-

¹⁾ См. «Воен. Сборн.», № 9.

нужь пушистый хвостъ. Эта воздушная рысь, напоминающая испанскую—это ея естественныя движенія. Эта поднятая голова и (вслѣдствіе этого) центръ тяжести, поданный къ заду—этому ее никто не училъ, но въ минуты страсти, увлеченія, въ тѣ минуты, когда ей нужно быть легкой, увертливой, воздушной, она сама приняла именно это равновѣсіе, равновѣсіе на задѣ, подняла голову кверху, подобралась...

Какое изъ этихъ двухъ естественныхъ равновѣсій нужно военной казачьей лошади? То ли, въ которомъ лошадь перевариваетъ пищу и, опустивъ голову, полузакрывъ свои прекрасные глаза, еле бродить по стени, или то, когда она полна силы, энергіи, возбужденія, когда она сама танцуетъ, взвиваясь на дыбы, дѣлая пируеты въ воздухѣ? И мнѣ кажется, что противники равновѣсія лошади на задѣ, поднятой головы, доказывающіе, что это противоестественно и потому портитъ лошадь, упустили изъ виду эти минуты нервнаго возбужденія лошади, когда лошадь гарцуетъ и играетъ. Какъ смѣшно на походѣ, на шагу, на огдыхѣ не дать лошади опустить голову, не освободить ей поводъ, такъ равнымъ образомъ нелѣпо вести лошадь въ бой съ брошеннымъ поводомъ, съ опущенной головою, неловкую и неуклюжую.

Естественное равновѣсіе лошади и на передѣ и на задѣ, въ зависимости отъ того, что лошадь дѣлаетъ: нитается или рѣзвится; такъ и равновѣсіе лошади подѣ всадникомъ можетъ быть на передѣ—на походѣ, на скачкѣ, и на задѣ—на маневрахъ, въ схваткѣ, словомъ тогда, когда отъ лошади требуется совкость, ловкость, быстрые увѣренные повороты, прыжки, остановки на-короткѣ и снова быстрый ходъ впередъ или въ сторону.

Цѣль выѣздки, между прочимъ, и заключается въ томъ, чтобы, по волѣ всадника, набираниемъ поводевъ и главное *нажатіемъ шенкелей* заставлять лошадь «подбираться», поднимать голову, пружинить спину, подавая задъ подѣ передѣ, идти легко и воздушно.

При выѣздкѣ лошади на мунштукѣ много говорится о сборѣ лошади и о постановкѣ ея головы. Мунштукомъ добиваются опусканія головы лошади книзу, сгибая ее въ затылкѣ, при свободно поднятой шеѣ. Этимъ достигается такъ называемое полное равновѣсіе лошади, дѣлающее лошадь способною выполнять самыя сложныя приемы высшей ѣзды.

При выѣздкѣ казачьей лошади на уздечкѣ не будемъ говорить ни о сборѣ лошади, ни о полномъ равновѣсіи ея. Тотъ изъ казаковъ, который пожелаетъ выѣздить свою лошадь на высшую школу,

обратится къ другому руководству, а не къ тому, которое говорить о выѣздкѣ *всякой* лошади въ 16 недѣль. То, что и на уздечкѣ можно дать правильную регулярную постановку головѣ лошади и добиться отъ нея всѣхъ приемовъ высшей школы—доказываетъ примѣръ итальянца Fe-d'Ostiani, лошадь котораго продѣлывала самые сложные приемы—испанскій шагъ, пассажъ, испанскую рысь, мѣну ногъ черезъ темпъ, галопъ назадъ, будучи выѣзжена на уздечкѣ²⁾.

Рис. № 2.

Лошадь собранная на уздечкѣ, голова «топорикомъ».

Въ настоящемъ трудѣ я говорю о выѣздкѣ строевой казачьей лошади, а потому о сборѣ лошади нечего и думать. Сборъ долженъ быть естественный. Казачья лошадь, правильно выѣзженная, должна имѣть шею поднятую, голову поставленную почти подъ прямымъ угломъ къ шеѣ, то есть, какъ говорится, «*топорикомъ*»; задъ долженъ быть подобранъ подъ себя, спина слегка выгнута вверхъ, образуя пружину. Поводъ слегка натянутый, съ мягкимъ упоромъ на руку—это и будетъ правильная постановка головы казачьей лошади, ея «сборъ» (см. рис. 2 и рис. 2 bis).

Глава IV.

Работа въ рукахъ, какъ пассивная гимнастика лошади, и работа на препятствіяхъ, какъ гимнастика активная.

Достигается такая постановка головы лошади (топорикомъ), пружинистость и гибкость спины лошади, легкость движеній—соот-

²⁾ «Alta scuola et scuole di campagna» Conte Fe d'Ostiani.

вѣтствующей педантичной работой лошади на кордѣ, въ рукахъ, подъ сѣдломъ и на различныхъ комбинаціяхъ барьеровъ.

Корда приручаетъ лошадь къ человѣку, сбрасываетъ лишній пылъ, даетъ молодой лошади поиграться, дѣлаетъ ее спокойной и довѣрчивой (въ связи съ воспитаніемъ, о которомъ сказано выше); кромѣ того корда вымахиваетъ плечи лошади, даетъ размахъ ногѣ, безъ вреда для лошади, и гнетъ ея спину въ горизонтальной плоскости. Корда это тоже самое, что бѣгъ для новобранца — развиваетъ мускулы, легкія, даетъ гибкость тѣлу.

Работу въ рукахъ я могу сравнить съ пассивной гимнастикой. Выбатывается медленно, но вѣрно, мускулъ, идетъ увеличеніе гибкости суставовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ лошадь становится довѣрчивѣе и умнѣе. Ея голова во время этой работы находится въ пяти вершкахъ отъ головы человѣка. Если правда, что человѣческая голова излучаетъ флюиды, то эти флюиды дѣйствуютъ и на лошадь, и она становится внимательной и понятливой. Отбросимъ флюиды, и все таки эта близость человѣка, близость руки къ удилу, возможность самому исправить ошибку лошади, моментально наказать или огладить лошадь, имѣютъ громадное воспитательное значеніе. Можно выѣздить лошадь и не работая въ рукахъ, но эта выѣздка уже никогда не будетъ такъ тонка и изящна, какъ выѣздка лошади, работанной въ рукахъ. Работа въ рукахъ имѣетъ и другое значеніе. Лошадь еще молода, не сложилась, не сформировалась. Ея спина слаба, мускулы дряблы; сѣсть на нее — это пода-

Рис. № 2 (bis).

Естественная постановка головы лошади, работанной на уздечкѣ на свободномъ поводѣ. <

вить ей спину, разбить ее на ноги; казакъ тяжелъ для нея. Оставить безъ работы—она жирѣетъ, балуется, дѣлается непокорной; работа въ рукахъ даетъ лошади небольшую, но весьма полезную гимнастику, не обременяя спины лошади всадникомъ; исподволь приучаетъ лошадь къ поводу и шенкелю (палочки), учить поворотамъ, откидыванію зада, приниманію, заставляетъ гнуть ноги и плечи и въ вертикальной и горизонтальной плоскостяхъ, словомъ, учить лошадь—и, когда всадникъ сядетъ на нее, она уже многое знаетъ, она идетъ подъ нимъ спокойно, ровно, увѣренно и смѣло. Ни закидокъ, ни опрокидываній, ни остановокъ, ни прыжковъ, ни козленія—она и всадникъ добрые старые знакомые; между ними твердо установились взаимное довѣріе и пониманіе другъ друга.

Работа подъ всадникомъ окончательно вырабатываетъ поводъ, гибкость лошади; вырабатываетъ правильные, ровные аллюры, гибкость и совкость лошади.

Работа на извѣстныхъ комбинаціяхъ препятствій имѣетъ громадное значеніе для выработки лошади, смѣлой въ полѣ, увѣренной въ себѣ, не задумывающейся ни передъ какимъ препятствіемъ. Я сравню ее съ работою человѣка на гимнастическихъ приборахъ. Какъ бы много человѣкъ ни работалъ пассивной гимнастикой, какіе бы изящные выпады онъ ни дѣлалъ, какія бы гири ни выжималъ, онъ никогда не будетъ смѣлымъ гимнастомъ, пока не поработаетъ на турникѣ, на параллельныхъ брусьяхъ, на транеціи, не займется прыжками, сальто-мортале и пр. Извѣстный рискъ, привычка къ нему, дѣлаютъ человѣка рѣшительнымъ и ловкимъ; глазъ становится вѣрнымъ, мускулатура дѣлается покорной волевому импульсу.

Лошадь работалась въ рукахъ, работалась подъ всадникомъ, напрыгивалась на препятствія—это все развило ея мускулатуру, но не давало ей большой практики быстро соображать и принимать правильныя рѣшенія. Она все еще не вполнѣ полевая. Мало того, и корда, и работа на вольту, и повороты—все это гнуло ея спину въ горизонтальной плоскости, но для хорошаго, сильнаго прыжка необходимо развить спину лошади и въ вертикальной плоскости. Извѣстныя комбинаціи низенькихъ барьеровъ и дадутъ лошади эту гимнастику спины, эту ея гибкость въ вертикальной плоскости. Барьеры не должны быть высоки ($1\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{4}$ аршина), чтобы не разстроить плечи и спину лошади, но они должны быть поставлены въ извѣстныхъ сочетаніяхъ. Это преодоленіе лошады цѣлаго сочетанія барьеровъ мало того, что развиваетъ

спину и задъ лошади, оно вырабатываетъ вниманіе въ лошади, дѣлаетъ ее расчетливою на прыжкѣ—а это уже качества драгоцѣнныя для полевой лошади.

Завершаетъ всю выѣздку, конечно, смѣлая полевая ѣзда.

Лошадь молодого казака должна полностью пройти работу на кордѣ, работу въ рукахъ и работу подъ всадникомъ и лишь отчасти на комбинаціяхъ препятствій. Эту послѣднюю лучше отложить на второй годъ ея службы, на осень и зиму. Если лошадь молодого казака будетъ легко преодолевать препятствія 1 аршинъ 4 вершка вышиною, не зная закидокъ, то на второй годъ ея службы вы доведете ея прыжокъ легко до 1 аршина 8 вершковъ и даже до $1\frac{3}{4}$ аршина, а для единичныхъ экземпляровъ до 2 аршинъ.

Приученіе лошади ложиться, приученіе къ чучеламъ и различнымъ предметамъ, приученіе къ выстрѣламъ и ѣздѣ въ полѣ идетъ все время вмѣстѣ съ выѣздкой, о чемъ въ соответствующихъ мѣстахъ и будетъ указано.

Глава V.

Первая недѣля выѣздки. Работа на кордѣ и работа въ рукахъ.

Первая недѣля... Одурѣлая отъ желѣзной дороги или отъ безконечнаго похода шагомъ и въ поводу на сотни и тысячи верстъ, съ такимъ же одурѣлымъ хозяиномъ, не вполне соображающая обстановку, стоитъ передъ вами лошадь молодого казака. Кто ее будетъ выѣзжать?

Лучше, если вы выѣздку лошадей молодыхъ казаковъ поручите старослужащимъ казакамъ, а на лошадей старослужащихъ казаковъ посадите молодежь, и начнете работу безъ стремянъ и поводьевъ, гимнастику на лошадяхъ и пр. Но, не будетъ большой бѣдой, если лошадей молодыхъ казаковъ будутъ выѣзжать и сами хозяева — молодые казаки. Выѣздка такъ проста, такъ понятна и такъ естественна, что съ нею справляется простой солдатъ, новобранецъ, взятый отъ сохи.

Первую недѣлю идетъ воспитаніе лошади и работа ея на кордѣ и въ рукахъ.

Урокъ въ манежѣ молодой лошади продолжается 45 минутъ—1 часъ. Лошади приводятся на уздечкахъ, съ отцѣпленными чумбурами, безъ сѣделъ. Каждый казакъ долженъ имѣть помощника. Вотъ тутъ и можетъ быть—старый казакъ работаетъ лошадь, моло-

дой ему помогает и въ это время присматривается къ его работѣ, чтобы потомъ, если то будетъ признано нужнымъ, работать самостоятельно.

По приказанію обучающаго, казаки разводятъ своихъ лошадей по манежу или по плацу (такъ какъ гонять лошадей на кордѣ можно гдѣ угодно, былъ бы мягкій и ровный грунтъ) такъ, чтобы между лошадьми было разстояніе 20—30 шаговъ, чтобы онѣ, бѣгая по вольту, не могли помѣшать одна другой.

Послѣ этого обучающій приказываетъ перекинуть поводья черезъ шею лошади и пропустить подъ щечный ремень, чтобы они не болтались, а если поводья очень длинные, то ихъ можно завя-

Рис. № 3.

Завязка фуражнаго аркана, какъ корды.

затѣ на шеѣ узломъ. Затѣмъ приказываетъ прицѣпить корды или фуражные арканы. Такъ какъ казачья уздечка не имѣетъ переносья, охватывающаго кругомъ, и, если привязывать корду за одно кольцо (внутреннее), какъ то указано § 63 Наставленія для вывздки, уздечка можетъ продернуться насквозь, будетъ висѣть внутрь и беспокоить лошадь, то корда должна быть продѣта черезъ оба кольца удила снизу: сначала черезъ внутреннее, потомъ черезъ наружное, и завязана узломъ на четверть ниже колець (рис. 3).

Показывая продѣваніе корды, обучающій долженъ обратить вниманіе на толщину дужекъ удила. Если удила очень тонкія или особенно, какъ то любятъ кавказскіе казаки, если они имѣютъ острые края, ихъ необходимо замѣнить удилами достаточно толстыми, съ гладкими, хорошо отшлифованными круглыми краями. Если бы такихъ не нашлось, нужно тонкое удило обматывать холщевой лентою, смачивая ее соленою водою.

Слѣдуетъ помнить, что *носитъ лошадь именно на острыхъ удилахъ, и нѣтъ ничего легче сдѣлать лошадь строптивой, заносистой, не берущей повода, то идущей за поводомъ, то лежащейся на поводъ, какъ ѣздя ее на тонкихъ или, что еще хуже, на острыхъ удилахъ.* Изъ двадцати лошадей, которыхъ я выѣздилъ, ни одна не носила, но никогда у меня не было тонкихъ удилъ. Въ Офицерской кавалерійской школѣ, на казачьемъ отдѣлѣ, таскали лошади, преимущественно работанныя кавказскими казаками на тонкихъ съ заостренными гранями удилахъ.

Какъ только корда прицѣплена—одинъ казакъ беретъ лошадь правой рукою подъ уздцы, становится сзади корды, придерживая ее лѣвой рукою, и начинаетъ водить ее шагомъ по кругу, посылая, если нужно, кнутовищемъ бича, который держать въ лѣвой рукѣ, тонкимъ концомъ назадъ. Другой казакъ, кордовый, беретъ корду въ лѣвую руку и постепенно выпускаетъ арканъ такъ, чтобы лошадь взяла полный кругъ.

Обучающій наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы всѣ лошади были правильно ведены по кругу, чтобы кордовые казаки крѣпко держали корды и были готовы оказать сопротивленіе лошади, если она закинется или понесетъ.

Когда вся смѣна станетъ ходить по кругу, обучающій командуетъ: *«пускай!»*

По этой командѣ казакъ, который водилъ лошадь подъ уздцы, плавно, не рѣзко освобождаетъ руку и, выпуская лошадь, отходитъ нѣсколько ближе къ кордовому, беретъ бичъ въ правую руку и готовъ послать лошадь впередъ, если она не пойдетъ.

Джемъ Филлисъ придавалъ большое значеніе работѣ лошади на кордѣ. Вотъ что онъ пишетъ въ заключеніе своей главы — «работа на кордѣ»...

«... Работа лошади на кордѣ представляетъ работу только подготовительную. Работа эта пріучаетъ лошадь къ человѣку, научаетъ ее начинать повиноваться ему. Лошадь работаетъ на кордѣ

³⁾ Дж. Филлисъ. «Основы выѣздки и ѣзды». Изд. I. 1901. Стр. 40.

одна, безъ всадника, ничто и никто ея не раздражаетъ, слѣдовательно, ничто не наталкиваетъ ея на сопротивленіе. Работая на кордѣ, берейторъ имѣетъ возможность, не подвергаясь ударамъ лошади, давать ей чувствовать на разстояніи свою власть». «Всѣ берейторы употребляли и употребляютъ корду, но придавали и придаютъ ей различное значеніе. Боше ея совсѣмъ не признавалъ. Что касается меня, то я очень цѣню пользу корды, но не смотрю на нее, какъ на средство утомлять лошадь, чтобы потомъ легче укротить ее...» ⁴⁾.

Итакъ, лошади пущены. Онѣ пойдутъ разное, въ зависимости отъ темперамента. Однѣ понесутся рѣзвымъ галопомъ, давая козловъ, подбрасывая задомъ, то валясь внутрь круга, то натягивая корду до предѣла; другія пойдутъ вялою рысцою, обнюхивая землю, сбиваясь на шагъ, пріостанавливаясь; третьи, будутъ стремиться повернуть назадъ, будутъ становиться на дыбы и тупо закидываться.

Первые три дня не нужно требовать отъ лошади, чтобы она мягко бѣжала свободно рысью на кордѣ. Пусть раньше освоится съ кордой, съ движеніемъ по кругу, пусть бѣжитъ, какъ хочетъ. Важно лишь то, чтобы она бѣжала по кругу.

Если она валится внутрь круга на кордового, ее нужно бичемъ отогнать наружу, заставить натянуть корду и идти по ней. Бичемъ слѣдуетъ только взмахнуть и лишь тогда, когда лошадь упорно не повинуется, ударить ее бичемъ. Бить слѣдуетъ по подпругѣ, по тому мѣсту, гдѣ лежитъ шенкель; если нельзя попасть по этому мѣсту, можно подогнать лошадь сзади, ударомъ бича подъ заднія ноги, но никогда не слѣдуетъ бить по передней лопаткѣ, по шеѣ или головѣ. Уже не говоря про то, что при такомъ ударѣ можно поранить и даже выхлестнуть глазъ, этотъ ударъ не только не пошлетъ лошадь впередъ, но можетъ даже заставить ее пятиться назадъ.

Если лошадь, напротивъ, стремится уйти изъ круга наружу, слѣдуетъ (подергиваніями корды и сильнымъ натяженіемъ ея къ себѣ и нѣсколько впередъ) заставить лошадь идти по кругу.

Если лошадь упорно не желаетъ идти по кругу, становится на дыбы, поворачиваетъ въ обратную сторону, слѣдуетъ бичевому казaku снова взять ее подъ уздцы и вести нѣсколько круговъ, идя рядомъ съ ней; можно и пробѣжать съ нею одинъ, два круга.

Прогонка на кордѣ должна продолжаться отъ 3 до 5 минутъ.

⁴⁾ Курсивъ мой.

Первые три дня, когда лошади еще не идут спокойно, горячатся и потому скоро устаютъ, 3 минуты, потомъ 5 минутъ.

По истеченіи этого времени обучающій командуетъ «*принять!*»

По этой командѣ кордовые натягиваютъ корду и притягиваютъ лошадь къ себѣ. При этомъ нужно ласково и громко говорить съ лошадыю, звать ее по имени, а, когда она подойдетъ, увѣренно и сильно огладить ее и похлопать. Робкое неуѣренное поглаживаніе лишь раздражаетъ лошадь; напротивъ, сильное увѣренное оглаживаніе, плавные, но твердые жесты, спокойный ласковый голосъ внушаютъ лошади довѣріе къ человѣку и, притянутая за корду къ человѣку первые разы, она скоро начинаетъ и сама приходитъ на зовъ. Огладивъ лошадь, потрогавъ ей ноги, кордовый поворачиваетъ лошадь въ обратную сторону, бичевый становится за кордою, лѣвою рукою беретъ лошадь подъ уздцы и, держа въ правой бичъ и посылая имъ, если нужно, лошадь, начинаетъ водить ее шагомъ по кругу направо. Кордовый держитъ корду въ правой рукѣ, помогая, если нужно, лѣвой.

Когда обучающій увидитъ, что всѣ лошади ходятъ по кругу, онъ командуетъ «*пускай!*» и казаки начинаютъ гонять лошадей на кордѣ направо.

Черезъ пять минутъ (3 минуты въ первые дни) обучающій командуетъ «*принять!*» и лошадей опять подтягиваютъ къ себѣ, оглаживаютъ и разговариваютъ съ ними.

Затѣмъ тоже самое дѣлается въ лѣвую сторону и потомъ опять направо. Такимъ образомъ въ первую недѣлю работы молодую лошадь надо гонять отъ 12 до 20 минутъ на кордѣ 3-хъ или пяти минутными репризами. Пускать и принимать лошадей одновременно и по командѣ нужно потому, что иначе однѣ могутъ работать больше, другія меньше, въ одну сторону лошадь будетъ работана болѣе, чѣмъ въ другую, и это непременно отзовется на ея гибкости и ловкости. Вотъ почему все время выѣздки обучающій долженъ имѣть часы передъ глазами, не полагаясь на свое чутье.

Черезъ 2, 3 дня лошади начнутъ свободно и послушно ходить по кордѣ широкою рысью. Тогда надо начать уже настоящую работу на кордѣ.

Кордовый долженъ занять относительно лошади такое положеніе, чтобы, при слегка натянутой кордѣ, его руки были нѣсколько впереди головы лошади. Кордовый не долженъ стоять столбомъ, какъ-то часто видишь, передавая корду изъ одной руки въ другую,

но долженъ ходить вмѣстѣ съ лошадыю, держа конецъ корды при прогонкѣ въ лѣвую сторону—въ лѣвой рукѣ, а бичъ въ правой, а при перегонкѣ лошади направо — корду въ правой, а бичъ въ лѣвой рукѣ. Когда лошадь бросила сопротивляться и бѣжить по кругу, кордовому уже не нужно помощника: онъ одинъ гораздо лучше и точнѣе управится.

Корда должна быть легко натянута, а рукою кордовый долженъ, какъ бы звать лошадь впередъ, все время мягко подтягивая корду рукою. Если корда ослабляется, начинаетъ «провисать», слѣдуетъ послать лошадь отъ себя бичемъ, но при этомъ не нужно ни громко шелкать, ни махать рукою, такъ какъ это только пугаетъ лошадь и мѣшаетъ сосѣдямъ, пугая и ихъ лошадей; но слѣдуетъ ударить лошадь по подпругѣ и тѣмъ отогнать ее на всю вытянутую корду. Если, напротивъ, лошадь натягиваетъ корду, идетъ бокомъ, откидывая задъ внѣ круга, слѣдуетъ (мягкимъ набираниемъ и сдаваниемъ корды) призывать лошадь стать снова на кругъ.

Какъ только лошади поймутъ это и начнутъ бѣгать правильно по кругу, надо приступить къ выработкѣ у лошади свободнаго движенія съ легко поднятой головой и гибкости въ ребрахъ.

Выпустивъ лошадь на всю корду, слѣдуетъ, зовя ее впередъ тою рукою, въ которой держится конецъ корды, посылать ее, осторожно пощелкивая бичемъ, на все болѣе и болѣе широкую рысь. Если лошадь при этомъ собьется и заскачетъ, слѣдуетъ мягкимъ набираниемъ и сдаваниемъ корды, а если не дѣйствуетъ, то и легкимъ подергиваниемъ корды, поставить лошадь снова на рысь. Не слѣдуетъ при этомъ забывать голоса: какъ только лошадь сбилась, заскакала, ее слѣдуетъ бранить гнѣвнымъ голосомъ, но лишь только она пошла рысью, слѣдуетъ опустить корду, дать отдыхъ ея рту и ласково похвалить ее. Не пройдетъ и недѣли, какъ лошадь научится легко и быстро бѣгать рысью на кордѣ.

Если, бѣгая на кордѣ, лошадь опускаетъ голову, бѣжить съ низко поставленной шеей, ее нужно подогнать бичемъ сзади, ударивъ подъ заднія ноги или по самимъ заднимъ ногамъ сзади; лошадь подберетъ задъ и подниметъ голову.

Когда лошадь отдѣлитъ хвостъ и пойдетъ широкою, свободною рысью, далеко выбрасывая впередъ ноги, ее слѣдуетъ хвалить голосомъ и держать корду возможно болѣе мягко.

Изъ этого описанія видно, что *работатъ лошадь на кордѣ* это совсѣмъ не то, что *гонятъ на кордѣ*. Работа на кордѣ даетъ лошади *правильное постановленіе головы, имѣя шею кверху, вы-*

мать его, поднимаетъ шею, давая головѣ постановку «топорикомъ» отъ посылы палочкой, и лежитъ болѣе мягко на рукѣ—наѣздникъ долженъ ее огладить и голосомъ похвалить ее.

«Трогаясь съ мѣста», говоритъ наше «Наставленіе» (§ 80), «слѣдуетъ приучать лошадь подаваться впередъ отъ посылы хлыста, не скупясь на ласку, когда лошадь охотно и смѣло идетъ впередъ ровнымъ шагомъ...»

Рука при этомъ должна подавать голову лошади впередъ и вверхъ, давая ей постановку.

Десять минутъ по манежу налѣво. Затѣмъ обучающій командуетъ: «стой!» Наѣздники, подавая лошадь палочкой впередъ, въ то же время принимаютъ руку съ поводьями на себя и, останавливаясь сами, останавливаютъ и лошадей. Какъ только лошадь остановилась, ее слѣдуетъ огладить и освободить ей поводъ.

Послѣ остановки обучающій подаетъ снова команду «шагомъ маршъ» и приказываетъ переменить направленіе. Перейдя въ любомъ направленіи черезъ манежъ, наѣздникъ беретъ лошадь лѣвою рукою подъ узды, также раздѣляя поводья указательнымъ пальцемъ, въ правую руку беретъ палочку и ведетъ лошадь по манежу направо, заставляя ее поднимать голову до высоты своего плеча.

Такая работа направо продолжается тоже 10 минутъ. По истеченіи этого времени обучающій командуетъ «стой!» и, когда лошади остановятся, приказываетъ ихъ огладить и отвести отъ стѣнки. Когда лошади будутъ отведены отъ стѣнки, обучающій приказываетъ ласкать ихъ, похлопывать рукою по спинѣ и по крупу, гладить по животу, поднимать сначала переднія, потомъ заднія ноги, поколачивать по копыту, какъ съ боковъ, такъ и съ подошвы. За каждое исполненіе требованія наѣздника лошадей, наѣздникъ долженъ ее огладить и похвалить.

На недѣлѣ одинъ день—обыкновенно посреди недѣли (среда, или четвергъ)—лошадямъ, не достигшимъ 5-ти-лѣтняго возраста, слѣдуетъ дать отдыхъ, ограничиваться получасовою проводкой. Къ концу недѣли, т.-е. за пять часовыхъ уроковъ, лошадь должна научиться:

1) Спокойно бѣгать не широкою рысью, сбиваясь иногда на галопъ по кругу на кордѣ. У менѣе способныхъ лошадей корда будетъ еще или слишкомъ слаба, или слишкомъ натянута.

2) Подтягиваемая кордою, подходить къ наѣзднику и давать себя гладить.

3) Ходить рядомъ съ человѣкомъ шагомъ, подаваясь впередъ отъ легкаго удара концомъ палочки.

4) Ходить съ поднятою до высоты плечь челоуѣка головою, но еще съ сильнымъ упоромъ на руку.

5) Давать себя гладить по всему тѣлу; позволять поднимать переднія ноги и трогать копыта.

Тѣ лошади, которыя къ концу недѣли не достигнуть чего-либо, и во вторую недѣлю работаютъ приблизительно по росписанію первой.

Глава VI.

Вторая недѣля выѣздки. Продолженіе работы на кордѣ и въ рукахъ.

Вторая недѣля работы лошади является продолженіемъ первой недѣли, но лошади приводятся на работу посѣдланными строевыми сѣдлами: первые три дня работы безъ пахвовъ и нагрудника, съ подобранными кверху стремянами; вторую половицу недѣли со стремянами, опущенными внизъ такъ, чтобы болтались, работа на кордѣ ведется болѣе интенсивно, 5-минутными репризами, въ теченіе 20 минутъ; работа въ рукахъ производится на шагъ и на сокращенной рыси (на троту), съ показомъ лошади правильнаго поворота кругомъ на задъ; лошадь обучается откидывать задъ подъ давленіемъ или ударами палочки. Продолжается все та же «пассивная гимнастика».

Со второй недѣли лошади молодыхъ казаковъ уже должны получать полную дачу фуража: 10 фунтовъ 20 золотниковъ овса, 10 фунтовъ сѣна и подстилку. Распределеніе дачъ должно быть совершенно такое же, какъ указано выше.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ недалеко отъ стоянки полка или сотни есть лѣсопильные заводы и гдѣ можно дешево достать древесныя опилки, очень хорошо, вмѣсто соломы, ставить лошадей на опилки. Лошадь не поѣдаетъ солому и не набиваетъ ею себѣ брюха въ ущербъ мускулатурѣ; смолистый аромать опилокъ дѣлаетъ отличнымъ воздухъ въ конюшнѣ, и въ нихъ не заводится болѣзнетворныхъ микробовъ, какъ то бываетъ въ гниющей соломѣ. Лошадь охотно лежитъ на опилкахъ и менѣе вымазываетъ себѣ шерсть, такъ что чистка становится легче.

Итакъ лошади приведены въ манежъ посѣдланными сѣдлами, съ подпругами, не туго подтянутыми, но однако же такъ, чтобы сѣдло не могло ни слѣзть, ни свалиться на бокъ. Поводья заложены

мать его, поднимаетъ шею, давая головѣ постановку «топорикомъ» отъ посылы палочкой, и лежитъ болѣе мягко на рукѣ—наѣздникъ долженъ ее огладить и голосомъ похвалить ее.

«Трогаясь съ мѣста», говорить наше «Наставленіе» (§ 80), «слѣдуетъ приучать лошадь подаваться впередъ отъ посылы хлыста, не скупясь на ласку, когда лошадь охотно и смѣло идетъ впередъ ровнымъ шагомъ...»

Рука при этомъ должна подавать голову лошади впередъ и вверхъ, давая ей постановку.

Десять минутъ по манежу налѣво. Затѣмъ обучающій командуетъ: «стой!» Наѣздники, подавая лошадь палочкой впередъ, въ то же время принимаютъ руку съ поводьями на себя и, останавливаясь сами, останавливаютъ и лошадей. Какъ только лошадь остановилась, ее слѣдуетъ огладить и освободить ей поводъ.

Послѣ остановки обучающій подаетъ снова команду «шагомъ маршъ» и приказываетъ перемѣнить направленіе. Перейдя въ любомъ направленіи черезъ манежъ, наѣздникъ беретъ лошадь лѣвою рукою подъ уздцы, также раздѣляя поводья указательнымъ пальцемъ, въ правую руку беретъ палочку и ведетъ лошадь по манежу направо, заставляя ее поднимать голову до высоты своего плеча.

Такая работа направо продолжается тоже 10 минутъ. По истеченіи этого времени обучающій командуетъ «стой!» и, когда лошади остановятся, приказываетъ ихъ огладить и отвести отъ стѣнки. Когда лошади будутъ отведены отъ стѣнки, обучающій приказываетъ ласкать ихъ, похлопывать рукою по спинѣ и по крупу, гладить по животу, поднимать сначала переднія, потомъ заднія ноги, поколачивать по копыту, какъ съ боковъ, такъ и съ подошвы. За каждое исполненіе требованія наѣздника лошадей, наѣздникъ долженъ ее огладить и похвалить.

На недѣлѣ одинъ день—обыкновенно посреди недѣли (среда, или четвергъ)—лошадямъ, не достигшимъ 5-ти-лѣтняго возраста, слѣдуетъ дать отдыхъ, ограничиваться получасовою проводкой. Къ концу недѣли, т.-е. за пять часовыхъ уроковъ, лошадь должна научиться:

1) Спокойно бѣгать не широкою рысью, сбиваясь иногда на галопъ по кругу на кордѣ. У менѣе способныхъ лошадей корда будетъ еще или слишкомъ слаба, или слишкомъ натянута.

2) Подтягиваемая кордою, подходит къ наѣзднику и даетъ себя гладить.

3) Ходить рядомъ съ человѣкомъ шагомъ, подаваясь впередъ отъ легкаго удара концомъ палочки.

4) Ходить съ поднятою до высоты плечъ челоуѣка головою, но еще съ сильнымъ упоромъ на руку.

5) Давать себя гладить по всему тѣлу; позволять поднимать переднія ноги и трогать копыта.

Тѣ лошади, которыя къ концу недѣли не достигнуть чего-либо, и во вторую недѣлю работаются приблизительно по расписанію первой.

Глава VI.

Вторая недѣля выѣздки. Продолженіе работы на кордѣ и въ рукахъ.

Вторая недѣля работы лошади является продолженіемъ первой недѣли, но лошади *приводятся на работу посѣдланными строевыми сѣдлами*: первые три дня работы безъ пахвовъ и нагрудника, съ подобранными кверху стременами; вторую половину недѣли со стременами, опущенными внизъ такъ, чтобы болтались, работа на кордѣ ведется болѣе интенсивно, 5-минутными репризами, въ теченіе 20 минутъ; работа въ рукахъ производится на шагъ и на сокращенной рыси (на троту), съ показомъ лошади правильнаго поворота кругомъ на задъ; лошадь обучается откидывать задъ подъ давленіемъ или ударами палочки. Продолжается все та же «пассивная гимнастика».

Со второй недѣли лошади молодыхъ казаковъ уже должны получать полную дачу фуража: 10 фунтовъ 20 золотниковъ овса, 10 фунтовъ сѣна и подстилку. Распредѣленіе дачъ должно быть совершенно такое же, какъ указано выше.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ недалеко отъ стоянки полка или сотни есть лѣсопильные заводы и гдѣ можно дешево достать древесныя опилки, очень хорошо, вмѣсто соломы, ставить лошадей на опилки. Лошадь не поѣдаетъ солому и не набиваетъ ею себѣ брюха въ ущербъ мускулатурѣ; смолистый ароматъ опилокъ дѣлаетъ отличнымъ воздухъ въ конюшнѣ, и въ нихъ не заводится болѣзнетворныхъ микробовъ, какъ то бываетъ въ гниющей соломѣ. Лошадь охотно лежитъ на опилкахъ и менѣе вымазываетъ себѣ шерсть, такъ что чистка становится легче.

Итакъ лошади приведены въ манежъ посѣдланными сѣдлами, съ подпругами, не туго подтянутыми, но однако же такъ, чтобы сѣдло не могло ни слѣзть, ни свалиться на бокъ. Поводья заложены

подъ подбородные ремни, корды пристегнуты, кордовые стоятъ по мѣстамъ, вытравивъ корды, бичевые водятъ лошадей налѣво. «Пускай!...»

Давши лошадямъ, первый разъ увидавшимъ на своей спинѣ сѣдла, покозлить и попрыгать, кордовые приводятъ ихъ къ порядку, подергивая кордою, и настойчиво добиваются, чтобы онѣ бѣжали рысью. Тутъ разговоръ, мягкое подергиваніе корды—все должно быть пущено въ ходъ для того, чтобы лошадь стала на рысь. Какъ только стала на рысь—ласковыя слова, мягкая рука у корды. Лошади очень скоро понимаютъ это и можно съ увѣренностью сказать, что на второй недѣлѣ вся смѣна побѣжить спокойно и увѣренно на мягко натянутой кордѣ.

Теперь нужно начать вымахивать лошадь въ плечахъ.

Эту работу опытный наѣздникъ и смышленный казакъ сдѣлаетъ лучше одинъ, безъ бичевого. При прогонкѣ лошади налѣво, держа конецъ корды въ лѣвой рукѣ, а бичъ въ правой, наѣздникъ ходитъ по маленькому кругу, стараясь, чтобы лѣвая рука была всегда немного впереди рта лошади, какъ бы зовя лошадь кордою впередъ и по кругу, въ правой рукѣ бичъ всегда на готовѣ послать лошадь или отогнать лошадь, если она валится на корду. Какъ только лошадь взяла ровную темпистую рысь, наѣздникъ, слегка посылая ее бичемъ и зовя кордою впередъ, побуждаетъ бѣжать скорѣе и скорѣе, выше поднять голову, дальше бросать ноги. Какъ только лошадь сбилась на наметъ, наѣздникъ слегка подергиваетъ чуть натянутую корду и говоритъ сердито — «рысь, рысь»; едва лошадь станетъ на рысь, онъ ласково оговариваетъ ее. Лошадь скоро запомнитъ не самое слово «рысь», а интонацію гнѣва, сопровождаемую непріятнымъ чувствомъ во рту, и, сбившись на наметъ, будетъ сейчасъ же становиться по первому слову наѣздника на рысь. Начнется та работа плеча и бока, та работа легкихъ, которыя такъ необходимы и полезны молодой лошади.

Пять минутъ рыси налѣво, подтянуть лошадей къ себѣ; пять минутъ направо и снова подтянуть, и опять налѣво и потомъ направо.

По окончаніи прогонки на кордѣ, лошадей подтягиваютъ или зовутъ къ себѣ, отцѣпляютъ корды, опрастываютъ поводья, оставляя стремена подтянутыми, а если (во второй половинѣ недѣли) они болтались, то поднимаютъ ихъ по путлицу наверхъ. Затѣмъ смѣна вытягивается налѣво по манежу.

Когда смѣна вытянется, обучающій приказываетъ поднять лошадямъ головы и, мягко зовя лошадь правой рукой впередъ и впе-

редь, каждый въ тоже время лѣвой рукою посылаетъ палочкою лошадь больше впередь; самому наѣзднику при этомъ нужно идти широкимъ свободнымъ шагомъ такъ, чтобы лошадь, не поспѣвая за человекомъ, побуждаемая палочкой, подобрала бы задъ и, пройдя хотя нѣсколько шаговъ маленькою рысью, стала «на троть». Какъ только она сдѣлала это, ее сейчасъ же нужно огладить, ласково поговорить съ нею и дать пройти нѣсколько шаговъ спокойно, съ опущенною головою. Лошадь пойметъ это сейчасъ же и начнетъ охотно становиться на троть по посылу палочкой и призыву рукою. Однако, работа на сокращенной рыси особенно первое время не должна быть продолжительна—нѣсколько шаговъ и отдыхъ. Потомъ, въ концѣ недѣли, можно проводить сокращенною рысью уже цѣлую стѣнку манежа.

Не слѣдуетъ думать, что сокращенная рысь отучитъ ходить лошадь широкимъ шагомъ, что лошадь, работанная такимъ образомъ, будетъ постоянно на походѣ рысить. Шагъ и сокращенная рысь—движенія настолько различныя, что у правильно работанной лошади шагъ вырабатывается до скорости 7 верстъ въ часъ. Сокращенная рысь заставляетъ лошадь «подобраться», т.-е. поджать задъ подъ передь, напречь свои мускулы, согнуть спину и эта напряженная работа мускулатуры служитъ къ выработкѣ мускуловъ молодой лошади. Это первое значеніе и первая польза отъ движенія лошади сокращенною рысью; далѣе во время движенія лошади сокращенною рысью, когда лошадь подобралась, напружинила задъ, удобнѣе всего работать шею и ротъ лошади и добиваться правильной постановки головы лошади «топорикомъ».

Та рука, которая держитъ поводья у рта лошади, не должна лежать мертво. Она должна вырабатывать тотъ мягкій поводъ, который при ѣздѣ на уздечкѣ составляетъ истинное удовольствіе.

Этой рукѣ должно быть легко, т.-е. лошадь, подаваясь впередь сокращенною рысью, должна мягко ложиться на поводъ. Конечно, этого сразу не будетъ и это, если хотите, самое важное и самое трудное при работѣ въ рукахъ. Если лошадь, посылаемая палочкою сзади, слишкомъ навалилась на руку, слѣдуетъ, мягко натягивая поводъ и сдавая его, заставить лошадь открыть ротъ, а потомъ, чуть она подастся въ затылкѣ, смѣгчить его, сдѣлать упоръ легкимъ и приятнымъ. Какъ только это сдѣлано, нужно лошадь огладить и дать ей свободу, чтобы она поняла, что она хорошо сдѣлала.

Можетъ быть и наоборотъ. Посылаемая впередь палочкой, лошадь пойдетъ впередь, опуститъ голову, отдѣляется отъ повода,

растянется и не возьмет упора удила на беззубый край нижней челюсти, останется, какъ говорится, «за поводомъ». Тогда придется ее нагнать на поводъ, посылая болѣе энергично палочкой, взявши, если нужно, помощника, который шелъ бы сзади съ бичемъ, посылая лошадь подъ заднія ноги.

И опять, какъ только лошадь взяла поводъ, подобралась, смягчила ротъ, не слѣдуетъ скупиться ни на ласку, ни на похвалу голосомъ.

Рис. № 5.

Поворотъ въ рукахъ на заду налѣво кругомъ.

Не нужно думать, что эта работа подобна работѣ лошади въ рукахъ на мундштукѣ. Тамъ выработка затылка лошади, тамъ приходится добиваться сбора лошади, потому тамъ все вниманіе обращено на выработку затылка, на движеніе верхней челюсти лошади, которая, сгибаясь вмѣстѣ съ головою въ затылкѣ, должна сомкнуть ротъ; здѣсь—мягкій поводъ, легкій упоръ на руку и держаніе шеи кверху, а головы слегка опущенной внизъ—цѣль работы въ рукахъ. Потому и выѣздка идетъ скорѣе и самыя приемы ея гораздо проще.

Послѣ десяти минутъ работы по манежу налѣво на сокращенной рыси, маленькими репризами съ частыми отдыхами и похвалою и ласкою лошади за каждую уступку требованіямъ, подается команда: «смына, стой!» Чуть посылая палочкой задъ лошади и

мягко набирая поводъ, наѣздникъ останавливаетъ лошадь. Затѣмъ приступаютъ къ обученію лошадей поворотамъ кругомъ на задѣ.

По командѣ *«нальво кругомъ»*, наѣздники становятся передъ лошадьми, берутъ лошадь подъ уздцы правой рукою, а въ лѣвой держатъ палочку, прикладывая ее къ правой передней лопаткѣ лошади (см. рис. 5).

По командѣ *«маршъ»*, обучаемые переступаютъ, обводя передъ лошади около ея лѣвой задней ноги, побуждая ее подавать передъ легкими ударами палочки по ея правой лопаткѣ такъ, чтобы задъ оставался на мѣстѣ. Конечно, это удастся не сразу. Лошади будутъ отказываться дѣлать это, подниматься на дыбы, кидаться въ сторону, осаживать. Нужно быть настойчивымъ и терпѣливымъ. Если лошадь поднимается на дыбы, нужно сильными цуками, а если нужно и ударомъ бича, поставить ее на землю и продолжать свои требованія; если она кидается въ сторону или осаживаетъ—нужно дать помощника, который бичемъ привелъ бы ее къ повиновенію. И, напротивъ, какъ только лошадь сдѣлала хотя шагъ въ сторону поворота, нужно ее обласкать и огладить. Къ концу недѣли лошади будутъ дѣлать этотъ поворотъ безупречно. Послѣ поворота наѣздники берутъ въ лѣвую руку поводья, а въ правую палочки и, по командѣ *«шагомъ маршъ»*, посылаютъ лошадей впередъ палочкой, зовя ее рукою и поводомъ впередъ. Проведя нѣсколько шаговъ, обучающій приказываетъ ставить лошадей на сокращенную рысь.

Такимъ же образомъ дѣлается поворотъ «направо кругомъ».

Затѣмъ лошадей оглаживаютъ, опять поднимаютъ имъ ноги, заставляютъ стоять спокойно, когда похлопываютъ по сѣдлу, отпуская и поднимаютъ стремяна, а въ концѣ недѣли вставляютъ ногу въ стремя, берутся за гриву и, имѣя первоначально помощника, который держитъ лошадь, все время лаская ее и ласково съ нею разговаривая, приподнимаются на стремяни и снова опускаются на землю. Полезно, чтобы въ то время, когда наѣздникъ приподнялся на стремя, помощникъ подаль бы лошадь на одинъ, два шага впередъ, все время ласково говоря съ нею и оглаживая ее, и далъ бы ей горсть овса.

Въ концѣ второй недѣли выѣздки лошади, въ манежъ приносятся жерди, кладутся на землю и, передъ тѣмъ, какъ вводить лошадей изъ манежа, ихъ переводятъ, ведя на длинномъ свободномъ поводѣ и посылая, если нужно, палочкой черезъ эти жерди, заставляя свободно переступать черезъ нихъ и проходить не торопясь и не пугаясь.

Итакъ, къ концу второй недѣли лошади молодыхъ казаковъ должны быть обучены:

1) Свободно и легко, въ теченіе 20-ти минутъ, по пяти минутъ въ каждую сторону, бѣгать рысью на кордѣ. Рысь должна быть плавная, широкая, съ широко бросаемою ногою, поднятою головою и отдѣленнымъ хвостомъ.

2) Ходить легко со всадникомъ, какъ шагомъ, такъ и сокращенною рысью, мягко принимая поводъ и легко подаваясь впередъ отъ палочки.

3) Дѣлать въ рукахъ повороты на заду налѣво и направо кругомъ.

4) Позволять сѣдлать себя и мягко приподниматься на стременахъ и опускаться.

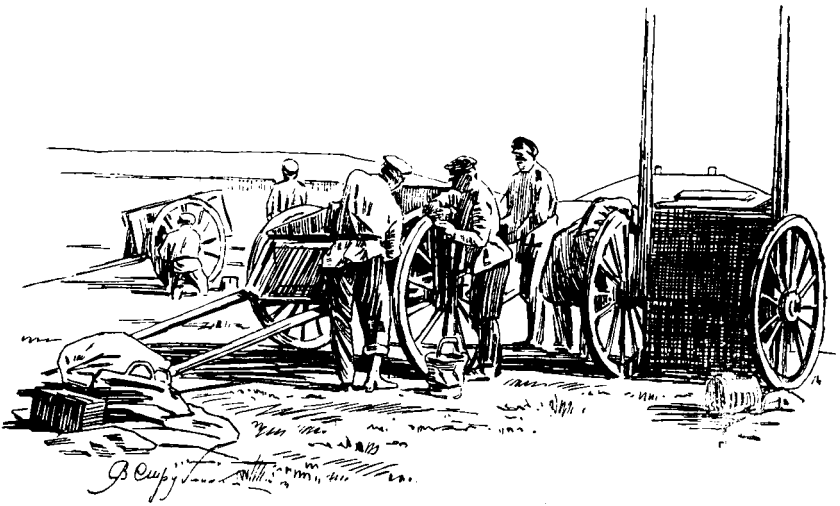
5) Смѣло переходить и перебѣгать рысью черезъ положенныя на землю по различнымъ направленіямъ жерди.

Если все это достигнуто и идетъ гладко, можно приступить къ дальнѣйшему обученію.

П. Красновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспитаніе война можетъ быть только въ стыдѣ наказанія, а не въ страхѣ наказанія.

Если бы я вдругъ увидѣлъ на Невскомъ проспектѣ разгуливающихъ ихтиозавровъ, плезиозавровъ, динозавровъ и т. п. допотопныхъ, то не былъ бы больше удивленъ, чѣмъ теперъ, когда я прочелъ увѣреніе г-на В. Н—аго въ № 104 «Русскаго Инвалида»—будто армія охраняется отъ злой воли преступниковъ *страхомъ* наказаній по уставу дисциплинарному и книгѣ XXII, и что будто законодатель, «заставляя бояться (?) наказаній дисциплинарныхъ, не говоря уже о XXII кн. Св. В. П.», именно имѣлъ въ виду этимъ страхомъ наказаній (замѣтите: даже дисциплинарныхъ) воспитать армію, спаять ее и охранить ее; будто законодатель, устанавливая наказанія дисциплинарныя («не говоря уже о XXII кн.»), и не могъ имѣть ничего иного въ виду, кромѣ этого—*заставить бояться*».

Авторъ, видите ли, въ ужасѣ отъ высказываемыхъ мною взглядовъ, что страхъ есть опаснѣйшая болѣзнь духа и что воспитаніе въ страхѣ—есть явное и величайшее заблужденіе, сознанный

ное и за границей и у насъ, и обществомъ и законодателями, еще въ вѣкъ Екатерины II, что и было выражено официально.

II г. Н—ій страшно тревожится: «Становясь на точку такого воспитателя духа» (это меня, значитъ), «невольнo напрашивается вопросъ ужасный (по въ чемъ ужасъ-то?) для всего уклада военной жизни: нуженъ ли въ арміи страхъ наказанія?... Мрачныя недоразумѣнія! *Армія не должна знать никакого страха!* (совершенно вѣрно, иначе это будетъ не армія). «*Страхъ*», по А. Дмитревскому, *опаснѣйшая бользнь для здороваго духа челоуька вообще, въ особенности для воина...*»

Увы! когда я на Невскомъ люблю культурными видами, мнѣ не только «невольнo», а и насильно не «напросится» вопросъ, да еще будто бы ужасный для уклада жизни—можно ли на Невскомъ обойтись безъ ихтиозавровъ, плезиозавровъ, динозавровъ...

Когда я смотрю на современное воспитаніе дѣтей (у умственно развитыхъ родителей) безъ страха розги при обученіи грамотѣ; когда я вообще всматриваюсь въ жизнь, всматриваюсь въ результаты воспитанія въ страхѣ или, наоборотъ, въ результаты воспитанія въ чувствѣ долга и въ возбужденіи интереса и приохочиваніи; когда я *даже въ учебникахъ законовѣдѣнія для подпрапорщиковъ* читаю¹⁾, что «*въ настоящее время въ карательной дѣятельности государства особенно сильно выдвигается цѣль исправленія...*» [причемъ необходимо оговориться, что можно признавать цѣлесообразность или даже необходимость кары (наказанія) въ воспитательномъ отношеніи, но не признавать цѣлесообразности или тѣмъ болѣе необходимости *страха* кары (наказанія)]: я убѣждаюсь, что мы учимъ, чтобы тотъ, кто провинился—пусть отбудетъ безстрашно наказаніе и, убѣдившись въ подчеркнутомъ наказаніемъ (часто условномъ—замѣчаніе и т. п.) промахѣ, проступкѣ, постарается не повторять того же самаго. Верхъ всѣхъ уголовныхъ наказаній—тоже по учебникамъ для подпрапорщиковъ²⁾—съ одной стороны, устрашеніе преступниковъ (но не воспитываемыхъ въ арміи), но, съ другой, тамъ же оговаривается, что «опытъ показываетъ, что при частомъ примѣненіи смертной казни преступленія не уменьшаются, а, напротивъ, учащаются...», что «благодаря наказаніямъ, хотя на время (при смертной казни совсѣмъ), изъ общества удаляются вредныя личности» (въ этомъ или въ исправленіи преступниковъ и заключается главный смыслъ и цѣль наказаній, а

¹⁾ Добровольскаго, изд. 1905 г.

²⁾ Вишнякова, изд. 1908 г.

вовсе не въ «устрашеніи») ... Когда я слышу кругомъ: надо служить «не за страхъ, а за совѣсть (чувство долга)» и въ особенности, когда я вспоминаю историческій афоризмъ Екатерины Великой, что «природа дала человѣку стыдъ вмѣсто бича», и принимаю при этомъ во вниманіе, что современная наша армія составляется не изъ преступниковъ и что, напротивъ, послѣдніе выбрасываются моментально изъ арміи, то мнѣ этотъ вопросъ «ужасный для всего уклада военной службы» — о необходимости воспитанія арміи въ *страхъ наказаній*, вмѣсто воспитанія въ *стыдъ* наказаній (относится къ совѣсти, къ чувству долга), представляется допотопнымъ плезиозавромъ на Невскомъ проспектѣ.

«Мрачное недоразумѣніе» не въ томъ, что страхъ есть опаснѣйшая болѣзнь духа и воспитаніе въ страхѣ есть душегубство всей арміи и отечества, а въ томъ, что въ XX вѣкѣ забываютъ или не хотятъ принять простыхъ и ясныхъ истинъ, высказанныхъ болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ нашей Великой Императрицей Екатериной II, которая всѣми своими дѣлами подтверждала, что не страхомъ наказаній, а чѣмъ-то другимъ, держатся и укрѣпляются основы арміи и даже государства.

«Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми», сказала она.

А г. Н—ій въ 1913 году фанатически увѣряетъ (притомъ иронизируя надъ моей темнотой), что нашу армію отъ преступленій охраняетъ *страхъ наказаній*... Слѣдовательно, по логикѣ г-на Н—аго, чѣмъ мы въ большемъ страхѣ наказаній воспитаемъ свою армію, чѣмъ строже будутъ наказанія по уст. дисц. и кн. ХХII, тѣмъ больше охранимъ армію «отъ злой воли преступниковъ, тѣмъ выше будетъ ея нравственный элементъ»...

* *
* *

Не надо быть психологомъ, чтобы понять, что сторонники воспитанія въ страхѣ, сторонники увеличенія строгости наказанія (увеличенія дисциплинарныхъ правъ), оказывающіеся въ концѣ концовъ сторонниками розги, смѣшиваютъ: *воспитаніе въ страхѣ наказанія съ воспитаніемъ въ стыдъ наказанія*.

Исторія жизни, какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ народовъ всего міра, показываетъ, что, какъ сказала Екатерина Вели-

кая, человѣку природа дала стыдъ, вмѣсто бича, а потому и управлять человѣкомъ и воспитывать его надо съ помощью стыда; бичъ же надо оставить для животныхъ (у которыхъ, какъ извѣстно, чувства стыда совершенно не имѣется) или для людей на самой низшей ступени развитія, явно обнаруживающихъ отсутствіе чувства стыда.

Стоитъ только оглянуться на окружающую жизнь, вспомнить свои кадетскіе и училищные годы, вспомнить рассказы Помяловскаго о бурсѣ и т. п. рассказы, чтобы уяснить себѣ ту простую аксіому воспитанія, *что если наказаній не стыдятся, то ихъ и не боятся.*

Въ бурсѣ уродливое направленіе воспитанія привело къ тому, что *стыдили* не за то, что бурсаки доводили себя до наказанія розгами, а именно за то, если кто боялся наказанія, т.-е. за «страхъ» наказанія, за «страхъ» сѣченія розгами... И мы знаемъ, что тамъ страхъ наказанія розгами — не дѣйствовалъ, не былъ нуженъ.

Въ прежнихъ военныхъ гимназіяхъ, въ кадетскихъ корпусахъ, именно для того, чтобы доказать свою безбоязненность передъ наказаніемъ, нѣкоторые, рискуя даже своимъ будущимъ, добивались наказанія.

Чрезвычайно поучительнымъ кажется мнѣ фактъ въ одной изъ существовавшихъ раньше военныхъ прогимназій. Какъ въ бурсѣ, всякіе проступки, шалости и пакости противъ своего начальства, воровство даже, считались молодечествомъ, удалствомъ, лихостью. Но вотъ пріѣхалъ новый директоръ съ просвѣщенными взглядами на воспитаніе (именно въ духѣ стыда, вмѣсто бича). Послѣ первой же обнаруженной кражи (вина и сметаны изъ погреба одного изъ воспитателей), директоръ приказалъ построить всю прогимназію и вызвалъ виновниковъ. Гордые своей «преступностью» и аффектируя свое презрѣніе къ предстоящему сѣченію розгами—смѣло, даже вызывающе дерзко, съ напускной веселостью, подошли къ директору мнившіе себя «Стеньками-Разиными» жалкіе мальчуганы. Всѣ ожидаютъ розогъ, воды соленой и прочихъ атрибутовъ... Нѣкоторые даже завидуютъ тѣмъ, которыхъ будутъ сѣчь, такъ какъ, если мальчики не пикнутъ при сѣченіи, то, какъ послѣ удара по спинѣ мечомъ, они этимъ были бы какъ бы посвящены въ герои, въ «безстрашные», и стали бы предметомъ почтенія для всѣхъ.

Но, увы, директоръ не далъ свершиться подвигу презрѣнія къ розгѣ («къ страху наказанія»).

«И не стыдно вамъ, сыновьямъ честныхъ офицеровъ, уподобляться презрѣннымъ воришкамъ?» обратился онъ къ виновникамъ со смѣшаннымъ чувствомъ жалости къ мальчикамъ и гадливости къ совершенному. «Такъ вотъ вамъ, не для боли, а для стыда передъ всѣми товарищами» — и директоръ влѣпилъ каждому по пощечинѣ... Дальше ни розогъ, ни ареста не было; сбавили лишь баллы за поведеніе. Но вся прогимназія ясно сознала, что герои сегодняшняго дня далеко не герои и что воровство далеко не подвигъ и не молодечество, а нѣчто такое, чего надо стыдиться и на что «хорошіе» люди смотрять съ отвращеніемъ, съ гадливостью.

Кто не слышалъ про прежнюю поговорку: «кто не сидѣлъ подъ арестомъ, тотъ не офицеръ». И пока не восторжествуетъ сознание постыдности лишенія офицера свободы, подобно лишенію свободы вредящихъ обществу, т.-е. пока не создается ошибка воспитанія корпуса офицеровъ въ страхѣ наказанія, а не въ стыдѣ его, — арестъ, какъ наказаніе, будетъ не только не дѣйствительнымъ, но и подрывающимъ понятія о нравственности и въ особенности о долгѣ; онъ не будетъ считаться постыднымъ.

Очевидно, «виды», «замѣчанія», «выговоры» установлены законодателемъ не для «страха наказанія», не для устрашенія испытанныхъ рыцарей безъ страха (и упрека), офицеровъ, а только для «усовѣщанія» (чтобы пристыдить хоть въ легкой степени).

Очевидно также, что если бы «страхъ наказанія» удерживалъ «злую волю» отъ казнокрадства и тому подобныхъ прелестей, то — или бы онъ удержалъ всѣхъ отъ казнокрадства и т. п., или никого, въ зависимости именно отъ достаточной или недостаточной силы этого страха наказанія. И какъ выводъ изъ этого долженъ былъ бы получиться абсурдъ, что *чѣмъ кто трусливѣе, чѣмъ кто больше боится наказаній, тѣмъ онъ надежнѣе на стезь гражданской и воинской добродѣтели и доблести* и, наоборотъ, *чѣмъ кто неустрашимѣе, тѣмъ онъ ненадежнѣе и подозрительнѣе, на счетъ присутствія въ немъ «злой воли»*. А отсюда и слѣдующій выводъ — что государству для внутренняго спокойствія отъ «проявленія злой воли» слѣдуетъ воспитывать и *у воиновъ не храбрость и неустрашимость, а страхъ передъ наказаніемъ*, заключающимся однако въ такихъ лишеніяхъ или въ такомъ причиненіи боли (сѣченіе розгами), которыхъ воину *стыдно* бояться.

Ясно, что казнокрадство прекратится тогда, когда всѣ проникнутся сознаніемъ постыдности для чести и достоинства война

и гражданина подобнаго дѣянiя. Этого сознанiя раньше не было; напротивъ, говорили открыто, съ убѣжденiемъ: «вовсе не грѣхъ нагрѣть казну; вѣдь казна у насъ всегда норовитъ что-нибудь урвать»...

И никакiя ревизiи и никакiя наказанiя не искореняютъ казнокрадства, пока соотвѣтствующее воспитанiе въ понятiяхъ о крайней постыдности подобнаго дѣянiя не исключитъ возможности какихъ либо компромиссовъ, какъ съ собственною совѣстью, такъ и съ мнѣнiемъ общества.

Вѣдь взглядитесь въ жизнь: вы увидите, что совѣмъ не важно — какое наказанiе понесетъ судимый; важно только признанiе его виновнымъ или невиновнымъ, т.-е. важенъ приговоръ общественной совѣсти. Въ этомъ сила и влiанiе и огромное значенiе условнаго осужденiя.

«Экспроприацiи» совершались вовсе не потому, что исчезъ страхъ наказанiя за разбой и грабежъ, а потому, что «экспроприацiи» перестали стыдиться многiя слабыя души, увлеченныя безумными ученiями о равномѣрномъ распредѣленiи богатства.

Точно также не отсутствiе наказанiя за соблазнъ жены или сестры товарища явилось причиною практикующейся готтентотской морали: «я соблазнилъ или укралъ чужую жену—хорошо, благо; у меня соблазнили или украли мою жену—плохо, зло», — а отсутствiе сознанiя постыдности донъ-жуанства, вслѣдствiе воспитанiя во взглядахъ, «что побѣды надъ женщинами—славны»...

Мордобойство всегда преслѣдовалось, какъ уголовное преступленiе по кн. XX-й, но стало исчезать только тогда, когда прониклись постыдностью и позоромъ мордобитiя.

Практика военной службы не только показываетъ, но все время подчеркиваетъ, что всѣ воинскiе чины удерживаются отъ проступковъ и преступленiй не «страхомъ наказанiя», а *мучительнымъ сознанiемъ, что совершенiе того или другаго проступка или преступленiя унижаетъ его въ глазахъ общества, начальства, т.-е. — стыдомъ.* Вотъ почему проступки и преступленiя уменьшаются и люди исправляются не тамъ, гдѣ преобладаетъ безразсудная строгость и внушенное тупое убѣжденiе, что наказанiя за проступки и преступленiя на военной службѣ установлены именно для страха, «для поддержанiя этой службы», «для дисциплины» или же, наоборотъ, какъ будто для закалки, — а тамъ, гдѣ основательно внушается, что несовершенiе того, *что должно*, что требуется отъ воина во имя пользы и интереса Царя и Отечества, есть стыдъ и

позоръ для сына Царя и Отечества, и что наказаніе только подчеркиваетъ несоотвѣтствіе такихъ то проступковъ и преступленій съ званіемъ защитника Царя и Отечества.

Пока приговаривалось: «пьянь да умень—два угодыя въ немъ» и что «Руси веселіе есть пити»—никакіе страхи наказанія не въ состояніи были удержать отъ желанія «выпить на копѣйку, а показать на рубль». Но вотъ когда, напримѣръ, въ Манчжуріи въ пьяницу плюютъ всѣ прохожіе китайцы, около него собирается толпа и начинаетъ поносить его, внушая стыдъ и отвращеніе у дѣтей къ подобному состоянію опьяненія, то, конечно, только тотъ будетъ напиваться, кто уже потерялъ стыдъ, совѣсть. т.-е. то, что отличаетъ его отъ животныхъ.

* * *

Не для того, чтобы подчеркнуть ошибку оппонентовъ, я не пропускаю даннаго случая смѣшенія однихъ явленій души съ другими, благодаря пренебреженію къ выводамъ науки о душѣ (психологіи); дѣлаю это только въ виду того, что подобное смѣшеніе является пагубнымъ и даже роковымъ при воспитаніи арміи и всего государства. Такъ, благодаря смѣшенію личнаго самолюбія, честолюбія, славолюбія съ чувствомъ чести и достоинства, стали воспитывать въ самолюбіи, честолюбіи, славолюбіи и послѣ удивляются «игрѣ самолюбіи, честолюбіи, славолюбіи» часто въ ущербъ именно чести и чувству собственнаго моральнаго и интеллектуальнаго достоинства.

Теперь пытаются страхъ наказанія смѣшать со стыдомъ наказанія, и... можно только представить себѣ будущихъ рыцарей *безъ страха* и упрека, воспитанныхъ именно *въ страхъ* (да еще только наказанія), «злую волю» которыхъ будетъ удерживать не совѣсть, не чувство долга, не чувство воинской чести, а именно этотъ вотный страхъ наказанія.

Считаю своимъ долгомъ отмѣтить чрезвычайную путаницу понятій въ выраженіяхъ г. Н—аго, въ родѣ слѣдующаго: «Да развѣ страхъ смерти самый ужасный страхъ? Не ужаснѣ ли для военнаго страхъ (?) оказаться не храбрымъ?»... Выходитъ такъ: не ужаснѣ ли (высшая степень страха) для военнаго страхъ—почувствовать въ себѣ страхъ?.. Явно, что г. Н—ій хотѣлъ сказать такъ: «не ужаснѣ ли страха смерти стыдъ для военнаго быть не хра-

брымъ, т.-е. стыдъ не преодолѣть въ себѣ чувство страха той же смерти (такъ какъ храбрость и есть преодолѣніе чувства страха, что для военнаго обязательно, а не только возможно).

Слѣдующія соображенія и опредѣленія страха и стыда легко покажутъ смѣшеніе этихъ понятій.

Какъ я не могу себѣ представить плезіозавра на Невскомъ, такъ я не могу представить себѣ, чтобы ктонибудь не зналъ— что такое страхъ и какъ онъ дѣйствуетъ на организмъ. Но приходится повторяться. Страхъ есть *ожиданіе* зла, бѣды, непріятности, боли и т. п. Отсюда понятно—почему «страхъ оказаться не храрымъ», т.-е. ожиданіе для себя возможности оказаться не храрымъ есть уже самовнушеніе, есть уже осуществленіе этой возможности, а потому ясно, что при воспитаніи воина этого допускать не слѣдуетъ. И всѣмъ извѣстно, что во всѣхъ атлетическихъ упражненіяхъ, въ лѣченіи болѣзни, успѣхъ достигается исключительно при условіи преодолѣнія страха. Кто не зналъ на службѣ великолѣпно физически развитыхъ евреевъ, которые однако никакъ не могли выучиться прыгать черезъ кобылу и дѣлать другія гимнастическія упражненія, по неумѣнію справиться съ чувствомъ страха. Всѣмъ также извѣстно, что страхъ болѣзни (мнительность) внушаетъ болѣзнь.

Кто занимался самовоспитаніемъ, воспитаніемъ другихъ и отдавалъ себѣ отчетъ въ самовнушеніи и внушеніи, тотъ знаетъ, что малѣйшее допущеніе страха грозитъ неисполненіемъ своего желанія, стремленія къ чему бы то ни было, по той простой причинѣ, что страхъ есть не только неувѣренность въ своихъ силахъ, а прямой собственный приговоръ своей слабости или невозможности борьбы. Вѣдь ясно, что, если я *боюсь* съ кѣмънибудь бороться, то признаю себя слабѣе и приговариваю себя къ пораженію. Притомъ страхъ парализуетъ волю и потому разрастается въ преобладающее (доминирующее) чувство; допущенный въ одномъ случаѣ онъ окажется непреодолимымъ и въ другихъ случаяхъ. Вотъ почему прежде воспитывали воиновъ такъ, чтобы они «лѣзли на рога самому чорту». И это правильно, потому что какой бы то ни было страхъ дѣлаетъ постепенно человѣка боязливымъ и во всемъ остальномъ со всѣми признаками и послѣдствіями этого низшаго чувства. А что можетъ быть парадоксальнѣе выраженія: «боязливый воинъ» или «воинъ со страхомъ».

Надо имѣть въ виду, что, *съ развитіемъ интеллекта, «страхи все болѣе и болѣе разсѣиваются и пропадаютъ (страхъ тем-*

ноты, чудовищъ, суетьрныя страхи и т. п.), уступая мѣсто въ случаѣ основательности страха—осторожности, опасенію.

Въ противоположность страху, стыдъ представляетъ собою сложное душевное состояніе, свойственное только людямъ, и обозначаетъ собою начало высшей жизни ³). «Чувство стыда поднялось до высоты чувства совѣсти» ⁴); опредѣляется стыдъ, какъ «мучительное сознаніе, что наши физическіе или нравственные недостатки видны другимъ» ⁵)... Чувство стыда начинается съ понятіемъ о наготѣ, а затѣмъ «постепенно поднимается на высоту цѣломудрія, чистоты, чувства чести, благородства души и сознанія нравственного достоинства» ⁶).

Именно это и приличествуетъ воину, а потому въ воспитаніи воина надо развивать чувство долга (совѣсть), чести, достоинства и неизбѣжный съ ними стыдъ, а никакъ не страхъ и не самолюбіе, честолюбіе и т. п., характеризующіе низшую ступень нравственного и интеллектуальнаго развитія.

Вообще надо воспитывать не въ страхѣ наказанія, а въ стыдѣ наказанія. Наказаніемъ—подчеркивать постыдность того или другаго дѣянія, подчеркивать несовмѣстимость его съ воинскимъ званіемъ, но только не устрашать, такъ какъ *устрашенный* пушашной непріятностью воиновъ очевидно уже не воинъ: онъ естественно будетъ тѣмъ больше устрашаться, чѣмъ больше будетъ опасность.

Воина безъ страха и упрека можно воспитать только по системѣ: «то и то *надо*, т.-е. должно, исполнить, или того-то и того-то *надо*, т.-е. должно, достигнуть, а если не будетъ исполнено или достигнуто, то будетъ тебѣ непріятно, совѣстно, стыдно, будетъ *упрекъ* совѣсти».

Безсмертное слово Святослава: «мертвые бо *сраму* не имуть»—характеризуетъ воспитаніе его воиновъ въ презрѣніи къ страху смерти и въ развитіи чувства «стыда» («срама»).

Не имѣю возможности остановиться на всемъ томъ, что меня поражаетъ въ статьѣ г. Н—аго, но невозможно пропустить его заявленія, что «у святыхъ воиновъ первымъ была молитва, а вторымъ дѣло»..., а также неумѣстнаго примѣра... религіозности своего дѣда.

Какъ это г. Н—ій не принялъ во вниманія щекотливости подобныхъ доказательствъ (примѣрами близкихъ себѣ людей или лицъ, священной памяти для себя) въ полемикѣ. Вѣдь въ томъ, что въ любимомъ лицѣ кажется верхомъ правды, истины, «религіозности», дру-

³), ⁴), ⁵) и ⁶) Проф. Сикорскій.

гіе могутъ увидѣть верхъ несправедливости и суевѣрія... Г. П—ій характеризуетъ привычку дѣда крестить ротъ, когда онъ зѣвалъ, «мелочной религіозностью»... Какъ ни щекотливъ отвѣтъ, но я беру смѣлость увѣрить г. Н—аго, что не только всякій человѣкъ ХХ вѣка, но и просвѣщенный священникъ найдетъ это не «религіозностью», а—суевѣрною привычкою, хотя подобно г. Н—му, отнесется къ этой привычкѣнисходительно и даже, можетъ быть, поощрительно.

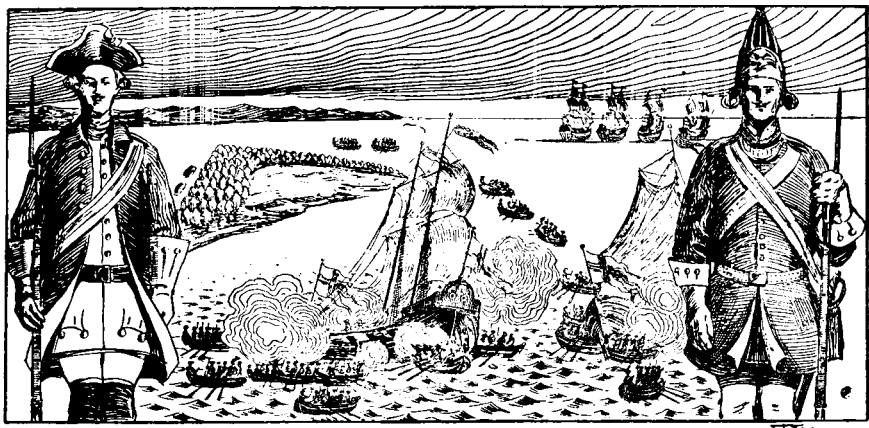
Наконецъ, относительно защиты г. Н—имъ мнѣнія г. Гр. А. Д., что ребенокъ отъ чудовищъ, волковъ и т. п. ищетъ опасенія въ Богѣ, въ молитвѣ, я ограничусь нѣсколькими словами, сдѣлавъ прежде всего заявленіе, что я, навѣрно, еще большій поклонникъ таланта г. Гр. А. Д., чѣмъ г. Н—ій, но я помню и афоризмъ какого-то мудреца или многихъ мудрецовъ, что *геніальное или талантливое еще не есть истина*, такъ какъ можно геніально или талантливо ошибаться, заблуждаться, даже злодѣйствовать.

И какъ ни талантливо и красиво доказываетъ Гр. А. Д. необходимость воспитанія воиновъ въ защитѣ—прибѣганіемъ къ Богу, къ молитвѣ, а г. Н—ій то, что «у святыхъ воиновъ первымъ была молитва, а вторымъ дѣло,—я, твердо усвоившій наставленіе Спасителя-Христа о краткости моленія и о «Божіе—Богови, а Кесарево—Кесареви», не могу представить себѣ воина—тигра, ищущаго при оскорбленіи отечества или одного только ближняго, спасенія у Бога, въ молитвѣ. Не знаю изъ всей исторіи ни одного святого воина, у котораго бы первыми была молитва, а вторымъ дѣло. Не понимаю такого воина вообще, который бы, видя, какъ внѣшніе или внутренніе враги обижаютъ женщинъ или слабыхъ, первымъ сдѣлалъ бы молитву, а вторымъ—дѣло, т.-е. не обнажилъ бы сразу оружіе...

А потому не понимаю для воина и иного воспитанія, кромѣ того, чтобы первымъ рефлексомъ воина было хватаніе за эфесъ клинка, а затѣмъ уже испрошеніе у Бога благословенія на брань за правое дѣло. Такъ (исторія вся говоритъ) дѣлали «святые воины».

А. Дмитревскій.

Шведскіе boy-scout'ы.

Вриводимый ниже уставъ общества шведскихъ boy-scout'овъ является, какъ въ цѣломъ, такъ и въ деталяхъ, чрезвычайно интереснымъ, не только съ точки зрѣнія приѣмовъ моральнаго и физическаго воспитанія подрастающаго поколѣнія, но и со стороны практической близости всей организаци къ дѣлу подготовки населенія къ оборонѣ страны. Ни для кого не секретъ, что Швеція, содержащая въ мирное время небольшую армію полумилиціоннаго характера, въ настоящее время покрыта цѣлой сѣтью организацій, имѣющихъ прямое отношеніе къ вооруженнымъ силамъ страны. Широкое развитіе стрѣлковыхъ обществъ и цѣлый рядъ другихъ организацій, подъ разными названіями, внимательное къ нимъ отношеніе и широкое содѣйствіе со стороны правительства, любовное сочувствіе со стороны общества и народа — показываютъ, что Швеція, какъ въ лицѣ своего правительства, такъ и въ лицѣ всего общества, серьезно смотритъ на вопросъ о подготовкѣ населенія къ войнѣ. Къ организаціямъ такого же ха-

рактера, преслѣдующимъ, несомнѣнно, цѣли военной подготовки, нужно причислить и возникшее въ 1912 году «Общество шведскихъ boy-scout'овъ». Это—первое звено во всей системѣ, продуманной отъ начала до конца, вдохновляемой, несомнѣнно, единой волей, единой мыслью,—системѣ, которая дастъ странѣ морально и физически здоровыхъ молодыхъ людей, знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ настолько, что, влитые хотя бы въ слабые кадры, они окажутся исполнѣ на высотѣ современныхъ требованій.

Я далекъ отъ мысли навязывать руководителямъ нашихъ потѣшныхъ организацій всѣ тѣ положенія, которыя, будучи, можетъ быть, жизненными для шведскихъ юношей, могли бы оказаться совершенно непригодными для нашихъ «потѣшныхъ», но надъ многими руководящими началами и общими положеніями устава общества шведскихъ boy-scout'овъ намъ полезно задуматься. Въ послѣдніе годы развитіе потѣшныхъ организацій у насъ приняло значительные размѣры, и мысль о милитаризаціи школы и населенія, какъ будто, находить сочувствіе въ широкихъ кругахъ общества. Нашей великой родинѣ больше, чѣмъ кому бы то ни было, необходима подготовка населенія къ военному дѣлу, подготовка не только моральная и физическая, но и специальная—военная. Нельзя закрывать глаза на грозное явленіе развивающагося у насъ хулиганства, на отсутствіе въ значительной массѣ контингента будущихъ защитниковъ родины твердыхъ нравственныхъ началъ; отсюда—повелительная необходимость воспитывать эти начала съ юнаго возраста, вмѣстѣ съ культомъ любви и преданности своему Государю и родной странѣ. На ряду съ этимъ и практическая подготовка къ военному дѣлу, столь осложнившемуся въ послѣднее время, необходима чуть не съ первыхъ шаговъ сознательной жизни человѣка. Будущія войны, несомнѣнно, будутъ вестись не арміями только, но народами, въ широкомъ смыслѣ слова, для которыхъ въ минуту опасности существующія арміи явятся лишь слабыми кадрами, и лишь тотъ народъ будетъ бодро смотрѣть на свое будущее историческое существованіе, въ средѣ котораго окажутся привитыми наиболѣе полно и военныя знанія и военное воспитаніе.

Вотъ съ этой точки зрѣнія, руководителямъ нашихъ потѣшныхъ организацій и необходимо оцѣнить существующее положеніе вещей и чистосердечно отвѣтить на важный вопросъ: на вѣрномъ ли пути стоимъ мы въ дѣлѣ подготовки нашихъ «потѣшныхъ»?

И. В.

Уставъ общества шведскихъ boy-scout'овъ.

§ 1.

Задачи общества. Общество имѣеть цѣлью содѣйствовать моральному и физическому воспитанію шведскихъ юношей, путемъ подготовки изъ нихъ «юныхъ развѣдчиковъ».

§ 2.

Девизъ общества. Девизъ общества—«будьте готовы».

§ 3.

Руководящія начала. Общество въ выполненіи своей задачи руководствуется слѣдующими началами:

1) «Развѣдчикъ» говоритъ всегда правду и всегда вѣренъ своему слову.

2) «Развѣдчикъ» всегда помнитъ свой долгъ по отношенію къ Богу и родной странѣ.

3) «Развѣдчикъ» всегда охотно слушается своихъ родныхъ, наставниковъ и старшихъ.

4) «Развѣдчикъ» долженъ быть всегда привѣтливомъ, предупредительномъ, благопристойномъ, готовомъ всегда помочь другимъ, особенно слабымъ.

5) «Развѣдчикъ»—хорошій товарищъ и другъ съ другимъ «развѣдчикомъ», къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ.

6) «Развѣдчикъ» долженъ быть другомъ животныхъ.

7) Въ своей работѣ «развѣдчикъ» долженъ быть дѣятельнымъ и добросовѣстнымъ; всегда въ добромъ расположеніи духа, если даже ему приходится преодолѣвать какія-либо препятствія и затрудненія.

8) Образъ жизни «развѣдчика»—простой, правильный и опрятный; онъ не употребляетъ клятвенныхъ словъ, бранныхъ и грязныхъ выраженій.

9) «Развѣдчикъ» долженъ быть бережливымъ, дабы имѣть возможность, какъ пріобрѣтать все необходимое для себя, такъ и помогать другимъ.

10) «Развѣдчикъ» исполняетъ свой долгъ, не думая о наградѣ.

§ 4.

Испытанія. Чтобы имѣть право подвергнуться испытаніямъ на различные классы юныхъ развѣдчиковъ, необходимо, прежде всего, проявить себя со стороны безупречнаго поведенія и послушанія установленнымъ правиламъ.

Испытанія для «развѣдчиковъ» III, II и I класса устанавливаются слѣдующія:

III классъ юныхъ развѣдчиковъ. Чтобы приобрѣсти право на званіе развѣдчика III класса требуется:

1) По крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ принимать участіе въ занятіяхъ отдѣленія или патруля — не менѣе 4 разъ.

2) Уяснить себѣ въ достаточной мѣрѣ значеніе девиза «развѣдчиковъ», значеніе закона, обѣщаній или напоминаній, значеніе примѣтъ, знаковъ.

3) Знать шведскій національный флагъ, а также правильные способы подъема его.

4) Умѣть вязать: морской узелъ, петлю, двойной узелъ.

II классъ. Чтобы приобрѣсти право на званіе развѣдчика II класса требуется не менѣе мѣсяца работы въ качествѣ развѣдчика III класса и затѣмъ уже подвергнуться слѣдующему испытанію:

1) Умѣть перевязывать поверхностную рану и останавливать кровотеченіе, устроить носилки, поднять и перенести больного.

2) Умѣть плавать безъ отдыха на разстояніи 50 метровъ.

3) Умѣть пройти разстояніе въ 1.500 метровъ шагомъ «развѣдчика» въ 10 минутъ.

4) Умѣть приготовить въ полѣ два изъ слѣдующихъ блюдъ: вареный картофель, яйца, жареное мясо, кашу, кашицу и шоколадъ.

5) Умѣть штопать чулки, починять одежду, пришивать пуговицы.

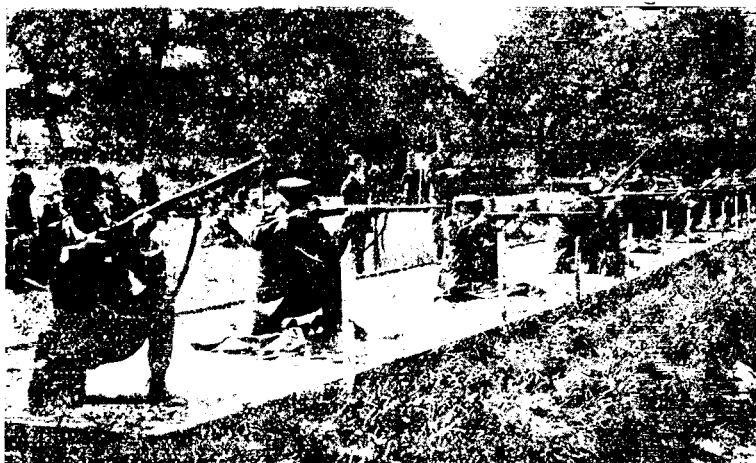
6) Умѣть передавать депеши и разбирать передаваемое посредствомъ семафорной сигнализаціи.

7) Умѣть ходить по слѣдамъ на разстояніи 1.200 метровъ въ 30 минутъ и проходить разстояніе въ 500 метровъ, отдавая себѣ ясный отчетъ въ сдѣланныхъ наблюденіяхъ.

8) Знать наиболѣе употребительные условные знаки по картѣ

$\frac{1}{100.000}$ или $\frac{1}{200.000}$, также важнѣйшія 16 направленій по компасу.

9) Имѣть по сберегательной книжкѣ не менѣе одной кроны, заработанной собственнымъ трудомъ.

Стрѣльба стрѣлковыхъ обществъ.

Выдача королеми призовъ за стрѣльбу стрѣлковымъ обществамъ.

I классъ. Чтобы пріобрѣсти право на званіе «развѣдчика» I класса, требуется пребыть въ званіи «развѣдчика» II класса не менѣе 6 мѣсяцевъ и затѣмъ выдержать слѣдующее испытаніе:

1) Умѣть перевязать болѣе или менѣе глубокую рану, наложить поддерживающую повязку, ухаживать за впавшимъ въ обморочное состояніе, описать и показать способы оживленія утопленника, спасенія при пожарѣ, утопающихъ, при отравленіи угаромъ, при ознобленіи; имѣть представленіе о простѣйшихъ способахъ предохраненія отъ заразы при эпидемическихъ заболѣваніяхъ.

2) Умѣть проплыть безъ отдыха разстояніе въ 50 метровъ въ одеждѣ и 200 метровъ безъ одежды.

3) Умѣть пройти пѣшкомъ или на лыжахъ разстояніе въ 5 километровъ и обратно въ теченіе не болѣе 2¹/₂ часовъ и, черезъ два дня послѣ этого, подѣ контролемъ, записать свои наблюденія.

4) Умѣть приготовить два изъ слѣдующихъ блюдъ: жареную или вареную рыбу, мясныя котлеты, голубцы, фруктовъ супъ, хлѣбъ.

5) Умѣть передавать и разбирать депеши, передаваемые семафорной сигнализацией, со средней скоростью 35 буквъ въ минуту.

6) Умѣть изготовлять предметы изъ дерева, металла, матеріи или кожи, пригодные въ домашнемъ хозяйствѣ или въ лагерѣ.

7) Умѣть правильно пользоваться картой и начертить съ карты отчетливо кроки; съ помощью карты и компаса умѣть провести по мѣстности до даннаго пункта, невидимаго съ исходной точки и отстоящаго не менѣе какъ на 5 километровъ отъ этой исходной точки; также найти безъ компаса данный условный знакъ.

8) Умѣть опредѣлять разстояніе, размѣры предметовъ, высоту и число—съ ошибкой, непревышающей 25⁰/₁₀₀.

9) Подготовить мальчика по програмѣ, требуемой для развѣдчика III класса; также подготовить по отдѣлу, изложенному въ 3 п. испытанія для развѣдчиковъ II класса.

Испытанія на званіе «развѣдчика» II и I класса могутъ (послѣ признанія удовлетворительнымъ предварительнаго испытанія) измѣняться или совсѣмъ отмѣняться—на основаніи медицинскихъ свидѣтельствъ или по другимъ, заслуживающимъ уваженія, причинамъ.

§ 5.

Знакъ и форменная одежда. Знакъ общества носится всѣми принадлежащими къ обществу членами ¹⁾.

Одежду, присвоенную, развѣдчикамъ, не разрѣшается носить ранѣе выдержанія испытанія на «развѣдчика» III класса.

§ 6.

Составъ общества. Общество шведскихъ boy-scout'овъ состоитъ изъ отрядовъ (корпораций) развѣдчиковъ, которые на изложенныхъ здѣсь основаніяхъ организуются въ таковыя и вносятъ ежегодный постоянный взносъ въ «общія собранія» представителей отъ отрядовъ (корпораций).

¹⁾ Какъ знакъ общества, такъ и знаки, присвоенные разнымъ классамъ «развѣдчиковъ», имѣютъ надписи: «будьте готовы».

§ 7.

Общія собранія. 1) Очередныя собранія представителей корпорацій назначаются ежегодно въ январѣ мѣсяцѣ—въ пунктѣ, опредѣляемомъ главнымъ управленіемъ. О созывѣ собранія поставляются въ извѣстность заранее—не менѣе, какъ за 6 недѣль, и объ этомъ объявляется два раза въ официальномъ органѣ общества. Вѣдомость дѣлъ, подлежащихъ докладу въ собраніи, объявляется не менѣе какъ за 14 дней въ томъ же официальномъ органѣ.

2) Чрезвычайныя собранія назначаются въ томъ случаѣ, когда объ этомъ письменно заявятъ главному управленію не менѣе $\frac{1}{4}$ корпорацій развѣдчиковъ или когда само главное управленіе признаетъ это необходимымъ. О созывѣ собранія объявляется по крайней мѣрѣ за недѣлю и объ этомъ оповѣщается, вмѣстѣ съ вѣдомостью подлежащихъ разсмотрѣнію дѣлъ, въ официальномъ органѣ.

3) Каждая корпорація представляется въ обществѣ своимъ уполномоченнымъ. Одинъ и тотъ же представитель можетъ быть отъ нѣсколькихъ корпорацій; въ этомъ случаѣ полномочія должны быть отъ каждой корпораціи.

4) Право голоса принадлежитъ каждой корпораціи—съ однимъ голосомъ отъ каждыхъ 100 человекъ списочнаго состава мальчиковъ.

5) Собраніе представителей считается полномочнымъ съ тѣмъ числомъ представителей, которое прибудетъ на собраніе по объявленіи о семь установленнымъ порядкомъ.

6) На обыкновенныхъ собраніяхъ разсматриваются слѣдующія дѣла: а) избраніе двухъ контролеровъ; б) выслушивается докладъ главнаго управленія и отчетъ о ревизіи за минувшій годъ; в) избраніе членовъ главнаго управленія и замѣстителей, избраніе двухъ ревизоровъ и двухъ замѣстителей къ нимъ на текущій годъ; г) утвержденіе бюджета на текущій годъ; д) обсужденіе предложеній и проектовъ, которые вносятся въ главное управленіе по крайней мѣрѣ на 3 недѣли впередъ; е) остальные дѣла.

§ 8.

Составъ главнаго управленія и право избранія въ него. Главное управленіе состоитъ изъ: начальника «развѣдчиковъ» (scout-chef), его помощника, начальника канцеляріи, казначея и 3-хъ членовъ безъ особыхъ функцій съ 3-мя къ нимъ замѣстителями. Глав-

нымъ управленіемъ назначается представитель отъ «Kristlige Fö-
reningen av ungdomen»²⁾.

Правомъ избранія пользуются: а) шефомъ и его помощникомъ имѣютъ право быть избранными начальники отрядовъ (корпорацій), пробывшіе въ этой должности не менѣе 2 лѣтъ; б) начальникомъ канцеляріи можетъ быть избрано лицо, проживающее въ Стокгольмѣ или его окрестностяхъ, опытное и пригодное для даннаго дѣла; в) казначеемъ избирается лицо совершеннолѣтнее, принимающее то или иное участіе въ дѣлѣ подготовки «юныхъ развѣдчиковъ» и проживающее въ Стокгольмѣ и его окрестностяхъ; г) члены безъ опредѣленныхъ функцій, или ихъ замѣстители избираются изъ учителей развѣдчиковъ, состоящихъ въ этомъ званіи не менѣе года.

Примѣчаніе. Одинъ изъ этихъ членовъ (съ замѣстителемъ) долженъ жить въ Стокгольмѣ или его окрестностяхъ.

§ 9.

Обязанности главнаго управленія. Обязанности главнаго управленія:

1) Содѣйствовать широкому распространенію въ Швеціи организацій «юныхъ развѣдчиковъ» и правильному ихъ примѣненію.

2) Приводить въ исполненіе постановленія собраній представителей отрядовъ (корпорацій).

3) Обсуждать заявленія о вступленіи въ общество и утверждать постановленія, относящіяся къ корпораціямъ развѣдчиковъ.

4) Объединять дѣятельность корпорацій; нести сообща отвѣтственность за средства общества.

5) Устанавливать спеціальныя знаки и правила для нихъ.

6) Выбирать изъ своей среды исполнительную комиссію и выработать надлежащую для нея инструкцію.

7) Именемъ собранія представителей рѣшать подлежащія его вѣдѣнію дѣла, опредѣляемые настоящимъ уставомъ, представляя, однако, наиболѣе важные вопросы на рѣшеніе собранія.

Шефъ развѣдчиковъ (его помощникъ) обязанъ:

1) Руководить преніями на общихъ собраніяхъ, а также на собраніяхъ лицъ главнаго управленія.

2) Наблюдать за дѣятельностью общества вообще.

3) Быть представителемъ общества.

²⁾ «Христіанское общество молодыхъ людей».

Начальник канцеляріи обязанъ:

1) Вести протоколы засѣданій: общихъ собраній, главнаго управленія и исполнительной комиссіи.

2) Согласно указаніямъ шефа, устанавливать опредѣленный порядокъ въ канцеляріи и нести за него отвѣтственность.

3) Вести именные списки состава управленій отрядовъ (корпораций), также списки каждаго отряда съ указаніемъ ихъ распредѣленія, числа, руководителей и мальчиковъ.

4) Составлять годовой отчетъ о дѣятельности общества.

Казначей общества обязанъ:

1) Завѣдывать и нести отвѣтственность за наличныя средства и цѣнныя бумаги общества, согласно указаніямъ исполнительной комиссіи.

2) Составлять опись и имѣть надзоръ за принадлежащимъ обществу имуществомъ.

3) Вести аккуратно кассовую книгу, которую предъявлять по первому требованію главнаго управленія и исполнительной комиссіи.

4) Принимать годовые взносы.

5) Заканчивать отчетъ къ 1 декабря и представлять таковой въ распоряженіе ревизоровъ между 1 и 15 декабря.

§ 10.

Собранія чиновъ главнаго управленія. Лица, входящія въ составъ главнаго управленія, собираются обыкновенно на совѣщанія въ Стокгольмѣ или въ иномъ пунктѣ разъ въ полгода, въ іюнѣ и ноябрѣ, и, сверхъ сего, по приглашенію шефа развѣдчиковъ, когда обстоятельства этого потребуютъ.

Всѣ члены главнаго управленія пользуются однимъ голосомъ. При равенствѣ голосовъ одерживаетъ перевѣсъ мнѣніе предсѣдателя.

Собраніе считается законнымъ, если на лицо имѣется не менѣе 5 членовъ. Представитель отъ «Христіанскаго общества молодыхъ людей» имѣетъ право участвовать въ преніяхъ, но не участвуетъ въ постановкѣ рѣшенія.

§ 11.

Примыкающіе къ обществу отряды (корпорации) составляются изъ кружковъ въ той мѣстности, которая заявитъ желаніе войти

въ составъ общества. Они совмѣстно избираютъ правленіе (управленіе корпораціей) и представителя въ общее собраніе. Руководители отдѣленій развѣдчиковъ, принадлежащіе къ «Христіанскому обществу молодыхъ людей», назначаются представителями въ правленіяхъ корпорацій съ тѣми же правами и обязанностями, какъ и назначаемыя въ главное управленіе.

Обязанности управленій корпораціями. Управленіямъ отрядовъ (корпорацій) вмѣняется въ обязанность:

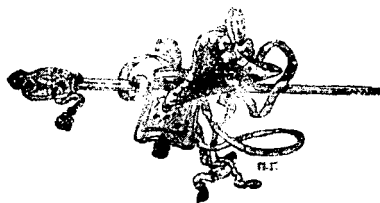
1) Содѣйствовать возникновенію и распространенію въ мѣстахъ нахожденія и окрестностяхъ организацій юныхъ развѣдчиковъ.

2) Доставлять въ главное управленіе ежегодно около 15-го ноября свѣдѣнія съ указаніемъ: состава управленія отряда (корпораціи), руководителей и мальчиковъ, по установленнымъ главнымъ управленіемъ формамъ.

3) Въ назначенное время высылать казначею общества годовой взносъ.

§ 12.

Измѣненія и дополненія къ этимъ правиламъ (о чемъ подаются письменныя заявленія главному управленію не менѣе какъ за 3 недѣли впередъ) могутъ быть приняты послѣ рѣшенія на двухъ общихъ собраніяхъ.

Воинская подготовка французской молодежи до поступления в армию.

Во Франці очень много различныхъ обществъ, цѣль которыхъ готовить подростокующее поколѣніе къ военной службѣ. Одинъ разъ въ году, обыкновенно въ первыхъ числахъ іюня, общества эти сосредоточиваютъ свою молодежь въ Парижѣ, гдѣ центральное общество военного обученія во Франціи организуетъ повѣрку пройденнаго за годъ (Concours National d'Instruction militaire préparatoire).

Я люблю дѣвору и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ неукоснительно посѣщаю эти конкурсы. Послѣдній мною видѣнный 23-й конкурсъ состоялся въ 1911 году 12-го іюня н. ст. въ саду Тюльери.

Болѣе 150 обществъ и 104 школы Парижа, департаментовъ и даже Алжира отозвались на зовъ организаціоннаго комитета центрального общества. Къ 6¹/₂ часамъ утра молодежь собралась въ саду, готовая предстать передъ экзаменаціонными комиссіями для

повѣрочныхъ испытаній, согласно установленной программы, а именно: гимнастика (вольныя движенія); бѣгъ, прыжки (въ длину, въ соту, черезъ кобылу); гимнастическія упражненія на различныхъ аппаратахъ (гимнастическій городокъ походный, разборный; устраивается въ нѣсколько часовъ); общія свѣдѣнія, которыя долженъ знать солдатъ. Для поступающихъ въ спеціальныя роды войскъ—дополнительный экзамень. Для полученія надлежащаго диплома для отбыванія воинской повинности на нестроевыхъ должностяхъ сдается соотвѣтствующій дополнительный экзамень, на примѣръ, для санитаровъ.

Въ составъ экзаменаціонной комиссіи вошли: офицеры, преподаватели, унтеръ-офицеры школы Жуанвильской гимнастики и фехтованія, подъ общимъ наблюденіемъ генерала Веранда; непосредственнымъ руководителемъ занятій экзаменаціонной комиссіи былъ полковникъ Боблэ, начальникъ Жуанвильской школы.

Утро выдалось ясное, солнечное. Посторонней публики было мало.

Молодежь была раздѣлена на группы; въ первыя шесть группъ вошли молодые люди, подлежащіе отбыванію воинской повинности въ текущемъ и будущемъ году. Главная масса имѣетъ обмундированіе и снаряженіе линейной пѣхоты; вооружены ружьями; видны группы альпійскихъ стрѣлковъ, саперъ, моряки; артиллеристы въ пѣшемъ строю; въ таковомъ же строю часть кавалеріи и конныхъ артиллеристовъ.

Особую группу (седьмую) составляла молодежь въ конномъ строю (кавалерія).

Восьмая группа (poupilles)—это ученики городскихъ школъ и дѣтвора различныхъ гимнастическихъ обществъ и попечительствъ. Школьники въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, въ какіе одѣваются дома по праздничнымъ днямъ. Дѣти различныхъ гимнастическихъ и патриотическихъ обществъ и попечительствъ одѣты въ формы, характерныя для маленькихъ гимнастовъ: «съ плащомъ на лѣвой рукѣ», въ башмачкахъ, въ панталонахъ до колѣна, съ обнаженными рученками, на которыхъ уже обнаруживаются «мускулы», всѣ такіе стройные; мальчуганы имѣютъ молодежавый видъ и выправку. Экзамень этой безоружной группы заключается, конечно, въ гимнастикѣ и маршировкѣ. Два года тому назадъ одна изъ этихъ группъ мнѣ особенно понравилась, когда маршировала съ пѣніемъ и каждый дѣйствовалъ кастаньетами. Къ сожалѣнію, въ этомъ году

этихъ артистовъ не было на смотре, хотя военный министръ придаетъ самое серьезное значеніе пѣснямъ на походѣ (*chansons des routes*) и поручилъ составить сборникъ походныхъ пѣсенъ.

Къ 12-ти часамъ экзамены по группамъ были закончены— время завтрака и отдыха; но неутомимая молодежь разбрелась по сосѣднимъ кварталамъ: все такъ интересно для нихъ, въ большинствѣ невидѣвшихъ Парижа.

Въ 2 часа публика начала собираться въ садъ, чтобы присутствовать во время парада. Входная плата въ садъ— 50 сантим., а на трибуны— 3 франка.

Парадъ принималъ военный министръ, генераль Брэнъ (нынѣ покойный).

Дефилированіе открывали ученики городскихъ школъ; впереди линія значковъ, съ ассистентами и хоры музыкантовъ. Когда средина колонны городскихъ школъ поравнялась съ трибуной военного министра, то была остановлена, и вся масса продѣлала, довольно согласно, нѣсколько гимнастическихъ вольныхъ движеній. Удостоившись аплодисментовъ публики, школьники продолжали свое прохожденіе, имѣя на флангахъ своихъ учителей (штатскихъ), кои проходили мимо военного министра съ обнаженной головой. Потога пока благопріятствовала, но чувствовалось приближеніе дождя. Въ прошломъ году дефилированіе и гимнастика производились подъ сильнымъ дождемъ, все промокли до нитки, но все же парадъ состоялся до конца.

Слѣдующая группа дѣтвора продѣлала упражненія съ палками. Офицеръ, руководившій движеніями, стоялъ на отдѣльной эстрадѣ и для передачи команды пользовался свисткомъ. Гимнастическія общества проходили безостановочно. Пѣхота шла колоннами, имѣя командировъ штабъ-офицеровъ на коняхъ, и вообще производила впечатлѣніе удовлетворительно обученныхъ молодыхъ солдатъ. Прохожденіе конницы указывало, что нѣкоторая первоначальная одиночная подготовка молодежи дана, даже можно было замѣтить нѣсколько человѣкъ съ щеголеватой посадкой, но все же вмѣсто сомкнутаго строя получилась кавалькада, ѣзда врознь; мало благопріятствовалъ доброму впечатлѣнію и незавидный конскій составъ. Трудность, почти невозможность создать дѣльнаго кавалериста (или коннаго артилериста) при сокращенномъ сверхпредѣльно срокѣ отбыванія воинской повинности—заставила военное министерство изыскивать надлежащія мѣры: такъ, нынѣ, во всѣхъ населенныхъ

пунктахъ Франціи, расклеены афиши военного министерства, въ коихъ изложенъ новый законъ о преимуществахъ службы въ кавалеріи.

Послѣ прохожденія послѣдняго эшелона (санитары), предсѣдатель общества военной подготовки во Франціи, Адольфъ Шеронъ, произнесъ рѣчь, въ которой съ большою трогательностью помянулъ моряковъ, погибшихъ при катастрофѣ подводной лодки «Плювиозъ»; затѣмъ онъ благодарилъ генерала Брѣнъ за то, что онъ не отказался посѣтить настоящій конкурсъ. Сдѣлавъ краткій обзоръ дѣятельности общества, онъ кончилъ нѣсколькими пожеланіями: болѣе доступное пользованіе конскимъ составомъ и т. п. Между прочимъ, выразилъ пожеланіе, чтобы учителя первоначальныхъ школъ проходили хотя бы сокращенный курсъ въ спеціальной Жуанвильской школѣ во время отбыванія ими воинской повинности.

На это военный министръ отвѣтилъ:

«Я съ большимъ удовольствіемъ принялъ предложеніе предсѣдательствовать на сегодняшнемъ вашемъ 23-мъ ежегодномъ конкурсѣ, въ которомъ приняли участіе больше 200 обществъ и 104 школы. Предъ чудной картиной всѣхъ этихъ полезныхъ учреждений, сгруппированныхъ подъ флагомъ «центрального общества съ цѣлью воинской подготовки молодежи», я не могу не выразить своихъ восторженныхъ чувствъ и съ радостью приношу вамъ благодарность отъ имени правительства. Я привѣтствую прежде всего вашего президента, г-на Шеронъ, самоотверженность котораго и энергія въ такихъ широкихъ размѣрахъ способствовали развитію дѣятельности общества по военной подготовкѣ, и съ радостью приношу ему при всѣхъ собравшихся свою искреннюю благодарность».

Обращаясь къ собравшемуся педагогическому персоналу, военный министръ сказалъ:

«Армія, милостивые государи, проникнута убѣжденіемъ въ высокой полезности вашихъ трудовъ; она слѣдила съ сосредоточеннымъ вниманіемъ за прогрессомъ ихъ и понемногу увидѣла реализацію всѣхъ надеждъ, которыя она возлагала на васъ. Она глубоко радуется вашему успѣху.

«Армія убѣждена, что, помогая вамъ, она работаетъ для себя самой, и потому она приноситъ вамъ свою глубокую признательность и помощь, которая растеть съ каждымъ днемъ.

«Благодаря вамъ, въ армію каждый годъ поступаетъ молодежь съ основательной подготовкой, которая облегчаетъ общую задачу и дѣлаетъ ее плодотворнѣе и пріятнѣе.

«Добровольное послушаніе, котораго вы достигаете съ такимъ успѣхомъ, планомѣрность усилій обществъ и всѣхъ отдѣловъ въ преслѣдованіи общей цѣли, дружескія взаимныя отношенія, все это вмѣстѣ prepares умъ молодежи къ дисциплинѣ и долгу, безъ которыхъ не можетъ быть арміи.

«Такіе результаты дѣлаютъ вамъ честь; они являются наградой вашему усердію, и я понимаю радость, съ которой вы представляете намъ сегодня этихъ сильныхъ молодыхъ людей, хорошо развитыхъ, неутомимыхъ и хорошо воспитанныхъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи».

Затѣмъ генералъ Брѣнь высказалъ, что впредь учителя начальныхъ школъ будутъ командироваться на нѣкоторое время въ Жуанвильскую школу, «дабы эти скромные и самоотверженные дѣятели могли давать ученикамъ школъ то физическое воспитаніе, которое сдѣлаетъ изъ нихъ превосходныхъ солдатъ».

«Милостивые государи, мы просимъ васъ сегодня продолжать эту благородную задачу. Развивайте физическія и нравственныя силы французской молодежи, на которую мы возлагаемъ наши лучшія надежды и на которой въ свою очередь будетъ лежать обязанность обезпечить благополучіе и величіе родины».

Когда утихли громкія рукоплесканія, которыми присутствующіе отвѣтили на эти послѣднія слова, военный министръ роздалъ нѣсколько орденовъ, согласно состоявшимся представленіямъ, подъ звуки «Марсельезы».

Съ оркестромъ во главѣ, въ 5 часовъ, стали расходиться эшелоны молодежи, безъ усталости проработавшіе съ 6-ти часовъ утра.

Какія же можно привести соображенія, которыя могли бы продвинуть рѣшеніе вопроса «о подготовкѣ» солдата на завтра въ нашемъ отечествѣ? Французская организація подготовки къ отбыванію воинской повинности указываетъ, что идея учрежденія обществъ задумана правильно. Мы не будемъ вдаваться въ подробности. На жизненность этого учрежденія указываетъ его приближеніе къ четверть-вѣковому существованію. А это много значитъ. Это учрежденіе имѣетъ свои отдѣлы въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ Франціи; это ясно указываетъ, что дѣятельность учрежденія встрѣчаетъ сочувствіе.

Наша армія также перешла на сокращенный срокъ отбыванія воинской повинности, а потому предварительная подготовка молодежи къ почетному званію вонна, до послѣдней капли крови вѣрнопреданнаго своему Государю Императору и защитника своего отечества, является вполнѣ *своевременной* и *возможной*.

Какъ именно осуществить военную подготовку у насъ? Думається, что значительной помощью при разработкѣ этого дѣла можетъ послужить опытъ западныхъ государствъ.

В. Тончаровъ.

СОНЪ НА ШИПКЪ.

(Посвящается любителямъ старой фортификаціи).

Васположившись въ уютномъ номерѣ монастырской гостиницы на Шипкѣ, я съ удовольствіемъ подумалъ о томъ, что наконецъ-то окончилась мои двухмѣсячныя скитанія по Болгаріи, Сербіи и Греціи, и что я скоро снова увижу Россію.

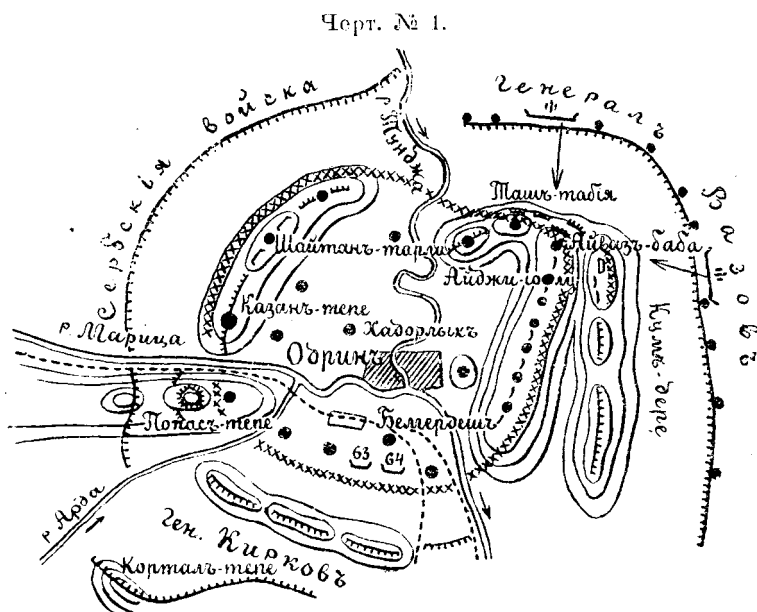
Масса впечатлѣній (послѣ осмотра полей сраженій Балканской войны, послѣ множества разсказовъ участниковъ боевъ, болгарь, сербовъ, грековъ и турокъ) не давала мнѣ заснуть, несмотря на физическую усталость.

Наконецъ я забылся.

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза—это мачта беспроволочнаго телеграфа, работающаго съ Константинополемъ. Очевидно я нахожусь на фортѣ Хадарлыкъ—мѣстопребываніе Шукри-паши, коменданта Адрианополя.

Вмѣстѣ съ другими я прошелъ по темному коридору въ небольшой казематъ. За столомъ сидѣлъ Шукри-паша и нѣсколько офицеровъ. Были офицеры генеральнаго штаба, пѣхотинцы, артиллеристы, два инженера и врачъ. Ко времени моего прихода между инженерами повидимому уже шелъ горячій споръ; и Шукри-паша колебался перейти на чью-либо сторону. Одинъ изъ инженеровъ назывался Измаиль-паша, а другой—Черкезь-паша.

Измаиль-паша, сильно волнуясь, говорилъ: «снова повторяю, что штурмъ восточнаго сектора неизбеженъ. Третьяго дня я разыгралъ изъ себя перебѣжчика и (подъ видомъ умирающаго отъ голода) проникъ въ болгарскій лагерь. Воспользовавшись оплошностью часового, я скрылся изъ лагеря и по Марицѣ на лодкѣ вер-

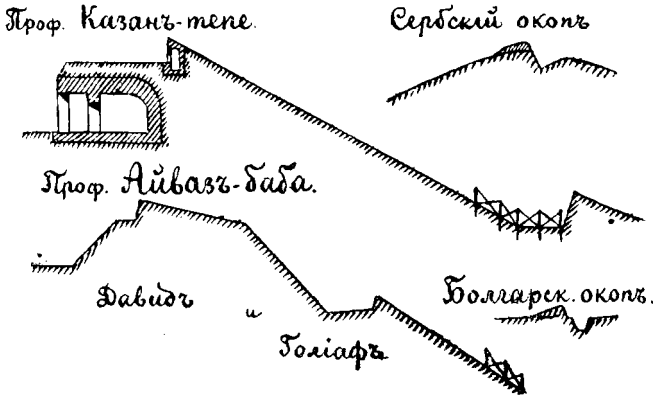

нулся домой. Видѣлся съ развѣдчиками. На восточномъ секторѣ идетъ накапливаніе артилеріи и подошла цѣлая дивизія изъ-подъ Чаталджи. Тамъ, вмѣсто Вельчева, назначенъ Вазовъ, служившій ранѣе въ Россіи начальникомъ инженеровъ крѣпости Кушки. Поэтому, господа, я и настаиваю на фортификаціонномъ усиленіи восточнаго фронта».

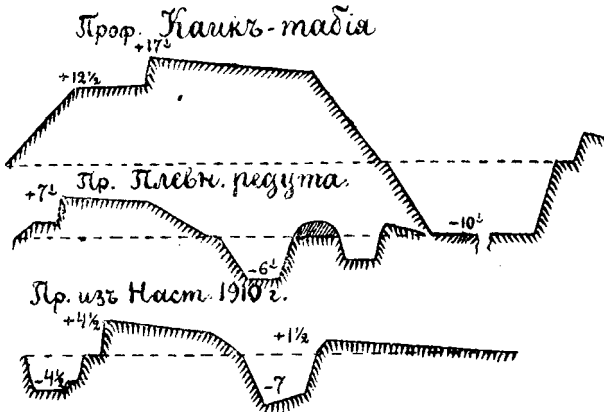
Не успѣлъ онъ кончить, какъ вскочилъ Черкезь-паша и сказалъ: «Мой коллега, Измаиль-паша, видимо увлекается. Никакого

штурма фортовой линіи быть не можетъ. Развѣ можно штурмовать цѣлый рядъ грозныхъ фортовъ, снабженныхъ казематами, ручными гранатами, пулеметами и проволочными сѣтями? Вы только сравните эти форты съ Плевненскими редутами. Развѣ они не неизмѣримо сильнѣ послѣднихъ? Редуты имѣли командованіе не бо-

Черт. № 2.

Черт. № 3.

лѣ трехъ аршинъ, а наши форты имѣютъ высоту отъ 6 до $7\frac{1}{2}$ аршинъ. Посмотрите, какой громадный обстрѣлъ имѣютъ форты, особенно на восточномъ фронтѣ, гдѣ они расположены на высотахъ. А вѣдь въ Плевнѣ второй изъ Гривицкихъ редутовъ имѣлъ обстрѣлъ только на сотню шаговъ и все-таки отбилъ всѣ атаки румынъ и русскихъ, уже взявшихъ штурмомъ первый редутъ. Ну, а

проволочная сѣть изъ колючей проволоки на желѣзныхъ кольяхъ, высотой въ 2½ аршина, въ 5—6 рядовъ: развѣ въ Плевнѣ было что-либо подобное? Наконецъ, сравните наши форты съ самыми сильными укрѣпленіями изъ Наставленій русскихъ 1910 года. Я особенно упираю на Наставленія русскихъ, такъ какъ они (послѣ неудачныхъ атакъ на Плевненскія укрѣпленія) прониклись уваженіемъ къ нашей фортификаціи. Посмотрите какую массу позицій построили русскіе въ Манчжуріи, какой громаднѣйшій опытъ они приобрѣли и все-таки они не отказались отъ Плевненской схемы. Не служить ли это доказательствомъ, что они стоятъ на правильномъ пути? Не скрою, и въ русской военной литературѣ появляются статьи, доказывающія, что редуты отжили свое время, что въ отвѣтъ на усовершенствованіе артилеріи нужно перейти къ новымъ формамъ фортификаціонныхъ построекъ. Но прочитайте труды корифеевъ фортификаціи, и вы можете быть спокойными. Всѣ эти новыя теченія не заслуживаютъ никакого вниманія. Какъ курьезъ, могу вамъ сообщить, что одинъ изъ русскихъ фортификаторовъ сталъ требовать, чтобы окопы не спускались на наружный скатъ горы, а располагались у топографическаго гребня, даже если имѣются впереди мертвыя пространства; дальше, конечно, уже идти некуда. Что же касается смѣны генерала Вельчева генераломъ Вазовымъ, то мы этому должны только радоваться. Вазовъ, повидимому, ничего въ фортификаціи не понимаетъ. Онъ, напримѣръ, отдалъ приказаніе: «чтобы всѣ окопы и укрѣпленія по линіи обложенія восточнаго фронта не могли быть использованы турками въ случаѣ ихъ контръ-атаки». Онъ совершенно забылъ, что укрѣпленія строятся не для того, чтобы ихъ отдавать неприятелю и затѣмъ отбирать назадъ».

«Не иронизируйте надъ Вазовымъ», сказалъ одинъ полковникъ пѣхотинецъ: «27-го января я командовалъ вылазкой, и вотъ что произошло. Узнавши, что въ эту ночь на болгарской позиціи происходитъ смѣна полковъ, и слѣдовательно новый полкъ недостаточно ориентированъ на мѣстности, я рѣшилъ захватить болгарскія позиціи и подорвать эту «Шайтанъ-батарею»¹⁾, посылающую свои снаряды даже въ мечеть Султанъ-Селимъ. Безъ шума спустились и перешли мы долину Кумъ-дере, затѣмъ перекололи охраненіе и однимъ махомъ ворвались въ окопы и редуты. Защитниковъ перебили еще полусонныхъ. На наше несчастье, только что смѣненный

1) 4—6 дюймовыя пушки.

полкъ не успѣлъ уйти съ позиціи въ лагерь и съ мѣста, со дна долины, бросился «на ножъ». Тщетно я пытался найти огневую позицію для отбитія контръ-атаки. Зацѣпиться было не за что, и мы были выбиты изъ редута. Ручаюсь вамъ, что при той неожиданности, съ которой мы произвели свою вылазку, я захватилъ бы редуты, даже въ томъ случаѣ, если бы они имѣли искусственныя препятствія. Но попробовали бы болгары отобрать отъ меня назадъ свое укрѣпленіе, съ несрытой горжей и препятствіями впереди ея. Я имъ его такъ дешево не отдалъ бы. Особенно мнѣ досталось при отступленіи, когда съ разсвѣтомъ открыли огонь изъ сосѣднихъ болгарскихъ окоповъ вдоль по долинѣ Кумъ-дере. Всего я потерялъ три тысячи человекъ, а болгары 800».

«По вопросу о расположеніи окоповъ на наружныхъ скатахъ высотъ я съ вами не согласенъ», замѣтилъ Измаиль-паша, обращаясь къ Черкезу. «Неужели вы думаете, что, несмотря на усовершенствованіе оружія, въ смыслѣ мѣткости, скорострѣльности, разрушительной силы снарядовъ, крутизны траекторіи шрапнели, гаубицъ и пр., мы, фортификаторы, не должны тронуться съ мѣста? Неужели на всѣ эти усовершенствованія мы по прежнему будемъ отвѣчать только утолщеніемъ блиндажей и брустверовъ? Вспомните, какіе ужасы намъ говорили о скорострѣльной артилеріи, говорили, что батарея, открывшая огонь на одну минуту ранѣе непріятельской, засыплетъ ее ураганнымъ огнемъ и несомнѣнно останется побѣдительницей. И однако, вмѣсто того, чтобы закрывать свои орудія броневыми башнями, спасающими даже отъ цѣльныхъ снарядовъ, артиллеристы взяли и перешли на стрѣльбу съ закрытыхъ позицій. Уничтоженная въ первыхъ бояхъ подъ Тюренченомъ, Вафангоу и Цзынь-Чжоу русская артилерія сдѣлалась неуязвимою въ послѣдующихъ бояхъ. А вѣдь сколько шума поднялось по поводу ухода батарей съ линіи стрѣлковыхъ окоповъ! Тутъ и упреки въ недостаткѣ мужества, тутъ и громадныя мертвыя пространства, тутъ и отсутствіе моральной звуковой поддержки и пр. Но обстоятельства побѣдили. Не могла же вѣдь полевая артилерія, идя по способу «утолщенія», превратиться въ неподвижную броневую, и выходъ изъ этого положенія былъ найденъ. Такъ и относительно огневыхъ стрѣлковыхъ позицій. Если бы противникомъ у насъ была русская пѣхота, времянь Плевны, когда она старалась преодолѣть нашъ ураганный огонь только однимъ духомъ своихъ героевъ солдатъ, то я первый посовѣтовалъ бы строить ярусы окоповъ для усиленія на-

шего огня. Но, къ сожалѣнію, способы атаки перемѣнились. Теперь у атакующей пѣхоты полная связь съ артилеріей и онѣ дѣйствуютъ одновременно. Всѣ усилія атакующаго сводятся къ тому, чтобы задавить своимъ огнемъ огонь обороны и, главное, шрапнелью. Конечно, шрапнелью полевыхъ орудій не перебьешь защитниковъ окопа полной профили, а только заставишь ихъ засѣсть на дно окопа и прекратить свой огонь. Но въ этомъ случаѣ прибѣгаютъ къ помощи гаубиць, и онѣ своей шрапнелью поражаютъ даже сидящаго внутри окопа. Только укажите цѣль, а мы свое дѣло сдѣлаемъ, говорятъ артиллеристы, спрятавши предварительно свои батареи въ оврагахъ, за деревьями или за лѣсомъ. Фортификація говоритъ: ну, отъ шрапнели гаубиць мы можемъ сдѣлать козырьки, а отъ пулеметнаго огня—бойницы. Но вѣдь для этого необходимо время и матеріаль, а разъ этого нѣтъ, то нужно же найти другой выходъ. Вотъ этотъ то выходъ и нашла новая фортификація—она говоритъ: въ отвѣтъ на усовершенствованіе оружія, мы, по примѣру артиллеристовъ, *прибѣгнемъ къ невидимости окопа*. Изъ тѣхъ газетъ, которыя до насъ доходили, вы всѣ узнали, что сербскіе и болгарскіе солдаты цѣловали свои пушки за ихъ работу по облегченію атаки. И дѣйствительно: *вырытые стѣпно окопы на скатахъ и у подножія высотъ у Куманова, Монастыря, Люле-Бургаса и въ другихъ мѣстахъ послужили могилою для ихъ защитниковъ. Вѣдь тамъ буквально лежали цѣлыя шерени убитыхъ шрапнелью стрѣлковъ.*

«Но, господа, развѣ это ужъ такая большая заслуга артиллеріи—стрѣлять по ясно видимому окопу, причемъ каждое попаданіе снаряда выше или ниже окопа поддается наблюденію. Нужно цѣловать не орудія, а тѣ учебники фортификаціи, которые научили наши войска строить окопы на скатѣ. Въ томъ же Люле-Бургаскомъ бою, въ центрѣ позиціи наши войска не успѣли построить заранѣе окопы на скатахъ, а расположились прямо на гребняхъ, и уже затѣмъ копались. Мертвыхъ пространствъ при этомъ совсѣмъ не оказалось, такъ какъ подступы обстрѣливались перекрестнымъ огнемъ. Тамъ же, на высотахъ, покрытыхъ кустарникомъ, наши стрѣлки окопались и на наружныхъ скатахъ и были совершенно невидны болгарамъ. Что располагая окопы на гребнѣ можно достигнуть полного обстрѣла, это желающіе могутъ провѣрить на моей позиціи, между фортами Коялыкъ и Ташъ-Табія. Всѣ окопы у меня сдѣланы на гребнѣ, задняя стѣнка окоповъ срѣзана на нѣтъ, а для гарнизона

окоповъ сдѣланы пещернаго типа убѣжища. Хотѣлъ бы я посмотрѣть, какъ болгарская артиллерія задавить огонь моихъ окоповъ, растянутыхъ по всему промежутку и вполне невидимыхъ съ поля».

«Трусливая фортификація!» произнесъ Черкезь-паша.

«Это обвиненіе въ трусости раздается при каждомъ новомъ шагѣ впередъ, въ смыслѣ борьбы съ усовершенствованіемъ оружія», возразилъ Измаилъ-паша? «Развѣ не возставали въ свое время противъ разсыпного строя, противъ залеганія цѣпей и, наконецъ, противъ самоокапыванія? Развѣ можно назвать трусами болгаръ и сербовъ, а вѣдь они изъ-за лопаты убитаго товарища готовы были поссориться другъ съ другомъ? Вѣдь это только въ русской арміи для производства самоокапыванія необходимо разрѣшеніе командира полка. А что мы видѣли въ настоящей войнѣ? Каждый стрѣлокъ, каждая цѣпь немедленно выкапываетъ для себя закрытіе отъ огня противника. Нынѣшнее поле сраженія представляетъ изъ себя множество окопиковъ для стрѣлковъ; эти окопки, то соединены вмѣстѣ (въ отдѣленные или взводные окопы), то, по мѣрѣ приближенія къ позиціи атакующаго, все болѣе и болѣе разбрасываются и по фронту и въ глубину. Неужели трусъ можетъ выкопать подъ огнемъ цѣлый рядъ окопиковъ и, наконецъ, закопаться въ непосредственной близости къ позиціи? Вотъ эта способность — зацѣпляться за каждый пройденный впередъ кусочекъ мѣстности и составляетъ отличіе нашихъ нынѣшнихъ враговъ. Я былъ на позиціи у Карагача въ Люле-Бургаскомъ бою. Тамъ рота болгаръ прорвала нашу позицію и «вкопалась» на линіи окоповъ. Въ теченіе пяти дней шелъ бой изъ за этого участка. Но, вмѣсто роты, черезъ день уже вкопался цѣлый баталіонъ, а еще черезъ день, на протяженіи двухъ верстъ, по дугѣ, обращенной во внутрь нашей позиціи, появился стрѣлковый окопъ непріятеля. Всѣ наши попытки отбросить назадъ болгаръ окончились неудачно. Позиція была разорвана на двѣ части, и мы отступили къ Чаталджѣ. Повѣрьте, господа, что, при такомъ способѣ веденія атаки, даже современный огонь не спасетъ позиціи отъ прорыва. Могли ли мы предполагать, что внутри нашей позиціи появится опорный пунктъ непріятеля? И выбить оттуда болгаръ можно было только кончѣй-атакой, иначе говоря — отвѣтить маневромъ обороняющагося на маневръ атакующаго».

— Позвольте, генераль, и мнѣ сказать нѣсколько словъ по поводу возникшаго спора, произнесъ сидѣвшій въ сторонѣ полковникъ ге-

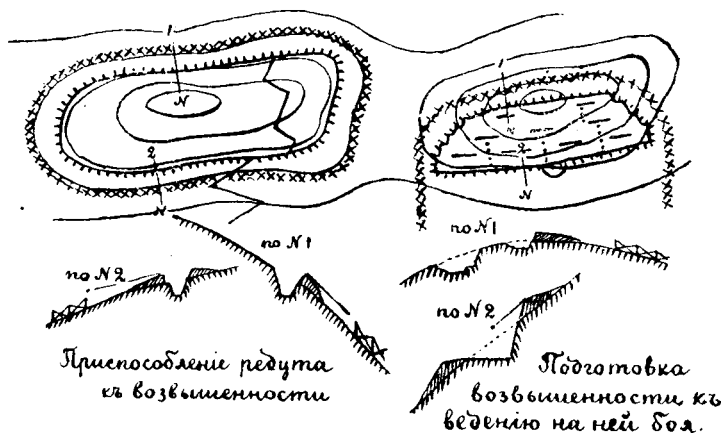
неральнаго штаба. Мнѣ кажется, что главная ошибка фортификаторовъ заключается въ томъ, что они рассчитываютъ одержать побѣду надъ атакующимъ *исключительно при помощи огня*. А между тѣмъ отбить атаку, не прибѣгая къ помощи маневра, можно только въ исключительныхъ случаяхъ. Сравните атакующаго и обороняющагося. Развѣ теперь они не одинаково борются другъ съ другомъ огнемъ изъ своихъ оконовъ? Но атакующій производитъ непрерывный маневръ, выражающійся въ приближеніи къ позиціи противника и въ накапливаніи, для производства штыкового удара. Видя появляющіеся, какъ грибы, окопы атакующаго, видя увеличивающіяся съ каждымъ часомъ силы непріятели, у обороняющагося естественно появится потребность прибѣгнуть къ маневру, т.-е. усилить свои цѣпи и подтянуть къ обозначившемуся мѣсту штыкового удара свои резервы. И вотъ, въ возможности производить свой маневръ скрытно и неуязвимо отъ огня атаки, и заключается сила обороняющагося. Лишите его этого преимущества, и поражение обезпечено. Въ большинствѣ случаевъ окопъ, расположенный на скатѣ, не имѣетъ возможности отвѣчать маневромъ на накапливаніе противника, такъ какъ подвести людей сверху и съ фланговъ невозможно. Опять таки я оставляю въ сторонѣ тотъ частный случай, когда удастся заранѣе провести цѣлыя версты крытыхъ ходовъ сообщенія и снабдить окопы блиндажами и бойницами. Поэтому-то старая фортификація такъ и волнуется о всѣхъ мертвыхъ пространствахъ передъ фронтомъ позиціи. Въ учебникахъ всегда изображается профиль горы, имѣющей такъ называемый военный гребень, но въ жизни такихъ высотъ почти не встрѣчается. Либо совсѣмъ нѣтъ рѣзкихъ перегибовъ, и поверхность выпуклая, либо перегибовъ очень много. И значить, для борьбы съ мертвыми пространствами фронтальнымъ огнемъ, приходится либо спустить окопъ къ подножію горы, либо строить ярусы окоповъ по числу оказавшихся перегибовъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду еще слѣдующее основное различіе между окопами атаки и обороны. Каждый окопъ атакующаго вырывается для выполнения извѣстной огневой задачи и занимается этотъ окопъ только до тѣхъ поръ, пока онъ нуженъ. А затѣмъ занимается новая огневая позиція и о старой никто не вспоминаетъ.

Не то у обороны. Построивъ цѣлый рядъ огневыхъ позицій для обстрѣливанія атакующаго, буде онъ пойдетъ въ данномъ мѣстѣ, обороняющійся занимаетъ эти окопы гарнизонами и смотритъ на нихъ, какъ на нѣчто важное, что нельзя ни въ какомъ случаѣ от-

дать непріятелю. Мы здѣсь особенно ясно видимъ смѣшеніе — *цѣли боя* (разбить противника всѣми возможными къ тому средствами) съ однимъ изъ *средствъ* веденія боя (огневая позиція — окопъ). И этому частному средству боя придаемъ господствующее, даже рѣшающее значеніе. А между тѣмъ окопъ, какъ огневая позиція, имѣетъ значеніе только во время открытія изъ него огня; до и послѣ этого момента значеніе его равно нулю. Эта основная ошибка обороняющагося еще болѣе лишаетъ его возможности пользоваться маневромъ. Несмотря на то, что противника еще нѣтъ или у него незначительныя силы, оборона все таки занимаетъ свои окопы, имѣя цѣлью защищать ихъ до штыкового боя включительно. Вотъ это связываніе себя заранѣе по рукамъ и ногамъ и составляетъ главное отличіе укрѣпленной позиціи отъ неукрѣпленной. Отъ возможности найти для себя удобную огневую позицію, оборона лишается основного средства разбить противника — отвѣчать на маневръ маневромъ. Рельефиѣ всего это сказывается въ горахъ. Занимая какую либо высоту, мы сейчасъ же смѣшиваемъ цѣль со средствомъ. Вѣдь намъ нужно защищать до послѣдняго человѣка не подошву или скатъ горы, а исключительно гребень, такъ какъ только переходъ гребня въ руки непріятеля означаетъ наше пораженіе. А мы посадимъ стрѣлковъ у подошвы или на скатѣ горы, и — съ переходомъ окоповъ въ руки непріятеля — считаемъ себя побѣжденными! Да вѣдь изъ за гребня еще и боя не было! Да, не было и не будетъ, такъ какъ на гребнѣ не подготовлена позиція для веденія боя, хотя бы въ упоръ. А гарнизонъ даннаго участка позиціи будетъ либо перебитъ, либо такъ морально подавленъ, что не сможетъ зацѣпиться за гребень высоты. Въ бою на неукрѣпленной позиціи этого смѣшенія цѣли со средствомъ быть не можетъ, а потому, хотя и съ потерями и съ массой неудобствъ, но бой будетъ идти, только за обладаніе гребнемъ, а не подошвой горы. Приведу вамъ примѣръ изъ боя подъ Монастыремъ, на высотахъ Облаково. Вы всѣ отлично знаете, какимъ героическимъ духомъ были одушевлены сербы во время своихъ атакъ. По горло въ водѣ, подъ градомъ пуль, они перешли долину и заняли наши окопы у подошвы и на скатѣ горы. Защитники окоповъ пали смертью храбрыхъ или въ самихъ окопахъ, либо во время отступленія на верхъ горы. Но Джавидъ-паша подвелъ свѣжія войска и занялъ гребень Облаково. Цѣлый день и ночь пролежали сербы въ 30 шагахъ отъ гребня. Всѣ атаки ихъ были отбиты. И только прорывъ

въ долину, на правомъ флангѣ, заставилъ Джавидъ-пашу очистить Облаково и уйти изъ Монастыря. Этотъ бой, когда, со сравнительно малыми потерями, были захвачены окопы на скатѣ, а у самага гребня пришлось остановиться, произвелъ очень сильное впечатлѣніе на сербовъ. И такъ, я формулирую свои положенія. Занимая какую либо позицію для обороны, необходимо прежде всего отыскать тѣ мѣста, изъ-за которыхъ придется вести бой до послѣдняго человѣка. Въ горахъ такими мѣстами являются вершины и гребни высотъ. Расположивши на этихъ мѣстахъ стрѣлковъ, сейчасъ же создайте себѣ закрытіе отъ огня противника. Отъ ружейныхъ пуль и шрапнели полевой артиллеріи достаточно глубокаго окопа, а отъ шрапнели гаубиць нужно сдѣлать легкіе ко-

Черт. № 4.

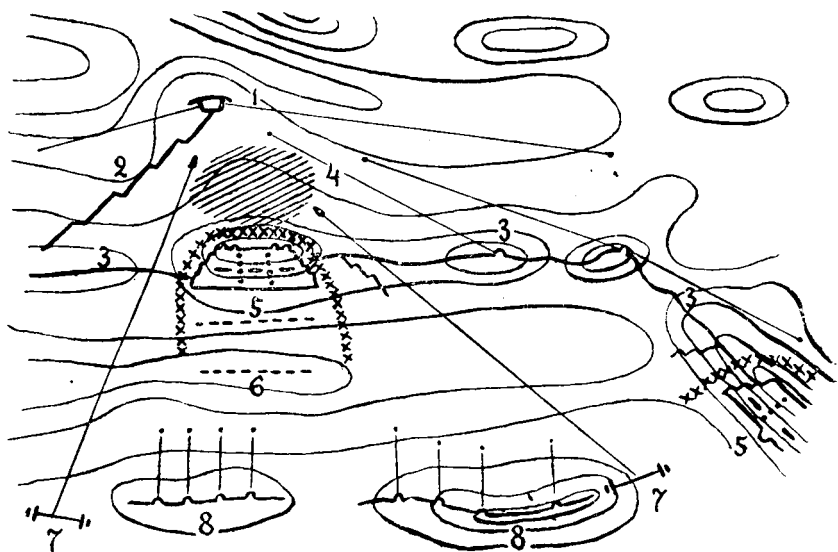

зырки. Для укрытія подведенныхъ резервовъ, если таковые понадобятся по ходу боя, подготовьте отвѣсныя стѣнки на обратныхъ скатахъ горъ. Въ большинствѣ случаевъ обстрѣль изъ созданныхъ вами окоповъ будетъ только дальній, т. е. свыше 400 шаговъ, а впереди окопа, начиная съ 30—50 шаговъ, уже будутъ мертвыя пространства. Помня, что мертвымъ пространствомъ называется такое пространство, которое ни откуда не обстрѣливается, вы спуститесь подъ окопъ и посмотрите, не обстрѣливается ли данное пространство откуда нибудь сбоку дальнимъ огнемъ. Въ большинствѣ случаевъ такія мѣста окажутся либо справа, либо слѣва отъ окопа. Замѣйте ихъ. Тамъ во время боя нужно будетъ держать стрѣлковъ или пулеметы со специальной цѣлью—обстрѣливать данный участокъ мѣстно-

сти. Если вамъ будутъ говорить, что въ бою каждый стрѣлокъ поражаетъ только того непріятеля, котораго видитъ вблизи передъ собой, то вы отвѣчайте: поэтому то я и располагаю фланкирующія постройки такъ, что они видятъ только назначеннаго для нихъ непріятеля. Тоже самое и непріятель: пока сидитъ въ мертвомъ пространствѣ, не видитъ расположеннаго надъ нимъ окна, но за то пулеметы или стрѣлки обороны, обстрѣливающіе его дальнимъ фланговымъ огнемъ, хотя и видны, но добраться до нихъ могутъ только сосѣди или спеціально посланные части. Конечно, упорно защищать позиціи, имѣющія только спеціальное назначеніе, не имѣетъ смысла. До штыка бой долженъ быть доведенъ только на тактическихъ «ключкахъ», выбранныхъ нами при занятіи позиціи. Но допустимъ, что имѣются такіе участки позиціи, которые либо вовсе не обстрѣливаются, либо не будутъ обстрѣливаться послѣ сбитія нашихъ стрѣлковъ съ фланкирующіхъ позицій. Въ этихъ случаяхъ мы должны обратиться къ помощи артилеріи. Укажите ей данное мѣсто и скажите: здѣсь неизбѣжно будетъ произведено накапливаніе атакующаго, необходимо осыпать его шрапнелью. И повѣрьте, артиллеристы выполнятъ свою задачу блестяще, пользуясь тѣмъ, что у нихъ батареи все равно уже расположены въ тылу на закрытыхъ позиціяхъ. Передвинуть же влѣво или вправо нѣсколько орудій для такой благодарной и спеціальной цѣли не составитъ труда. Но и этого мало. Зная, что все зло мертваго пространства заключается въ томъ, что атакующій тамъ произведетъ накапливаніе, т.-е. будетъ угрожать маневромъ, оборона должна со своей стороны тоже стянуть къ мѣсту будущаго штыковаго боя своихъ стрѣлковъ. Итакъ, мы знаемъ три средства борьбы съ мертвыми пространствами: 1) фланговый и перекрестный огонь стрѣлковъ и пулеметовъ; 2) шрапнельный огонь расположенныхъ сзади батарей и 3) отвѣтъ на накапливаніе атакующаго накапливаніемъ со своей стороны. Изъ этихъ способовъ борьбы только послѣдній примѣнимъ, какъ въ горахъ, такъ и на равнинѣ, какъ днемъ, такъ и ночью. Нужно помнить, что даже на открытомъ мѣстѣ окопавшіеся стрѣлки атаки создаютъ этимъ самымъ для себя какъ бы мертвое пространство и что однимъ огнемъ съ ними ничего не сдѣлаешь. Тоже самое и ночью, когда дальній обстрѣлъ становится невозможнымъ, приходится рассчитывать только на огонь въ упоръ и на штыковой бой. Вотъ почему, когда я слышу споры между защитниками и противниками окоповъ на склонахъ, я становлюсь всецѣло на ту сторону, которая даетъ возможность маневрировать

вать войсками также свободно, какъ и на неукрѣпленной позиціи. Но было бы ошибкой, имѣя время, имѣя матеріалъ, не устроить огневыхъ позицій и на скатѣ для обстрѣливанія противника дальнимъ огнемъ, если такового огня нельзя развить съ гребней. Разъ на скатѣ устраивается огневая позиція, то она только тогда выполнить свое назначеніе, если имѣть безопасную связь съ тыломъ. Быть можетъ эта позиція будетъ занята сотней стрѣлковъ, быть

Черт. № 5.

- 1) Капониръ на 2 пулемета; 2) ходъ сообщеній къ нему (1 верста длины)
 3) огневая позиція на промежуткѣ для пулеметовъ и стрѣлковъ; 4) зона мертвого пространства, поражаемаго шрапнельнымъ огнемъ специальныхъ орудій; 5) опорные пункты; 6) закрытія для стрѣлковъ при контръ-атакахъ; 7) специальные батареи по пункту 4; 8) огневая позиція для обстрѣливанія непріятеля, занявшаго наши окопы и укрѣпленія.

можетъ тамъ будутъ только одни пулеметы, а быть можетъ не будетъ ни одного человѣка и ни одного пулемета. Но одно можно съ увѣренностью сказать, что до штыкового боя здѣсь не дойдетъ. Поэтому то каждая такая огневая позиція и требуетъ массы работы. Иногда для постановки двухъ пулеметовъ требуется сдѣлать одну версту ходовъ сообщенія.

Итакъ: сначала дѣлается ходъ сообщенія, а затѣмъ уже огневая позиція. Выполнить эту работу можно либо заранѣе, либо работая по ночамъ, либо примѣняя приемы постепенной атаки

съ ея сапами. На все это требуется очень много времени. Но, опять таки, будетъ большою ошибкой съ нашей стороны, если непріятелю удастся воспользоваться нашими огневыми позиціями, хотя бы какъ закрытіемъ отъ огня. Такъ какъ огонь съ такихъ позицій будетъ только дальній, то ихъ можно располагать вполнѣ независимо отъ ближайшихъ мертвыхъ пространствъ, а поэтому направленіе окоповъ и ходовъ сообщенія должно подчиняться продольному огню съ гребня позиціи. Я знаю, что въ Россіи былъ произведенъ маневръ съ боевой стрѣльбой для провѣрки сдѣланной позиціи. При этомъ цѣпи атакующаго нѣсколько разъ замѣнялись коробчатыми мишенями. Тамъ, къ концу маневра, начальникъ атаки категорически запретилъ своимъ частямъ залѣзать въ какую-либо фортификаціонную постройку обороны, зная навѣрное, что она является огневой ловушкой для его стрѣлковъ. Вотъ этимъ приѣромъ мы и должны руководствоваться.

Теперь представьте себѣ, что по скату или у подошвы горы идетъ глубокая канава, могущая служить прекрасной огневой позиціей. Задача фортификаціи устроить связь между этой канавой и гребнемъ горы. Если этой связи сдѣлать нельзя, значитъ и канава не можетъ быть использована. Но, повторяю, будетъ преступленіемъ ввязываться изъ-за искусственной или естественной канавы въ штыковой бой.

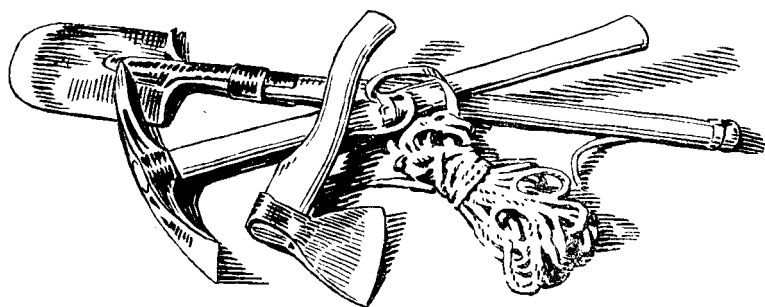
При защитѣ Тарабоша, наши окопы имѣли блиндированныя щели для стрѣлковъ и могли слѣдовательно вести огонь даже подъ шрапнелью. Но, когда черногорцы врывались въ наши окопы, они тамъ никого не находили, а сами сейчасъ же попадали подъ фланговый огонь со слѣдующей огневой позиціи. Къ великому негодованію черногорцевъ, имъ снова приходилось очищать только что захваченные окопы. Нечего и говорить, что для устройства подобныхъ позицій намъ понадобились бы, вѣроятно, цѣлыя недѣли. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда время измѣняется часами или днями, придется ограничиться подготовкой къ бою только гребней.

Между прочимъ, характерный эпизодъ произошелъ у болгаръ на ихъ позиціи на берегу Мраморнаго моря, у деревни Кумъ-Бургасъ. По верху плато у болгаръ шелъ сплошной окопъ съ обстрѣломъ свыше 150 шаговъ, а непосредственно подъ обрывистыми скатами имѣлись мертвыя пространства. Для обстрѣла ихъ старательные ротные командиры понастроили ярусы окоповъ. Наши войска подъ прикрытіемъ огня полевой артилеріи, поставленной на восемь пароходовъ, производили атаку этой позиціи. Огонь бол-

гарь все таки оказался настолько силенъ, что подойти къ ихъ позиціи днемъ ближе 800 шаговъ не удавалось. Ночью, съ криками «Алла!», «Алла!», наши бросились на штурмъ. Всѣ окопы, расположенные на скатѣ, мы заняли безъ боя, такъ какъ болгары ихъ не занимали; взять же верхній окопъ не удалось: бой тамъ шелъ на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ. На слѣдующую ночь мы, уже безъ всякихъ криковъ, подобрались къ позиціи болгаръ и бросились на штурмъ, имѣя ручныя гранаты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашимъ удалось ворваться на плато и занять участки верхняго окопа, но подошедшіе резервы болгаръ сбросили нашихъ внизъ.

Б. Жильцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вс.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ КАМПАНИИ ВЪ МАКЕДОНИИ.

Еще задолго до окончанія турецкой войны, между балканскими союзниками возникли тренія настолько серьезнаго свойства, что уже тогда можно было опасаться распадения союза и вооруженнаго столкновения между Болгаріей—съ одной стороны и Сербіей и Греціей—съ другой.

Сербская и греческая арміи, понесшія во время войны съ Турціей значительно меньшія потери людьми, чѣмъ болгарская, и успѣвшія отдохнуть за второй періодъ турецкой войны, находились въ несравненно болѣе выгодномъ состояніи.

Къ маю мѣсяцу онѣ вполне закончили свое сосредоточеніе, подготовили театръ войны въ инженерномъ отношеніи, обративъ особое вниманіе на улучшеніе путей сообщенія, и были готовы къ открытію военныхъ дѣйствій противъ болгаръ.

Болгарамъ оставалось отвѣтить только спѣшнымъ сосредоточеніемъ своихъ войскъ въ Македоніи и противъ старой сербской границы; однако, только послѣ заключенія мира съ Турціей, 18-го мая,

ство, что наступленіе, предпринятое 17-го іюня, ограничилось фронтомъ 4-й арміи, а другія арміи не приняли въ пемь никакого участія. Около 3-хъ часовъ утра 17-го іюня колонны 4-й арміи перешли (схема № 2) черезъ рр. Златановскую, Брегалницу и Лакавицу и атаковали сербскія позиціи. Въ теченіе дня Македонско-Одринское ополченіе, составлявшее правый флангъ арміи и направленное для овладѣнія линіей Султанъ-тепе—Парадла, успѣло взять только передовыя сербскія позиціи на линіи Китка—Дрънакъ—Емирица. 2-я бригада 4-й дивизіи овладѣла с. Добрево и лежащей нѣсколько западнѣе высотой 550. Двѣ бригады 7-й дивизіи заняли съ боя на правомъ флангѣ сс. Горній и Дольній Стуболь, а на лѣвомъ флангѣ Тахонъ. Далѣе къ югу, въ районѣ Штипа, части 8-й дивизіи продвинулись на правомъ берегу р. Брегалницы на линію Трогерци—Сушево—Богослово.

На лѣвофланговую дивизію 4-й арміи, 2-ю, была возложена задача сбить правый флангъ сербовъ и выйти на линію желѣзной дороги Салоники—Скопье. Къ выполненію поставленной задачи дивизія приступила весьма методично.

Двѣ ея бригады, 3-я и 1-я, вели выжидательный бой на р. Лакавицѣ, у Серка-планина, а 2-я бригада съ горной артилеріей была направлена отъ с. Трескавецъ черезъ с. Конче въ обходъ сербскихъ позицій за р. Лакавицей. Обходная колонна легко сбила слабыя части сербовъ и къ вечеру заняла с. Градецъ въ долиинѣ Вардара, лежащее у самой желѣзной дороги, которая на этомъ участкѣ проходитъ по лѣвому берегу рѣки. Повидимому, въ это же время 50-й пѣхотный полкъ, связывавшій 4-ю армію со 2-ю, занялъ ст. Удово.

Итогомъ наступленія 4-й арміи было овладѣніе частью передовыхъ позицій сербовъ и перерывъ желѣзнодорожнаго сообщенія на участкѣ Удово—Градецъ.

Между тѣмъ болгарское правительство, все еще не терявшее надежды на мирный исходъ сербско-болгарскаго спора и на русскій арбитражъ, узнавъ о наступленіи 4-й арміи, настаивало на немедленномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій. Приказаніе это было передано во всѣ дивизіи 4-й арміи, кромѣ 2-й, около 10 часовъ утра 18-го іюня. Но было уже поздно.

Съ утра 18-го іюня сербы повели значительными силами наступленіе, съ цѣлью отобрать назадъ потерянные наканунѣ пункты.

Всѣ парламентары, высланные болгарами, за исключеніемъ одного начальника штаба 2-й бригады 7-й дивизіи, были перебиты,

и 4-й арміи, уже начавшей, согласно полученнаго приказанія, отходить на первоначальныя свои позиціи, пришлось вступить въ бой съ насѣдавшими на нее сербами.

Къ вечеру 18-го іюня Македоно-Одринское ополченіе удержалось у высоты Китка, но потеряло с. Дрѣнакъ; 8-я дивизія безъ особаго труда и сравнительно спокойно оттянула свои выдвинутыя наканунѣ части назадъ за р. Брегалницу, но бывшія въ центрѣ двѣ бригады (7-й и 2-я бригада 4-й дивизіи) были отброшены въ безпорядкѣ и съ большими потерями за р. Златановскую.

Части 2-й дивизіи 18-го іюня продолжали удерживать сербовъ на фронтѣ р. Лакавицы, въ то время, какъ обходная колонна ея, двигаясь вверхъ по Вардару, дошла до с. Карешница.

19-го іюня 2-я бригада 2-й дивизіи, продолжая свое движеніе къ сѣверу, около 10-ти часовъ утра завязала бой съ правымъ флангомъ сербской Тимокской дивизіи 2-го призыва, расположенной между Серка-планина и ст. Криволакъ. Въ то же время 1-я бригада 2-й дивизіи перешла въ энергичное наступленіе къ Криволаку отъ Серка-планина. 3-я бригада въ наступленіи не участвовала и оставалась на мѣстѣ, поддерживая связь съ 8-й дивизіей у Штипа.

Въ 5½ часовъ дня 1-я и 2-я бригады повели рѣшительное наступленіе на сербскія позиціи лѣваго берега Вардара и къ 12 часамъ ночи послѣ горячаго боя овладѣли частью ихъ. Тимокская дивизія, припертая къ рѣкѣ и обойденная съ обохъ фланговъ, была совершенно отрѣзана отъ остальной массы сербской арміи.

20-го іюня болгары продолжали стягивать обручъ, охватывавшій Тимокскую дивизію, и къ ночи атаковали второй рядъ сербскихъ укрѣпленныхъ позицій.

Бой длился всю ночь и окончился лишь къ 3-мъ часамъ дня 21-го іюня. Результатомъ его былъ полный разгромъ Тимокской дивизіи; въ руки болгаръ попало 4 тысячи плѣнныхъ и до 30 орудій.

Однако, успѣхъ болгаръ при Криволакѣ являлся лишь частнымъ успѣхомъ, не повліявшимъ на ходъ операцій и не измѣнявшимъ общаго положенія дѣлъ на фронтѣ 4-й арміи.

Сербы не ограничились обратнымъ занятіемъ утерянныхъ первоначально позицій, но, начиная съ 19-го іюня, сами атаковали позиціи болгаръ за рр. Златановской и Брегалницей. Рѣшительнаго успѣха они не имѣли, но тѣмъ не менѣе нѣкоторые пункты болгарскихъ позицій перешли въ ихъ руки.

На правомъ флангѣ 4-й арміи Македоно-Одринское ополченіе,

упорно оборонявшее высоту Китка, къ 4-мъ часамъ дня 19-го іюня должно было очистить ее, несмотря на поддержку присланнаго изъ сосѣдней 5-й арміи 19-го пѣхотнаго полка.

Въ центрѣ потрепанныя уже двѣ бригады 7-й и 2-я бригада 4-й дивизіи принуждены были отступать подъ натискомъ сербовъ, и уже 21-го іюня послѣдніе заняли весьма важную позицію у с. Ройчани и высоты 650.

Положеніе на этомъ участкѣ стало настолько серьезнымъ, что сюда была выслана изъ резерва главнокомандующаго 1-я бригада 6-й дивизіи (3-й и 36-й полки).

Въ направленіи Штипа 8-я дивизіи отбила всѣ атаки сербовъ. Южнѣ же, 3-я бригада 2-й дивизіи должна была быть подкрѣплена 49-мъ пѣхотнымъ полкомъ. Въ общемъ, до вечера 22-го іюня, положеніе на фронтѣ 4-й арміи было неопредѣленнымъ, но къ этому времени операціи противъ грековъ приняли для болгаръ столь неблагоприятный оборотъ, что успѣхъ рѣшительно склонился на сторону союзниковъ.

Для дѣйствій противъ грековъ, какъ сказано выше, была назначена 2-я армія (генерала Иванова) въ составѣ 56 баталіоновъ. 13 эскадроновъ: 48 скорострѣльныхъ и 70—80 нескорострѣльныхъ орудій.

При этомъ необходимо отмѣтить, что изъ числа этихъ 56 баталіоновъ часть была выдѣлена для содѣйствія 4-й арміи въ операціяхъ противъ сербовъ, а другая часть должна была охранять побережье и не могла принять прямого участія въ операціяхъ противъ грековъ. Наконецъ, Серская и Драмская бригады, сформированныя въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, были скорѣе милиціей, чѣмъ регулярными частями, и не могли имѣть большой боевой цѣнности.

Такимъ образомъ, противъ всей греческой арміи болгары выставили, въ сущности, около 20—25 баталіоновъ хорошихъ войскъ, т.-е. менѣе 30 тысячъ штыковъ, разбросанныхъ на фронтѣ въ 70 километровъ.

Къ открытію военныхъ дѣйствій 2-я армія занимала слѣдующее расположеніе.

На правомъ флангѣ, между городами Дойранъ и Гевгели, имѣя передовыя части на линіи Калиново—Богданци, находилась 3-я бригада 3-й дивизіи—6 баталіоновъ²⁾ и 36 нескорострѣльныхъ орудій.

2-я бригада 3-й дивизіи—8 баталіоновъ—находилась у станціи Кукушъ, выдвинувъ передовыя части къ станціи Салманово.

²⁾ Два остальныхъ баталіона, повидимому, были оставлены въ тылу арміи.

Далѣе на востокъ, на шоссе Сересь-Салопики, на правомъ берегу р. Струмы была расположена 1-я бригада 10-й дивизіи, усиленная 70-мъ пѣхотнымъ полкомъ=12 баталіоновъ.

На лѣвомъ берегу Струмы, въ районѣ Волочиста—Правишта и далѣе до Кавалы включительно, были расположены три полка 11-й дивизіи и дополняющій полкъ 7-й дивизіи—16 баталіоновъ.

Въ распоряженіи командующаго арміей оставалась Серская бригада и 69-й полкъ Драмской бригады=12 баталіоновъ.

1 баталіонъ 14-го полка оставался въ Салоникахъ. Задача 2-й арміи, повидимому, заключалась въ содѣйствіи удару 4-й арміи на правый флангъ сербовъ, удерживая одновременно греческое наступленіе.

17-го іюня всѣ части 2-й арміи держались оборонительно. Греки, узнавъ о началѣ всенныхъ дѣйствіи на сербскомъ фронтѣ, атаковали части 11-й дивизіи у с. Тойла, при с. Шемалтось и при Тузла-чифликъ.

Однако, части 11-й дивизіи сами перешли въ наступленіе и продвинулись до Лефтеры, Чайязы и Кале-чифликъ, заставивъ грековъ отступить за Струму.

На всемъ остальномъ фронтѣ 2-й арміи день прошелъ спокойно.

Вечеромъ греки напали на оставленный въ Салоникахъ 1 баталіонъ 14-го полка и, послѣ длившагося всю ночь боя на улицахъ и въ домахъ, вынудили остатки этого баталіона сдаться.

На 18-е іюня генераль Ивановъ приказалъ 3-й бригадѣ 3-й дивизіи взять гор. Гевгели, занятый 2-мя сербскими баталіонами; 2-й бригадѣ 3-й дивизіи у Кукуша и Салманова держаться оборонительно, а бригадѣ 10-й дивизіи и частямъ 11-й дивизіи продвигнуться впередъ и отвлечь на себя возможно значительныя силы грековъ.

Передовыя части 3-й бригады 3-й дивизіи въ 7 ч. утра завязали перестрѣлку съ сербами восточнѣе села Богородица. Въ скоромъ времени сербы отошли на укрѣпленную позицію между с. Богородица и р. Вардаръ. Атака болгаръ на эту позицію была успѣшна и послѣ полудня они принудили противника отойти за рѣку. Въ 4½ ч. дня болгарская пѣхота перешла подъ непріятельскимъ огнемъ р. Вардаръ, сбива сербовъ съ позицій на высотахъ праваго берега и заняла городъ Гевгели.

Въ это время на лѣвомъ флангѣ 2-й арміи 11-я дивизія выдвинула передозыя части на правый берегъ нижней Струмы, но, вообще, дѣйствовала вяло, точно такъ же, какъ и 1-я бригада 10-й

дивизіи, съ 70-мъ полкомъ (полковникъ Петевъ), не двинувшаяся отъ Нѣгована. Греки же въ весьма значительныхъ силахъ (4 дивизіи) перешли въ наступленіе на Салманово и легко сбили авангардъ 2-й бригады 3-й дивизіи, отошедшій на главныя силы бригады къ Кукушу.

19-го іюня греки продолжали наступленіе уже по всему фронту, какъ противъ позицій у Кукуша, такъ и въ направленіи Сересскаго шоссе у Нѣгована и Лакны. Главныя ихъ усилія были направлены въ охватъ праваго фланга Кукушскихъ позицій, но, несмотря на большое превосходство силъ, имъ не удалось добиться въ этотъ день значительнаго успѣха.

20-го іюня усилія грековъ продолжались въ прежнемъ направленіи, почему—для облегченія тяжелаго положенія 2-й бригады 3-й дивизіи—генераль Ивановъ былъ вынужденъ заполнить промежутокъ между ней и отрядомъ полковника Петева Серской бригадой и 69-мъ полкомъ. Отрядъ полковника Петева въ этотъ день серьезнаго боя не велъ.

Съ утра 21-го іюня возобновились греческія атаки. Въ этотъ день наступленіе грековъ противъ 1-й бригады 10-й дивизіи носило болѣе серьезный характеръ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ этой бригады началась паника, и она отступила въ полномъ безпорядкѣ, потерявъ 10 орудій. Драмская и Серская бригады тоже не оказались достаточно стойкими и тоже отошли.

Только на правомъ флангѣ, передъ Кукушемъ, полки 29-й пѣхотный Ямбольскій и 32-й Загорскій отбивали одну за другой греческія атаки, хотя противъ ихъ 8 баталіоновъ было направлено 3 греческихъ дивизіи. На этомъ участкѣ грекамъ такъ и не удалось добиться успѣха, но—вслѣдствіе отхода всѣхъ остальныхъ войскъ—командующій 2-й арміей былъ вынужденъ отдать приказъ объ отступленіи и этимъ двумъ полкамъ.

2-я армія отходила по слѣдующимъ направленіямъ. 11-я дивизія оттянулась за Струму, отрядъ полковника Петева и Серская бригада отступили на линію Сересь—Демиръ Хиссаръ и 2-я бригада 2-й дивизіи—на Горній и Дольній Порой.

Многія части 2-й арміи были деморализованы, а 2-я бригада 3-й дивизіи понесла огромныя потери.

Это дѣлало невозможнымъ для 2-й арміи задержать дальнѣйшее греческое наступленіе, которое начинало угрожать сообщеніямъ 4-й арміи по долинкамъ Струмицы на Петричь и Крѣсенское дефиле. Поэтому новый помощникъ главнокомандующаго, смѣ-

нившій генерала Савова, генераль Радко-Димитріевъ рѣшился оттянуть лѣвый флангъ и центръ 4-й арміи къ границѣ, на линію Царево-Село—Сива-Кобила—высота 1900. Отступленіе началось 23-го іюня, причѣмъ арьергардамъ пришлось сдерживать сильный напоръ сербовъ.

Центръ 4-й арміи, 2 бригады 7-й дивизіи и 2-я бригада 4-й дивизіи, уже 23-го іюня отошелъ за Кочане, а самый этотъ городъ былъ занятъ сербами, и центру 4-й арміи угрожалъ прорывъ, который поставилъ бы въ крайне опасное положеніе лѣвый флангъ арміи, 8-ю и 2-ю дивизіи, бывшія еще въ окрестностяхъ Штипа.

Однако сербы не сумѣли развить своего успѣха, и полкамъ 7-й и 4-й дивизій, подкрѣпленнымъ 24-мъ полкомъ, удалось удержаться сѣверо-восточнѣ Кочане, благодаря чему и отходъ лѣваго фланга прошелъ благополучно.

2-я и 8-я дивизіи, 1-я бригада 6-й дивизіи, и 49-й полкъ 24-го и 25-го іюня отошли на линію въ Чаталь—Плачковица-планина, гдѣ ихъ положеніе перестало быть опаснымъ; на слѣдующій день они продолжали отступленіе на сѣверо-востокъ.

При отступательномъ маршѣ 4-й арміи наиболѣе труднымъ было положеніе артилеріи и обозовъ: ихъ пришлось направить по единственному удобопроходимому пути на Струмицу—Петричъ—Крѣсенское дефиле—Джумаѣ. Однако, благодаря вялому наступленію грековъ, какъ будетъ видно дальше, всей артилеріи и обозамъ, кромѣ 18 орудій и около 500 повозокъ, удалось благополучно отойти къ Джумаѣ.

Къ 28-му іюня 4-я армія остановилась на новыхъ позиціяхъ, имѣя на правомъ флангѣ попрежнему Македоно-Одринское ополченіе, которое всѣ эти дни вело ожесточенные бои въ окрестностяхъ Султанъ-тепе и 26-го іюня вернуло высоту Китку; 2 бригады 7-й дивизіи и 2-я бригада 4-й дивизіи удерживались на линіи Цера—Каменица—Калиманица—дорога въ Царево-Село; 3-я бригада 7-й дивизіи на линіи Чука-Голакъ—Чавка и 2-я дивизіи—у Тробатовище. 8-я дивизіи была оттянута назадъ и составила армейскій резервъ у Сива-Кобила. Въ общемъ, 4-я армія, хотя и понесла большія потери и была сильно утомлена, по своей боеспособности не потеряла.

Сравнительно счастливымъ исходомъ своего отступленія 4-я армія была въ значительной степени обязана въ высшей степени доблестной оборонѣ нѣкоторыхъ частей 2-й арміи.

Какъ было описано выше, вечеромъ 21-го іюня 2-я армія на-

чала отходить на линію Сересъ—Демиръ Хиссаръ—Порою. Отходъ въ этомъ направленіи оставлялъ открытой для греческаго наступленія дорогу Дойранъ—Струмица, выводившую на сообщенія 4-й арміи. Прикрытъ это направленіе было дѣломъ настоятельной необходимости, и командующій 2-й арміей приказалъ 3-й бригадѣ 3-й дивизіи (полковникъ Каварналіевъ), занимавшей Гевгели, перейти 22-го іюня въ наступленіе на юго-востокъ, занять высоту Хиссаръ и удерживаться впереди Дойрана.

Полковникъ Каварналіевъ, притянувъ отъ станціи Удово 2 баталіона 50-го полка, занялъ около полудня высоту Хисаръ и встрѣтилъ наступленіе грековъ, оставившихъ почти безъ преслѣдованія части 2-й арміи, отходившія за Струму и къ Порою, и направившихъ свои главныя силы, 4 дивизіи, на Дойранъ. Несмотря на несоразмѣрность въ силахъ, 7 баталіоновъ полковника Каварналіева успѣли сдержать напоръ грековъ въ теченіе дня 22-го іюня. Въ ночь же на 23-е іюня сюда была направлена данная въ распоряженіе командующаго 2-й арміей 2-я бригада 6-й дивизіи (15-й Ломскій и 35-й Вратчанскій полки). Бригада шла всю ночь и, послѣ утомительнаго перехода по горамъ, прибыла на поле сраженія къ 6 ч. утра 23-го іюня, когда греки возобновили свои атаки на отрядъ полковника Каварналіева.

Командованіе всѣми болгарскими наличными войсками принялъ начальникъ 6-й дивизіи генералъ Теневъ.

Съ прибытіемъ 6-й дивизіи расположеніе болгаръ стало слѣдующимъ (схема № 3).

На лѣвомъ участкѣ полковника Каварналіева 1 баталіонъ 50-го полка оборонялъ станцію Дойранъ, 5 баталіоновъ 41-го и 42-го полковъ занимали высоты южнѣе станціи до высоты Хисаръ, включительно; наконецъ 2 баталіона 35-го полка занимали села Ратирци и Долня-Махла. На правомъ участкѣ полковника Павкова 2 баталіона 35-го полка и 3 баталіона 15-го полка развернулись на фронтѣ Долня-Махла—Реселия.

Въ резервъ у генерала Тенева не было ничего. Въ тылу 1 баталіонъ 50-го полка былъ оставленъ на станціи Удово, 1 баталіонъ 15-го полка противъ Гевгели и 1 бат. 50-го полка на сѣверномъ берегу Дойранскаго озера.

Такимъ образомъ, собственно на полѣ сраженія подъ Дойраномъ, противъ 4 греческихъ дивизій, наступавшихъ въ этомъ направленіи, 23-го іюня у болгаръ имѣлось всего 13 баталіо-

Главная атака грековъ была направлена на станцію Дойранъ и высоту Хисаръ.

Около 11 ч. утра былъ тяжело раненъ полковникъ Каварналиевъ (умеръ отъ ранъ); положеніе лѣваго участка стало тяжелымъ. Тѣмъ не менѣе войска участка держались до 5 ч. дня, когда греки сосредоточили огонь 18 батарей по станціи Дойранъ. Занимавшій станцію баталіонъ 50 го полка не выдержалъ и сталъ отступать, что повлекло за собой отходъ всего лѣваго участка. Отошедшимъ войскамъ удалось удержаться лишь сѣвернѣе города Дойранъ на высотѣ с. Воловецъ, гдѣ они и остановили грековъ.

Между тѣмъ на правомъ болгарскомъ флангѣ бой развивался удачно для болгаръ, и послѣ полудня они перешли въ наступленіе. Наступающія части уже достигли линіи желѣзной дороги на участкѣ сѣвернѣе Арджанскаго озера, когда узнали объ отходѣ лѣваго фланга: пришлось отступать. Несмотря на крайне тяжелыя условія, въ которыхъ происходило отступленіе (къ этому времени греческія передовыя части стали переходить Вардаръ противъ с. Мачукова), болгарамъ, двигавшимся всю ночь черезъ Богородицу и Богданци, удалось на разсвѣтѣ 24-го іюня присоединиться къ войскамъ лѣваго фланга.

Въ 6 ч. утра 24-го іюня отрядъ генерала Тенева началъ отступленіе на сѣверъ по Струмицкому шоссе. Когда колонна миновала р. Козлу-дере и поднималась на высоты праваго ея берега, съ юга въ оврагъ начали спускаться головныя части грековъ и ихъ артиллерія открыла огонь.

Отрядъ генерала Тенева вынужденъ былъ остановиться и принять новый неравный бой. Всѣ греческія атаки были отбиты, и генералъ Теневъ предполагалъ на слѣдующій день сравнительно спокойно продолжать отступленіе, когда въ 12 ч. ночи командующій 2-й арміей приказалъ по телефону продержаться у Козлу-дере во что бы то ни стало еще 24 часа, чтобы дать время отойти тяжелой артиллеріи 4-й арміи. Пришлось продолжать бой.

25-го іюня съ утра греки возобновили свои атаки, стараясь охватить лѣвый флангъ генерала Тенева черезъ села Кыяли и Орманли. Однако, какъ и наканунѣ, они были отбиты.

Между тѣмъ, послѣ полудня, резервы болгаръ уже были совершенно израсходованы и для противодѣйствія новой атакѣ противника на центръ, вдоль шоссе, генералъ Теневъ выдвинулъ три скорострѣльныхъ батареи безъ всякаго прикрытія. Наступленіе грековъ было временно остановлено, но около 8 ч. вечера новой атакой они завладѣли этими тремя батареями.

Для отбитія орудій былъ пущенъ въ контръ-атаку послѣдній резервъ—знаменныя роты Ломскаго и Вратчанскаго полковъ. Ударомъ въ штыки онѣ отобрали батарею, но за недостаткомъ лошадей удалось вывезти только 7 орудій; остальные же 5, въ томъ числѣ одно подбитое, пришлось бросить.

Это было послѣднее усиліе болгаръ, но оно заставило грековъ прекратить наступленіе, и требуемые 24 часа были выиграны.

Выступивъ въ 12 ч. ночи на 26-е іюня, отрядъ генерала Тенева спокойно отошелъ черезъ Струмицу на Хамзали, откуда начинается горная тропа на Пехчево; здѣсь къ нему присоединилась 1-я бригада 6-й дивизіи. Къ этому времени артиллерія и обозы 4-й арміи еще не кончили проходить отъ Струмицы на Петричь и подвергались опасности быть захваченными, почему—по направленію къ Струмицѣ—было выдвинуто 9 ротъ 3-го Бдинскаго полка. День 26-го іюня прошелъ для отряда генерала Тенева сравнительно спокойно; далѣе же на востокъ у Горняго Пороя греки атаковали остатки 2-й бригады 3-й дивизіи и принудили ее отойти на Петричь.

27-го іюня греки, овладѣвшіе накануне проходами черезъ Бѣласицу (въ силахъ около 2 дивизій), стали спускаться въ долину Струмицы и атаковали роты Бдинскаго полка, которыя и были почти уничтожены. Послѣ этого имъ удалось захватить хвостъ обозовъ и артиллеріи 4-й арміи, причемъ въ ихъ руки попало 18 орудій и около 500 повозокъ.

Однако, вслѣдъ за этимъ греки или отошли назадъ въ проходы Бѣласицы или прошли въ Рунельское дефиле; по крайней мѣрѣ на слѣдующій день долины Струмицы и Струмы были свободны, и нѣсколько отставшихъ повозокъ обозовъ 4-й арміи свободно прошли 28-го іюня черезъ Петричь и Крѣсенское дефиле.

Между тѣмъ отрядъ генерала Тенева, къ которому присоединилась еще шедшая за обозами сводная бригада полковника Паскалева (11-й и 51-й полки), 27-го іюня отошелъ черезъ горы къ Пехчеву, оставивъ арьергардъ на Драголева-планина.

28-го іюня 2-я армія заняла слѣдующее расположеніе:

На правомъ флангѣ 6-я дивизія съ остатками 3-й бригады 3-й дивизіи и бригадой полковника Паскалева заняли линію Біязъ-тепе—Пехчево—высота Джама, поддерживая связь съ 4-й арміей и имѣя передовыя части на линіи Гарвань-планина—высота Марось. Въ центрѣ 2-я бригада 3-й дивизіи и 1-я бригада 10-й дивизіи занимали высоты Крѣсенскаго дефиле, а дальше къ Драмѣ—пере-

Въ долинь р. Месты за эти дни они заняли Неврокопъ, Банско и Разлогу (Макомія); части же 11-й дивизіи, Серской и Драмской бригадъ отошли къ с. Якуруда и выс. Харманларъ.

10-го и 11-го іюля продолжались бои на лѣвомъ берегу Струмы, и остатки 29-го и 32-го полковъ отошли на линію Махала-Огнаръ — Бакыръ-тепе.

12-го іюля началась атака грековъ и на эти позиціи; положеніе оборонявшей ихъ горсти болгаръ становилось крайне тяжелымъ, когда подошли первыя подкрѣпленія—4 баталіона 1-го и 6-го полковъ. 2 баталіона 1-го Софійскаго полка въ развернутомъ строю, съ пѣніемъ болгарскаго гимна «Шуми Марица», атаковали противника у Махала-Огнаръ и отбросили его назадъ. Греческое наступленіе замерло.

Повидимому, греческая армія была утомлена настолько, что для нея необходимъ былъ нѣкоторый перерывъ. Поэтому она временно отказалась отъ дальнѣйшаго наступленія, и 13-го, 14-го и 15-го іюля вновь наступило затишье.

За это время къ болгарамъ подошла значительная часть 1-й арміи, и командованіе 2-й арміей принялъ генераль Кутинчевъ; къ вечеру 15-го положеніе болгаръ было таково.

Въ долинь Месты у Якуруды и Харманлара собрались части 11-й дивизіи, Серской и Драмской бригадъ; сюда же было направлено 8 баталіоновъ 9-й дивизіи. Командованіе надъ всѣми этими войсками было поручено генералу Сиракову. На лѣвомъ берегу Струмы у Бакыръ-тепе и на высотахъ Арисваница находились 29-й и 32-й полки, части 1-го и 6-го полковъ. На правомъ берегу Струмы остатки 16-го, 25-го, 41-го, 42-го и 50-го полковъ занимали линію Махала-Пресова—высота Краставъ. 6-я дивизія занимала высоту 1490, 2-я дивизія—с. Трабатѳвище, бригада полковника Паскалева—в. Чавка. Въ резервѣ у Джумаи были 63-й и 64-й полки.

16-го іюля обѣ стороны перешли въ наступленіе.

Въ долинь Месты генераль Сираковъ совершенно разбилъ грековъ, гналъ ихъ до Неврокопа и занялъ этотъ пунктъ.

Въ долинь Струмы греки, наступая по обѣимъ берегамъ рѣки, атаковали Джумаю силами около 2 дивизій. Нѣкоторыя болгарскія части не выдержали и отступили въ беспорядкѣ, такъ что собрать ихъ удалось только у Баракова. Греки заняли Болгарское Габрово.

Тогда на позиціяхъ у Джумаи была выставлена вся свободная артилерія 2-й арміи, которая до сего времени не могла дѣйстви-

вать въ горахъ, и ея огонь остановилъ дальнѣйшее наступленіе грековъ; это возстановило бой въ центрѣ.

На правомъ флангѣ 6-я дивизія была двинута въ атаку на высоту Руйень, а бригада 2-й дивизіи на высоту Занога. Атака 6-й дивизіи была неудачна. Подойдя къ почти отвѣснымъ скатамъ Руйена, солдаты откровенно заявили, что у нихъ «кракя не ворвать» (ноги не ходять). Руйень остался въ рукахъ грековъ.

Но зато подъ натискомъ 27-го полка имъ пришлось очистить высоту Занога, которая и была ночью занята болгарами. Подступы къ высотѣ Біязъ-тепе тоже перешли въ руки болгаръ.

17-го іюля генераль Сираковъ продвинулся южнѣ Неврокопа.

6-я дивизія овладѣла подступами къ высотѣ Руйень; 2-я дивизія взяла Біязъ-тепе, Пехчево, Берово, высоту Панорица и подступы къ высотамъ Кавица и 1900. Въ то же время смѣшанные части 3-й, 10-й и 1-й дивизій, 63-й и 64-й полки перешли въ наступленіе отъ Джумаи и овладѣли Болгарскимъ Габровымъ на правомъ берегу Струмы и оврагомъ р. Осеново на лѣвомъ. Четыре греческихъ дивизіи были отброшены къ юго-западу на 2-ю и 6-ю дивизію.

Въ случаѣ дальнѣйшаго успѣха болгаръ положеніе грековъ съ однимъ путемъ отступленія, обстрѣливающимся не только артиллерійскимъ, но и ружейнымъ огнемъ, легко могло стать критическимъ.

Весьма возможно, что, продолживъ свое наступленіе и 18-го іюля, болгары могли уничтожить и захватить часть греческой арміи, отомстивъ такимъ образомъ грекамъ за ихъ прежніе успѣхи, купленные дешевой цѣной. Несомнѣнно, что тогда грекамъ пришлось бы быть болѣе умѣренными въ своихъ требованіяхъ на Бухарестской конференціи. Къ несчастію для болгаръ, конференція эта уже 17-го іюля рѣшила заключить (съ 1 ч. дня 18-го іюля) перемиріе

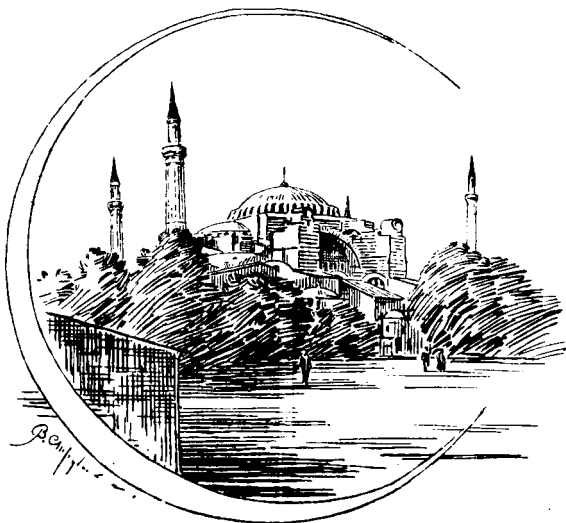
Въ 6 ч. утра 18-го іюля на болгарскіе посты поспѣшили явиться греческіе парламентары, и военныя дѣйствія были пріостановлены въ ту минуту, когда, наконецъ, на греческомъ фронтѣ военное счастье стало улыбаться болгарамъ и склоняться на ихъ сторону.

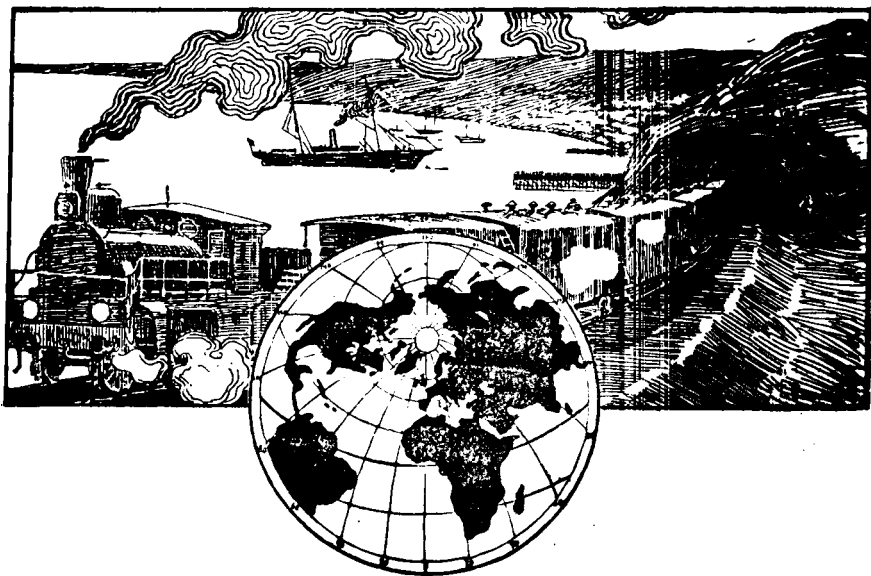
Во всякомъ случаѣ, даже тѣ отрывочныя свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій, которыя позволили составить настоящій очеркъ, говорятъ о высокой доблести болгарскаго солдата, и арьергардные бои бригадъ 3-й и 6-й дивизій со всей греческой арміей несомнѣнно должны украсить страницы военной исторіи молодой, но доблестной и близкой намъ по духу болгарской арміи.

Причины, заставившія Болгарію пойти на Бухарестскій миръ, нужно, конечно, искать не въ отсутствіи доблести у болгарскаго солдата, а въ томъ критическомъ положеніи, въ которомъ оказалась Болгарія съ минуты выступленія на сцену Румыніи, а также въ грубыхъ ошибкахъ главной квартиры, не обезпечившей надежно свой лѣвый флангъ со стороны Греціи.

Заканчивая настоящій краткій очеркъ, нельзя не признать, что болгарская и сербская арміи дали много доказательствъ высокаго воинскаго духа, живущаго въ ихъ рядахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ штыковыхъ атакъ, предпринятыхъ обѣими сторонами. Русская армія съ болью въ сердцѣ слѣдила за борьбой двухъ братскихъ народовъ, освобожденныхъ кровью ея дѣдовъ и отцовъ. Нелицепріятная исторія несомнѣнно выяснитъ непосредственныхъ виновниковъ и зачинщиковъ этой братоубійственной войны, которой закончился недолгій болгарско-сербскій союзъ, казалось сулившій обоимъ славянскимъ государствамъ блестящее будущее. Мы же пока можемъ только пожелать болгарамъ и сербамъ скорѣе залечить свои раны и выразить надежду, что рано или поздно, забывъ старыя распри и обиды, они, наконецъ, поймутъ, что, только идя рука объ руку, они перестанутъ быть игрушками въ рукахъ враговъ славянства и смогутъ осуществить свои національные идеалы.

Р. У.

Гиссарскій край.

(Очерки горной Бухары).

(Окончаніе) ¹⁾.

гонь костра, разложеннаго среди сада, освѣщаль большое пространство, за которымъ темнота, казалось, сгустилась еще больше. Шипя и загораясь на угольяхъ, капало въ огонь баранье сало жарившагося на шампурахъ пашлыкка, около котораго хлопоталъ Ахметъ, раздувая огонь широкимъ вѣромъ, сплетеннымъ изъ камыша. Постоянное пребываніе на людяхъ, слѣдящихъ за каждымъ шагомъ глазами преданной собаки, до-нельзя утомляло; какъ-то невольно захотѣлось побыть одному у себя въ четырехъ стѣнахъ, внѣ наблюденія окружающихъ. Я уже подумывалъ приказать перенести свои вещи въ одно изъ помѣщеній сакли, какъ гдѣ-то вдали послышались голоса, сопровождаемые топотомъ конныхъ быстро идущихъ иноходью лошадей.

— Урусъ ѣдетъ, тюра, кивнулъ головою хозяинъ, сидѣвшій около костра и внимательно, не мигая, наблюдавшій за каждымъ моимъ движеніемъ.

Мечта остаться одному исчезла, и я уже обрадовался возмож-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 9.

ности повидать русскаго путника, волею судьбы и начальства заброшеннаго въ эту безпросвѣтную глушь Гиссарскаго края.

— Какой урусь, куда онъ ѣдетъ?

— Не знаю, тюра, полканъ-урусь два дня пріѣхалъ. Днем спитъ, ночью въ трубу смотритъ, звѣзды считаетъ, сколько ихъ есть на небѣ.

Заинтересовавшись таинственнымъ звѣздохетомъ, я съ нетерпѣніемъ сталъ всматриваться въ темноту. Лай собакъ, съ ожесточеніемъ бросившихся на проѣзжавшихъ, звонко разносился по окрестностямъ. Нѣсколько мягкихъ гортанныхъ голосовъ какъ будто служили акомпаниментомъ внушительному командирскому баритону, что-то говорившему. Еще нѣсколько минутъ и на краю освѣщеннаго пространства остановилась группа конныхъ, среди которыхъ виднѣлась внушительная фигура старика полковника З., извѣстнаго астронома и геодезиста. Расправляя свои длинные сѣдые усы, онъ всматривался въ открывавшуюся передъ нимъ картину, видимо не узнавая меня.

— Кто здѣсь пріѣхалъ? сердитымъ тономъ уставшаго человѣка спросилъ онъ.

— Полковникъ изъ Сарая, предупредительно подскочилъ къ нему джигить.

— А, это вы, Д. Н.? Вотъ счастливая встрѣча! обрадовался З., слѣзая съ лошади. Радъ васъ видѣть. Какимъ это вѣтромъ васъ занесло? Не чайль, не гадалъ здѣсь своего встрѣтить.

Въ свою очередь я очень обрадовался З., съ которымъ судьба не разъ насъ сводила въ разныхъ пунктахъ Средней Азіи.

— Какъ разъ къ ужину подѣхали, отвѣтилъ я, пожимая руку этого симпатичнаго человѣка, прожившаго у меня въ Сараѣ (года два тому назадъ) нѣсколько дней. Отлично вмѣстѣ закусимъ. Есть консервы, шашлыкъ и пилау.

— Да и у меня есть кое-какіе запасы. Хотя я и рассчитывалъ добраться до Дюшамбе, но теперь охотно перекушу, поболтаю съ вами и, разумѣется, останусь здѣсь на ночлегъ, сдѣлавъ предварительно свои наблюденія, добавилъ З., вынимая изъ кожанаго чехла какой-то ящикъ съ оказавшимся въ немъ астрономическимъ инструментомъ, тотчасъ же водвореннымъ на поданный казакомъ треножникъ, и повѣсивъ тутъ же на стѣнкѣ нѣсколько хронометровъ. Начавъ тотчасъ же наблюденія, полковникъ, какъ вьюнь, вертѣлся между своей трубой и записной книжкой, положенной на табуретку, съ поставленнымъ около кибитки огаркомъ свѣчки въ стеклянномъ фонарѣ, скупо дававшимъ свѣтъ. Отсчитывая какіе-то

углы и бормоча цифры, З. записывалъ ихъ въ книжку и затѣмъ снова бросался къ трубѣ.

— Видите ли, какъ разъ время, и потому нельзя ни одной минуты пропустить, скороговоркой сообщалъ онъ мнѣ, изрѣдка отрываясь отъ работы. Днемъ же всегда уже всѣ выкладки и вычисления заканчиваю.

Добрый часъ прошелъ, пока увлекшійся своими цифрами ученый вспомнилъ о необходимости подкрѣпитесь, закрылъ свою книжку; затѣмъ, осторожно снявъ инструментъ, спряталъ его снова въ ящикъ.

— Теперь будемъ ужинать... весело подошелъ онъ ко мнѣ, присаживаясь на кошмѣ и, вытянувшись, подложилъ подъ бокъ небольшую сѣдельную подушку. Отличный знатокъ края, прослужившій въ немъ почти сорокъ лѣтъ, З. былъ его живой исторіей, помня всѣ событія и людей, прошедшихъ передъ глазами за время его долгой службы. Личное знакомство съ большинствомъ средне-азиатскихъ дѣятелей дѣлало его рассказы особенно пѣнными и интересными. Живыя, яркія характеристики во весь ростъ обрисовывали сошедшихъ со сцены лицъ. Они казались живыми въ мастерской обрисовкѣ рассказчика. Генераль-губернаторы, политическіе агенты и всякія прикосновенныя къ Бухарѣ лица смѣнялись въ огромномъ калейдоскопѣ.

— Эхъ, жаль, времени нѣтъ, да и перомъ не владѣю, вздохнулъ старикъ съ сожалѣніемъ на мое замѣчаніе, что такъ много интереснаго не попадаетъ въ печать. Мало ужъ насъ осталось, старыхъ туркестанцевъ, что съ самаго завоеванія въ краѣ живутъ. Больше теперь сюда попадаютъ гастролеры на три года, а потомъ удираютъ обратно, получая высшее назначеніе въ Европейской Россіи. Прежде какъ то больше привязывались къ краю и пзъ такихъ офицеровъ и чиновниковъ вырабатывался симпатичный типъ степняка — стараго туркестанца. И отношенія въ Бухарѣ были другія. Позднѣе иное направленіе появилось: пріѣхали, получили что нужно и назадъ. А въ бухарскихъ дѣлахъ прямо грустныя картинки встрѣчались...

— Да неужели всѣ такъ? удивился я.

— Ну, конечно, были хорошіе честные люди, но все таки тонъ былъ данъ В.; съ его легкой руки и пошло. Слишкомъ ужъ беззащѣнно работала состоявшая при немъ, трудно сказать въ качествѣ чего, знаменитая въ исторіи Туркестана, миссъ-Хоръ, та самая, о которой шутники сложили:

«Въ славномъ городѣ Ташкентѣ
 Проживаетъ мистрисъ-Хоръ
 Человѣкъ—иль обезьяна,
 Неизвѣстно до сихъ поръ».

Самъ В. дѣлами занимался мало, а она распоряжалась, какъ хотѣла. Бывало подарковъ отъ эмира раза три въ годъ столько привозили, что въ пріемной генерала она потомъ базаръ, вродѣ дешевки, устраивала. И въ тоже время мой пріятель, покойный кашгарскій консулъ, Н. Петровскій, всегда клятвенно увѣрялъ, что каждая бумага, касавшаяся нашихъ дѣлъ въ Средней Азіи, черезъ самое короткое время дѣлалась извѣстною въ Лондонѣ.

— Напортила за это время много, сердито почти крикнулъ З. И это послѣ того періода, когда нашъ престижъ стоялъ среди мусульманъ такъ высоко, благодаря П. И. Лессару! Вѣдь, посудите сами, когда полковникъ Громбчевскій въ 1890 г., во время своего путешествія, попалъ въ Кунжутъ, то кунжутцы просили его о пріятіи въ русское подданство. А знаменитый Юнгенсбендъ, посѣтивъ за нимъ слѣдомъ Кунжутъ, при передачѣ хану кунжутскому приглашенія англійскаго правительства посѣтить Индію, услышалъ отъ хана совершенно неожиданно такой отвѣтъ:

«Мой покровитель—Великій Императоръ Александръ III—и я, мы въ Индію не ѣздимъ».

Но мы не поддержали этого движенія въ пользу Россіи, и въ возмездіе за такія дерзкія рѣчи англійскій подполковникъ Дюранъ въ 1891 г. занялъ всю страну, низложивъ дерзкаго хана...

За разговорами мы не замѣтили, какъ прошло время; часъ ужъ былъ поздній. Сидя на кошмѣ, я уже давно чувствовалъ сильный зудъ на всемъ тѣлѣ, но, заслушавшись интереснымъ разговоромъ, не обращалъ на это вниманія. Теперь же, при свѣтѣ вспыхнувшей спички, я къ своему ужасу увидѣлъ, что все платье мое было покрыто громаднымъ количествомъ блохъ, весело гурьбою прыгавшихъ по всѣмъ направленіямъ.

— Посмотрите, полковникъ, вѣдь насъ здѣсь буквально живьемъ съѣдятъ, вскочилъ я моментально на ноги, начавъ отряхиваться.

— Кто съѣстъ? удивился старикъ, раскуривая толстую папиросу и видимо находясь самъ подъ впечатлѣніемъ своихъ воспоминаній о далекомъ прошломъ.

— Блохи. Вѣдь ихъ здѣсь тысячи, сообщилъ я, снимая китель.

— Это скверно, задумчиво отвѣтилъ З. Дѣйствительно я отъ кого то слышалъ, что здѣсь ихъ въ лѣтнее время очень много, но не подозревалъ увидѣть такое количество.

Встряхнувъ всё свои вещи, мы устроились на плоской крышѣ сарая, но и здѣсь вся ночь прошла въ непрерывной борьбѣ съ злыми насѣкомыми. Лишь подѣ утро, совершенно измученные, мы заснули тяжелымъ сномъ на самое короткое время.

Глава VI.

Дожди.—Отношеніе мусульманскаго духовенства.—Веселый домъ.

Огромное количество воды, приносимое рѣками Сурханомъ, Каферниганомъ и ихъ многочисленными притоками, разливающимися по всей равнинѣ, образуя массу заболоченныхъ пространствъ, и буквально тропическіе ливни, выпадающіе въ лѣтнее время въ Гиссарской долинѣ, въ связи съ жаркою температурою, способствуютъ тому, что во всемъ Гиссарскомъ краѣ особенно многочисленны всевозможныхъ видовъ насѣкомыя, рождающіяся вслѣдствіе обильныхъ испареній въ несмѣтномъ количествѣ. Блохи, комары, скорпионы, тарантулы, фаланги являются положительно бичемъ для населенія, которое за эти мѣсяцы обыкновенно оставляетъ свои кишлаки и города и переселяется на возвышенности, въ горы, на лѣтовки, вмѣстѣ со своими стадами.

И тогда весь этотъ населенный край какъ будто вымираетъ, имѣя видъ полнаго запустѣнія. Всѣ улицы Гиссара и кишлаковъ заростають колосальныхъ размѣровъ травами и бурьяномъ, закрывающими совершенно всадника.

Змѣи, сколопендры, полозы и ящерицы, выползающіе изъ всѣхъ норъ, остаются долгое время хозяевами садовъ, до времени созрѣванія фруктовъ, когда, по необходимости, лишь небольшая часть людей возвращается (переживая невзгоды) заниматься сборомъ и сушкою фруктовъ, устраивая на это время высокіе помосты на столбахъ, чтобы хоть немного предохранить себя отъ нападеній безчисленныхъ враговъ.

Плохо выспавшіеся, съ до крови расчесанными тѣлами, поднялись мы утромъ, съ тяжелыми головами. Настроеніе было отвратительное. Наскоро проглотивъ по стакану чая, мы тотчасъ же двинулись дальше, вспоминая ужасную ночь, проведенную въ этомъ кишлакѣ. Небо было покрыто темными тучами, низко нависшими надъ землей, и какъ будто бы для того, чтобы мы испытали всё прелести жизни этихъ мѣсть въ лѣтнее время, застучали по землѣ крупныя капли дождя и затѣмъ дождь хлынулъ, какъ изъ ведра. Едва успѣвъ накинуть на плечи бурку и надѣвъ на голову башлыкъ,

мы ѣхали, окруженные густою стѣною дождя, черезъ которую положительно ничего не было видно. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ вездѣ вокругъ образовались цѣлыя озера, по которымъ, разбрасывая брызги и грязь, медленно шли наши лошади.

Арыки, наполнившіеся до верха, съ шумомъ несли массу воды, выливавшуюся черезъ берега, а тропинка, протоптанная глубоко въ землѣ, превратилась въ широкій быстрый потокъ, по которому неслись клячья грязной пѣны, сухой бурьянъ и какіе-то корни.

Разговоры сами собою прекратились, и мы ѣхали молча, прислушиваясь къ страшнымъ раскатамъ грома, какъ будто сотрясавшаго всѣ окрестныя горы. Длинные яркіе зигзаги молній разсѣкали темныя тучи и, вспыхивая ослѣпительнымъ блескомъ въ одной сторонѣ неба, протягивались до конца горизонта, освѣщая на мгновение верхушки горъ. Иногда казалось, что молнія ударяла въ землю гдѣ то совсѣмъ близко. Лошади пугливо храпѣли и шли крайне неохотно. Скопленіе электричества было огромно, и рѣдко кому удавалось видѣть такую грандіозную картину, которая открывалась передъ нашими глазами. Съ насъ вода стекала ручьями и бурка, намкнувъ, сильно тянула плечи. Закутавшись въ желтые суконные халаты, надѣтые сверхъ обыкновенныхъ, нукеры и джигиты плелись также понуро, прекративъ обычные разговоры. Со всѣхъ сторонъ виднѣлась (лишь на близкомъ разстояніи) густая растительность небольшихъ кишлаковъ, густо покрывающихъ равнину, всю изрѣзанную арыками, орошающими обработанныя поля.

Увязая въ топкой почвѣ, мы ѣхали со скоростью 3—4 версты въ часъ и поэтому лишь къ обѣду прошли небольшое разстояніе, 18—20 версты, до Дюшамбе, гдѣ я и не рассчитывалъ останавливаться, но волей неволей приходилось заѣхать, чтобы переждать разыгравшуюся непогоду подъ кровомъ и, хорошенько обсушившись, привести свой багажъ въ порядокъ передъ труднымъ путешествіемъ въ горахъ по рѣкѣ Варзобъ-Даръѣ, составляющей одинъ изъ главныхъ притоковъ рѣки Кафернигана.

Измокшіе, усталые, мы слѣзли съ лошадей во дворѣ амляклара, и тотчасъ же въ помѣщеніи около желѣзной печи, разогрѣтой почти до красна, началась сушка платья и вещей. День тянулся страшно долго. Дождь лилъ не переставая; въ комнатѣ было душно, не смотря на раскрытыя на террасу три двери. Побесѣдовавъ съ амлякдаромъ, пообѣдавъ и еще разъ выпавшись, мы чувствовали себя какъ будто арестованными. Ритмическій стукъ дождя навѣвалъ какую то тоску, а невозможность двинуться дальше крайне непри-

ятно дѣйствовала на настроеніе. Юркій татаринъ, переводчикъ Гиссарскаго бека, изъ силъ выбился, стараясь услужить и хоть чѣмъ нибудь оживить однообразіе длиннаго дня.

— Можетъ быть полковникъ хочетъ съ муллою поговорить? Очень интересно. Древній старикъ.

— Ну, хорошо: зовите муллу, согласились мы, и черезъ нѣсколько минутъ къ намъ входилъ красивый старикъ съ серебряною бородой и бирюзовыми, будто выцвѣтшими, добрыми глазами.

— Селямъ алейкюмъ. Радъ въ добромъ здоровьи видѣть знатныхъ урусовъ, сказалъ онъ, неловко садясь на предложенный стулъ.

— Не можетъ ли почтенный имамъ намъ что либо рассказать о здѣшнихъ мѣстахъ?

— Нѣтъ, тюра, я человекъ новый въ городѣ. Приѣхалъ съ амлякдаромъ моимъ родственникомъ и ничего не знаю. Вся жизнь прошла въ чтеніи писанія и молитвахъ Всемогущему и Его пророку. Служилъ людямъ, чѣмъ могъ, но теперь уже становлюсь старъ и все забываю, я скорблю лишь о томъ, что люди враждуютъ постоянно между собой.

— Но развѣ это не должно быть? Вѣдь по закону правовѣрные должны относиться со враждою къ невѣрнымъ? спросилъ я, желая услышать мнѣніе представителя духовенства этихъ дальнихъ мѣстъ.

— Нѣтъ, тюра, это не такъ. Великій пророкъ сказалъ совершенно иныя слова.

«Скажи: мы вѣруемъ въ Бога и въ то, что Онъ послалъ намъ, въ то, что Онъ открылъ Аврааму, Измаилу, Іакову и двѣнадцати колѣнамъ; мы вѣруемъ въ святыя книги, которыя Моисей, Иисусъ и пророки получили съ неба; мы не дѣлаемъ между ними никакой разницы»²⁾. Какъ видишь, онъ не раздѣляетъ людей по ихъ вѣрѣ. Всѣ имѣющіе писаніе для него одинаковы. Пусть проститъ тюра стараго человекъ, мнѣ нужно идти молиться, заторопился имамъ, прощаясь.

Мы просидѣли нѣсколько минутъ молча, обдумывая сказанное, и только что хотѣли подвергнуть вопросъ обсужденію, какъ переводчикъ вновь уже выросъ передъ нами и, видимо желая во что бы то ни стало насъ развеселить, выступилъ съ новымъ предложеніемъ.

— Можетъ быть господа хотятъ посмотрѣть нашихъ джелябъ³⁾?

— Джелябъ? удивился не понимавшій по узбекски З. Что это такое?

²⁾ Коранъ. Глава 3, стихъ 78.

³⁾ Публичная женщина

— Джелабъ это веселыя дѣвушки для всѣхъ людей, пояснилъ татаринъ, и тутъ же для ясности перевелъ ихъ цензурное названіе, существующее на русскомъ языкѣ.

З. вначалѣ возмутился, но затѣмъ быстро успокоился.

— Что же, давайте, пожалуй, посмотримъ, нерѣшительно сказалъ онъ, немного конфузясь. Вѣдь такъ только; хотя какъ то мнѣ на старости лѣтъ и неловко, но я съ этимъ совершенно не знакомъ.

Я также изъявилъ согласіе, рассчитывая познакомиться съ новыми для меня картинками туземной жизни.

Накинувъ бурки на плечи и увязая по размокнувшей почвѣ, мы двинулись по узкимъ улицамъ города за нашимъ проводникомъ, все время предупредительно указывавшимъ каждую лужу и яму.

— Нехорошій городъ; нашъ Гиссаръ лучше, выражалъ онъ свое презрѣніе къ Дюшамбе, забывая совершенно, что Гиссарскія улицы ничѣмъ, въ сущности, кромѣ ширины, не отличаются отъ Дюшамбскихъ.

— Теперъ близко, сейчасъ придемъ. Онъ остановился, наконецъ, около высокихъ воротъ и, взявъ валявшуюся на землѣ палку, началъ съ ожесточеніемъ стучать ею по доскамъ.

Подозрительнаго вида пожилой узбекъ выглянулъ изъ калитки и, увидѣвъ насъ, остановился въ нерѣшительности.

— Скажи своимъ бабамъ, что русскіе тюры къ нимъ въ гости пришли, да живѣе поворачивайся, строго приказалъ переводчикъ и сейчасъ же, обратившись къ намъ, добавилъ: а, господа, можетъ быть пока мечеть посмотреть.

Это странное сочетаніи божественнаго и грѣховнаго заставило насъ расхохотаться.

— Что же, пойдете смотрѣть мечеть, рѣшилъ З. Лучше, чѣмъ стоять подъ дождемъ.

Сѣрая постройка старинной мечети съ небольшимъ дворикомъ, заросшимъ деревьями, была типичнѣйшей постройкою, не отличаясь ничѣмъ отъ всѣхъ старыхъ мечетей ханства. Полутемное помѣщеніе съ почернѣвшими куполами и изгрызенными временемъ стѣнами, было мрачно и непривѣтливо. Старыя кошмы и циновки покрывали полъ. Домъ молитвъ производилъ впечатлѣніе какого-то запустѣнія.

Видимо, когда-то, въ лучшія времена, куполь внутри былъ украшенъ лѣпною работою, но съ производствомъ позднѣйшихъ поправокъ, вся лѣпка была замазана ровнымъ слоемъ алебаstra, и лишь кое-гдѣ выдѣлялись слѣды какого-то орнамента и надписи.

Съ одной стороны виднѣлось нѣсколько бунчуковъ съ конскими хвостами, поставленныхъ около ниши, да бронзовый древней формы высокій свѣтильникъ, покрытый огромнымъ слоемъ сала и масла, указывали, что здѣсь находится могила какого-либо уважаемаго населеніемъ святого.

— Какъ плохо здѣсь смотрятъ за мечетью. Это не то, что наши церкви, замѣтилъ я, нарушая молчаніе.

— Это лишнее, тюра, неожиданно прозвучалъ сзади насъ чей-то голосъ, обернувшись на который, мы увидѣли стараго узбека съ ястребинымъ носомъ и хищными, какъ у птицы, глазами.

— Для Аллаха не нужно помѣщеніе—молитву ему можно совершать въ каждомъ мѣстѣ, продолжалъ онъ, непріязненно глядя на насъ. А мечеть служить должна лишь для собранія правовѣрныхъ и укрытія ихъ отъ солнечныхъ лучей и непогоды. Урусы, какъ идолопоклонники, забывшіе писаніе пророка Исы, этого понять не могутъ, уже уходя, добавилъ онъ, еще разъ окинувъ насъ враждебнымъ взглядомъ.

— Глупый человѣкъ, засуетился переводчикъ, чтобы разсѣять невыгодное впечатлѣніе... Онъ русскихъ не любитъ, этотъ человѣкъ. Пусть господа не обращаютъ вниманія на его слова. А теперь можно уже идти и къ джелябъ, неожиданно перевелъ онъ разговоръ съ непріятной темы.

Перейдя улицу, мы черезъ маленькую калитку вошли на небольшой дворъ, окруженный широкими террасами.

Высокая, полная старуха, одѣтая въ шелковый халатъ, и прежній узбекъ съ почтительными поклонами встрѣтили насъ при входѣ.

— Прощу тюрей подъ нашу кровлю, привѣтливо обратилась къ намъ старуха, указывая на двери внутрь одного изъ помѣщеній. Мои дѣвушки рады служить дорогимъ гостямъ, указала она на двухъ женщинъ, сидѣвшихъ и слегка привставшихъ при нашемъ входѣ.

Довольно большая комната съ поломъ, застланнымъ полосами яркихъ цвѣтовъ, и стѣнами, увѣшанными коврами и вышивками, имѣла видъ довольно нарядный. На коврѣ около низенькаго столика, на которомъ поставлены были различныя сласти, сидѣли мѣстныя очаровательницы.

Одна изъ нихъ высокаго роста, стройная, худошавая, съ бѣлымъ красивымъ лицомъ и бархатными огромными глазами, была очень красива въ своемъ ярко красномъ халатѣ, увѣшанномъ серебря-

ными украшеніями; другая съ грубыми чертами и косыми глазами, толстая, неповоротливая, являлась типичной киргизкой.

Нѣсколько человѣкъ мѣстныхъ купцовъ сидѣли тутъ же по стѣнамъ, вставъ при нашемъ входѣ и отвѣсивъ почтительные поклоны.

Мы присѣли невдалекѣ около стѣны, попросивъ всѣхъ садиться. Почти сейчасъ же намъ подали чайники зеленого чая и поставили передъ нами нѣсколько тарелокъ съ мѣстными сладостями.

— Это все хушторы (поклонники) вотъ той Анаргуль, гранатовый цвѣтокъ, какъ ее называютъ, сказалъ переводчикъ. Многіе здѣсь почти весь день проводятъ. Въ другихъ помѣщеніяхъ еще есть джелябъ, но тѣ не такъ красивы и поэтому дешевыя и меньше подарковъ отъ людей получаютъ.

— Можетъ быть тюра желаетъ послушать, какъ Анаргуль поетъ? спросила старуха, прислушивась къ словамъ переводчика.

Мы изъявили согласіе.

Анаргуль, посмотрѣвъ на насъ искоса своими красивыми глазами, протянула руку и взяла лежавшій около нея инструментъ съ четырьмя струнами и длиннымъ грифомъ, носящій названіе дутаръ (гитара), и, взявъ нѣсколько дребезжащихъ аккордовъ, довольно пріятнымъ груднымъ голосомъ запѣла какую-то веселую пѣсню съ однообразными припѣвами, бросая порою кокетливые взгляды то въ нашу сторону, то на сидѣвшихъ у противоположной стѣны туземцевъ, восторженными восклицаніями сопровождавшихъ ее пѣніе.

Присѣвъ невдалекѣ отъ насъ, старуха то предлагала намъ чай, то подвигала ближе сласти.

— Не правда ли, тюра, моя Анаргуль поетъ, какъ птичка? съ гордостью замѣтила она, когда пѣсня была окончена.

— Почему ханумъ называетъ ее своей?

— Да вѣдь Анаргуль моя дочка, снова заговорила старуха: я ее здѣсь родила и выходила, когда сама молодой и красивой джелябъ была. Только не знаю, который изъ баевъ (что у меня чайхурами были) ей отцомъ приходится, размѣялась она. Всѣ отцами считаются.

— Развѣ такъ хорошо быть джелябъ? спросилъ я, рассматривая Анаргуль.

— Да, тюра, жизнь свободная, веселая—сама себѣ госпожа. Что хочеть дѣлаетъ. Съ кѣмъ хочеть идетъ. Не надо лица закрывать, когда среди людей ходишь. Лишь требуется, чтобы въ

мужскомъ халатѣ на улицу выходила. А замужней женщинѣ плохо. Сиди взаперти всю жизнь, не имѣй своей воли и никакого желанія не можешь исполнить безъ согласія мужа. Теперь, пока молодая, всѣ все для нея дѣлають, подарки носятъ, разговоры пріятные говорятъ, а она наряжается, играетъ на дутарѣ и поетъ—потому что на душѣ весело...

Заглянувъ въ другія помѣщенія, гдѣ встрѣтились такія же точно картины, и прослушавъ еще нѣсколько пѣсенъ, я, давъ денегъ, послалъ за пивомъ, конфектами и папиросами.

Старуха, разсыпавшись въ благодарностяхъ, сдѣлалась еще болѣе привѣтливой и, присѣвъ около насъ, приказала что-то одному изъ прислуживавшихъ мужчинъ, и черезъ нѣсколько минутъ появились блюда дымящагося плова.

Принесенное пиво и бутылка еврейской водки, разлитые по стаканамъ, развязали языки и уничтожили окончательно нѣкоторую принужденность. Разговоры сдѣлались громче. Струны дутаря звенѣли, а пѣсня смѣняла пѣсню. Глядя на насъ своими красивыми, съ отбѣнкомъ суровости, глазами, хозяйка порою кидала ласковые взгляды на свою красавицу дочь, видимо, постоянно любуясь ею.

— Ты удивляешься, тюра, что я и моя дочь и другія промѣняли жизнь замужемъ, на эту—веселую? Если хочешь, я тебѣ расскажу, какъ я ее начала.

Родилась я въ хорошей семьѣ, богатой, невдалекѣ отъ Гиссара. Отецъ мой былъ мингъ-баши и имѣлъ стада, лошадей, пашни и дворы. Однѣхъ кибитокъ больше десяти. И росли мы съ сестрами, какъ степной цвѣтокъ весной, въ полномъ довольствѣ, не зная ни печали, ни заботъ. Какъ горныя козочки рѣзвились мы около нашихъ кибитокъ, получая подарки и ласки отца, очень любившаго своихъ маленькихъ козъ. Цвѣтныя ленты, бусы, серебряныя украшенія, разныя пахучія мыла дарилъ онъ мнѣ, какъ старшей, превращавшейся изъ дѣвочки въ молодую дѣвушку.

Заплетя свои волосы въ мелкія косы и нарядившись въ лучшее платье, видѣла я лишь нашихъ близкихъ родственниковъ, женщины которыхъ приходили къ матери и другимъ женамъ отца. Ъли конфекты, пили чай, пѣли пѣсни. Мать моего отца давно умерла и моя мать, какъ первая жена, была старшею среди женщинъ. И въ этомъ было счастье всей семьи, о чемъ я узнала лишь впоследствіи.

Въ двѣнадцать лѣтъ я была высокая, красивая, вся такая же, какъ моя Анаргуль, а осенью моя мать сказала мнѣ, что отецъ

отдаетъ меня въ жены сыну стараго купца Назарь-бая изъ Регара. Послѣ уразы былъ нашъ нисахъ, и я переѣхала въ домъ моего мужа въ Регаръ; съ этого времени кончились мои веселые дни, а началась моя тяжелая жизнь.

Нельзя уже было бѣгать свободно по степи, любуясь и играя съ тюльпанами, колокольчиками и срывая пышные махровые маки. Видъ горныхъ ущелій, покрытыхъ лѣсами, и снѣговья горы и солнечный закатъ, которыми я любовалась прежде, для меня были закрыты высокими стѣнами нашего дворика. Веселый звонъ ручьевъ и стрекотаніе кузнечиковъ смѣнились тишиною и криками двухъ старшихъ женъ моего мужа.

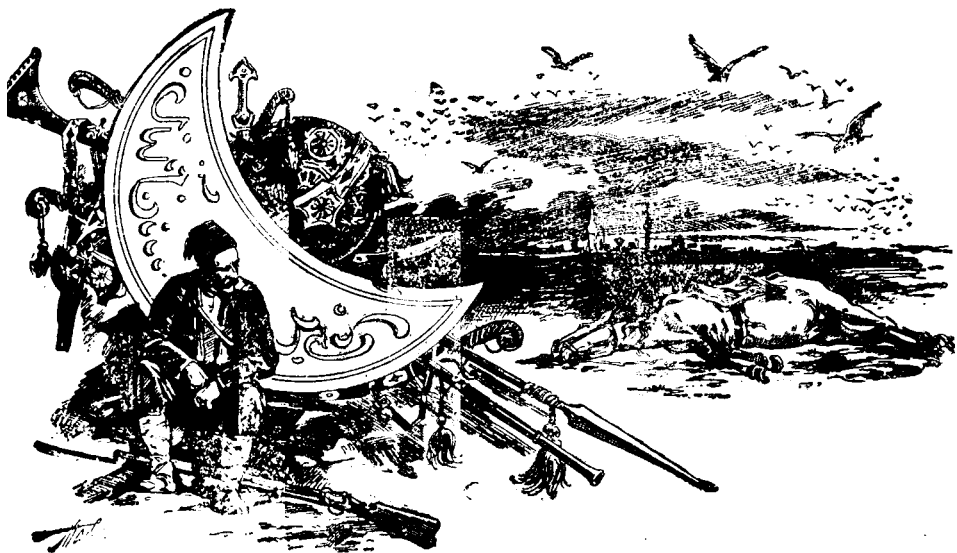
Меня давили темныя стѣны дома, хотѣлось снова видѣть просторъ полей, слышать пѣніе жаворонковъ, чувствовать ласки матери, звонкимъ голосомъ перекликаться съ моими сестрами... А мужъ мой, занятый цѣлый день въ своей лавкѣ торговлею, приходя лишь вечеромъ, совсѣмъ не говорилъ со мною, лишь лаская мое юное тѣло и не заглядывая въ мою душу. Не могли старшія жены спокойно видѣть, какъ нашъ господинъ чаще бросалъ взглядъ на меня, младшую, чаще приносилъ мнѣ конфеты, подарки. Стали онѣ вдвоемъ мучить меня, заставляя выполнять всякую работу въ домѣ; щипали, рвали волосы, бранили, и я, лишь уйдя въ свое помѣщеніе, орошала подушку слезами. Жаловаться мужу боялась—сказали, что сживуть со свѣта, если ему что скажу. Не давали мнѣ ѣсть; безъ мужа я голодала часто. Къ концу же года, видя, что я не беременна, рѣшили меня извести, для чего подсыпали какого то зелья въ пищу, и я стала сильно болѣть. Тогда и мужъ охладѣлъ ко мнѣ, и началась такая жизнь, что я просила и молила Аллаха послать ко мнѣ Азраила скорѣе, чтобы принять мою измученную душу. И часъ воли Аллаха насталъ, но не такъ, какъ я ожидала: на байгѣ, упавъ съ лошади, убился мой мужъ, а я осталась вдовою.

Ты, тюрка, самъ видишь, что я, получивъ избавленіе отъ мукъ, не захотѣла начать снова ту же жизнь въ домѣ другого мужа; хотя отецъ и хотѣлъ меня отдать другому. Я выбрала себѣ жизнь, сдѣлавшись джелябъ. Жаль мнѣ было заставить Анаргуль испытать тѣ же муки. Живемъ мы съ ней въ довольствѣ и на свободѣ.

Между тѣмъ посѣтители прибывали и, усаживаясь, принимались за чаепитіе. Общая картина давала впечатлѣніе, что мы находимся въ какомъ то своеобразномъ туземномъ клубѣ.

Д. Логофетъ.

СТРАНА ЛЬВА И СОЛНЦА.

(Продолженіе *)

КОЧЕВНИКИ.

Провинція населена также и кочевниками, главнымъ образомъ курдами ³⁷⁾. Въ западной части Керманшахана живутъ еще арабы, которые въ Персіи называются «Бедуи» ³⁸⁾.

Сказать съ полною достовѣрностью, сколько въ провинціи кочевниковъ, очень трудно. Прежде всего, наиболѣе необузданные изъ всѣхъ племенъ—пограничные курды—занимаются грабежомъ и постоянно переходятъ изъ Турціи въ Персію и обратно, желая уклониться отъ наказанія. Во вторыхъ, курдовъ считали очень давно, да и тѣ, кто дѣлали «шахшемару», т.-е. шахскій счетъ, для установленія размѣра маліата, имѣли цѣлью уменьшить настоящую численность, дабы соблюсти личныя выгоды. Во всякомъ

*) См. «Военный Сборникъ» № 9.

³⁷⁾ Подробный очеркъ жизни курдовъ см. Извѣстія штаба Кавказскаго военнаго округа 1911 г., № 33. Страна Льва и Солнца: Арделянъ или Перс. Курдистанъ.

³⁸⁾ Максимовичъ-Васильковскій, т. II, стр. 650.

случаѣ, цифры этой переписи все же могутъ служить отправною точкою для приводимыхъ ниже данныхъ, доставленныхъ персидскими рекогносцерами.

Всего въ Керманшаханѣ, за исключеніемъ области Кенгеверъ, персы насчитываютъ 27.300 семействъ или дымовъ, что составляетъ около 165.000 душъ. Цифра эта очень подходитъ къ численію Керзона (24.600 семействъ), а потому можетъ быть признана близкою къ дѣйствительности.

Все подвижное населеніе дѣлится на кочевниковъ, въ *чистомъ смыслѣ слова*, и на *полукочевниковъ*, которые на лѣто угоняютъ свой скотъ въ горы, а въ мѣстахъ зимовокъ возводятъ себѣ постоянныя жилища и занимаются земледѣліемъ, являющимся однако только подспорьемъ къ ихъ хозяйству.

Курды дѣлятся на племена (иль), вѣтви (таифе), развѣтвленія (тирѣ), роды и, наконецъ, семейства. Во главѣ cadaго изъ этихъ подраздѣленій стоятъ родовые начальники съ титулами: ильбеги, ханъ, тушманъ, бекъ, ага и др., получающіе свою власть по наслѣдству отъ родителей. У нѣкоторыхъ курдовъ сохранилось еще демократическое начало, выражающееся въ подчиненіи начальниковъ народному собранію. Однако, въ большинствѣ случаевъ, власть собранія захвачена начальниками. Это не мѣшаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ жизни собираться выборнымъ отъ разныхъ племенъ для обсужденія общихъ дѣлъ. Но на такія собесѣдованія слѣдуетъ смотрѣть, какъ на собранія старѣйшинъ.

Въ зависимости отъ подвижности, храбрости, числительности, богатства, недоступности своего мѣстожителства, курдскія племена болѣе или менѣе зависимы отъ персидскаго правительства, или вѣрнѣе отъ мѣстнаго губернатора. Впрочемъ, послѣдній (во избѣжаніе хлопотъ и непріятностей) старается возможно меньше вмѣшиваться во внутренніе распорядки кочевниковъ. Главная его обязанность собирать съ нихъ маліать для шаха и дохода для себя, а также слѣдить, чтобы племена выставляли положенное число войсковыхъ частей или сарбазовъ.

Хотя въ настоящее время кочевники и отличаются меньшею самостоятельностью и непокорностью, но они все же стараются обманывать губернатора, уменьшая свою числительность, уклоняются отъ воинской повинности, разбойничаютъ и часто не исполняютъ распоряженій правительства. Въ этихъ случаяхъ губернаторы, для поддержанія престижа, послѣ долгихъ переговоровъ, прибѣгаютъ къ репрессіямъ.

Юношески свѣжія и нетронутыя природныя качества курдовъ крайне противоположны чертамъ остального населенія страны. Рыцарство (въ лучшемъ смыслѣ слова) лежитъ въ основаніи ихъ убѣжденій и дѣйствій. Если они и признають разбой, какъ необходимое дѣйствіе на чужой территоріи, то на ихъ землѣ даже самый заклятый врагъ находится въ полной безопасности. Онъ пользуется ихъ гостепрѣимствомъ и его честь связана съ честью племени. Даже попытка платы за гостепрѣимство считается оскорбленіемъ. Правда, кочевникъ принимаетъ подарокъ, но сейчасъ же спѣшитъ дать отвѣтный даръ. Двери его дома открыты для всякаго и, чѣмъ чужестранецъ больше ѣсть его хлѣба, тѣмъ большимъ уваженіемъ пользуется. Дружба курда продолжительна и искренна. Его слово вѣрно, а дѣйствія прямы и честны.

Женская нравственность и честь стоятъ очень высоко. Женщина пользуется во многихъ случаяхъ равноправіемъ; многоженство и затворничество ей неизвѣстны. Нерѣдко случается, что курдскія женщины сопровождаютъ мужей въ походы и участвуютъ даже въ бояхъ.

Уваженіе къ старшимъ и родителямъ стоитъ очень высоко. Не менѣе соблюдается и племенная солидарность. Если случится какая нибудь несправедливость, то всѣ готовы ее загладить, спѣшатъ отвѣтить за злодѣяніе, совершенное родичемъ. Отсюда вытекають кровавыя распри между племенами, продолжающіяся между многими поколѣніями. Причинами кровавой мести служатъ женщины, чаще убійства и разбои. Каждый сочленъ обиженнаго племени обязанъ отомстить на комъ нибудь изъ обидчиковъ. Если это удалось, то развивается новая причина распри, и право мести переходитъ къ тому племени, которое потерпѣло послѣднимъ. И такъ безъ конца, пока взаимное избіеніе не окончится общимъ побоемъ. Враждебныя отношенія могутъ быть прекращены на нѣкоторый промежутокъ времени, но, по истеченіи срока перемирія, снова продолжаютъся. Каждый храбрый считаетъ для себя позоромъ обратиться за помощью противъ врага къ родовому начальнику, а еще хуже къ персидской власти. Если обиженный считаетъ себя слишкомъ слабымъ для мести, то удаляется съ пути врага, такъ какъ встрѣтиться съ нимъ и не отомстить считается великимъ стыдомъ.

Насколько строго относятся кочевники къ необходимости кровавой мести, настолько же широки ихъ понятія въ дѣлѣ прощенія. Если кровный врагъ придетъ въ жилище курда и попроситъ про-

щенія за совершенный поступокъ—все ему отпускается. У нѣкоторыхъ племень существуетъ обычай являться за прощениемъ съ обнаженнымъ мечомъ, повѣшеннымъ на шею, и съ головою, покрытою надгробною пеленою. Этимъ онъ какъ бы отдаетъ себя на милость и признаетъ себя готовымъ быть убитымъ собственнымъ мечомъ. Обычай требуетъ въ такомъ случаѣ прощенія. Тогда примиреніе достигается возмѣщеніемъ убытка деньгами или скотомъ, а мировая закрѣпляется выдачею замужь нѣсколькихъ дѣвушекъ-родственницъ обидчика за родныхъ обиженного. Нерѣдки также случаи, когда самъ обидчикъ женится на дѣвушкѣ изъ лагеря обиженного. Если у обидчика нѣтъ средствъ или дѣвушекъ, родственники приходятъ на помощь соплеменнику. Въ случаѣ же отсутствія солидарности съ племенемъ, обидчикъ выходитъ съ сумою на дорогу для сбора подаяніемъ необходимаго количества денегъ.

Курдскіе кочевники керманшаханской провинціи дѣлятся на два большихъ иля: Кяльхоръ и Гуранъ и, кромѣ того, на нѣсколько отдѣльныхъ таифе.

Въ прилагаемой таблицѣ мы приводимъ нѣкоторыя статистическія данныя объ этихъ племенахъ. Къ крайнему сожалѣнію, въ рукахъ составителя нѣтъ данныхъ о кочевникахъ, населяющихъ восточный округъ Керманшахана или, вѣрнѣе, маленькое губернаторство—Магалъ-Кенгяверъ. Въ немъ живутъ два главныхъ племени: Кизиль (800 дымовъ) и Авшаръ (10.000), которыя по своимъ нравамъ и обычаямъ мало отличаются отъ описываемыхъ курдовъ.

Въ частности, про каждое племя можно сказать очень немного. Но и это малое представляетъ собою совершенно новое, притомъ часто противорѣчивое немногимъ европейскимъ свѣдѣніямъ. Это и заставляетъ утрудить вниманіе читателя чтеніемъ многихъ персидскихъ собственныхъ именъ племень, а главное географическихъ названій, изъ которыхъ только немногія можно найти на картѣ.

Кяльхоры, по преданію, переселены были въ провинцію Керманшаханъ халифомъ Гарунъ-аль-Рашидомъ, въ воспоминаніе о которомъ и основанъ маленькій городокъ или вѣрнѣе большая деревня Гарунъ-абадъ, лежащая на караванномъ пути между Керманшахомъ и Керендомъ и служащая ночлегомъ для каравановъ и паломниковъ.

Иль Кельхоръ дѣлится на 10 таифе: 1) Халеді, 2) Сіахъ-Сіахъ, 3) Мансури, 4) Колепá, 5) Гучмі, 6) Мянши, 7) Шіяні, 8) Шеркъ-Хоманъ, 9) Эльвенді и 10) Кяргахъ. Въ свою очередь каждое таифе дѣлится на нѣсколько тирэ.

Главное таифе Халеди.

Кочевыя племена провинці Керманшахана.

НАЗВАНІЯ ПЛЕМЕНЬ.	Ч и с л о.					Количество уплачивае- маго жалга	Примѣчаніе.
	Дворовъ или ды- мовъ.	Выстав- ляемыхъ всадникъ.	Кобыль.	Кр. рог. скота.	Овецъ.		
Иль Кяльхоръ.							
Таифе Халеди	1.000	200	1.000	—	10.000	2.000	По Керзону Кяль- хоръ 5.000, по Мак. В. 15.000 семействъ.
„ Сіахъ-Сіахъ	1.000	2.000	1.000	—	5.000	2.000	
„ Мансурі	200	20	не	и	з	в	
„ Колена	200	80	2.000	—	2.000	500	
„ Гучми	200	—	200	1.000	2.000	500	
„ Мяниши	1.000	150	300	500	2.000	1.000	
„ Шіяни	500	150	300	2.000	4.000	2.000	
„ Шеркъ-Хоманъ	150	100	200	500	9.000	500	
„ Эльвенди	200	150	200	500	2.000	500	
„ Кяргахъ	150	30	200	500	1.000	300	
Итого	4.600	2.880	5.400	5.000	37.000	9.300	
Иль Гуранъ.							
Таифе Гехваръ	700	60	1.000	—	2.000	500	По Керзону 5.000 семействъ, по Мак. В. 7.000 дымовъ.
„ Нейризи	300	70	250	3.000	5.000	300	
„ Базіани	700	60	—	6.000	12.000	400	
„ Джафтанъ-Шей	1.500	100	2.000	—	100.000	1.000	
„ Джафъ-Гадеръ	500	60	—	—	12.000	400	
„ Бюояни	400	30	35	—	500	250	
„ Галье-Хани	700	90	400	—	6.000	400	
Итого	4.800	470	3.685	9.000	137.500	3.250	
Отдѣльные таифе.							
Таифе Баджаланъ	500	200	250	4.000	5.000	800	По Керзону 1.500 с. по М. В. 4.000 с.
„ Шеряфъ-Байни	600	1.500	400	1.500	2.000	700	
„ Сенджаби	3.000	600	2.000	5.000	10.000	4.000	
„ Эйвани	1.000	150	200	1.000	2.000	3.000	
„ Каземъ-Хани	500	100	300	500	2.000	1.000	
„ Суфивандъ	200	10	30	400	1.000	500	
„ Зенгене	10.000	300	2.000	4.000	20.000	5.000	
„ Нилкели	300	100	200	500	1.000	500	
„ Пасревандъ	500	—	2.000	3.000	10.000	2.000	
„ Чутанкара	100	—	20	500	1.000	216	
„ Зуле-Мему	200	20	200	1.000	4.000	640	
„ Эхмедевендъ	1.000	200	200	2.000	10.000	2.000	
Итого	17.900	3.180	7.800	23.400	68.000	20.356	
А всего	27.300	6.530	16.885	35.400	242.500	32.906	

Весь иль Кяльхоръ управляется Давудъ-ханомъ-ильхани и Сехамъ-эль-мулькомъ, бывшимъ кетхудою таифе Халеди. Давудъ-ханъ очень могущественный, самостоятельный и властный чело-вѣкъ. У него пять сыновей, изъ которыхъ старшій, Джеванъ-Миръ-

ханъ-Зархали-э-Ляшкеръ, управляетъ таифе Халеди, помогаетъ своему отцу, въ особенности зимою, отдачею въ аренду кишлаковъ другимъ приходящимъ племенамъ: Зуле, Джомухъ, Таркашвяндъ и др. Второй сынъ, Али-Мардилъ-ханъ, имѣетъ главное наблюденіе за стадами кяльхоровъ и получаетъ для своего отца налогъ: одну овцу съ каждой сотни. Ильхани содержатъ на свой счетъ, на собственныхъ его лошадяхъ, четыреста отлично вооруженныхъ всадниковъ.

Кяльхоры шиты и притомъ отличаются своею фанатичностью. Всѣ иллаты очень храбры, гостепріимны и зажиточны. Всего кяльхоровъ насчитывается 4.600 дымовъ (шатровъ) или 27.600 человекъ. Двѣ трети земли, на которой живетъ племя, принадлежатъ Давудъ-хану, а остальная треть другимъ ханамъ Кяльхора. Племя должно выставлять полкъ сарбазовъ, который, однако, существуетъ только на бумагѣ. Въ случаѣ нужды Кяльхоръ можетъ выставить 1.500 всадниковъ.

Таифе Халеди дѣлится на слѣдующія тирэ: 1) Али-Реза-венди, 2) Гучей, 3) Касе-Герани, 4) Гонгъ-Кяръ и 5) Абдоль-Мамэдъ, составляя въ общемъ 1.000 дымовъ.

Таифе имѣетъ кишлаки въ Хиланъ и Вижіанъ, а ейлаки въ Кевадеръ и Челэ. На ихъ земляхъ очень много лѣса, особенно дубоваго; земледѣліемъ они почти не занимаются, а главное ихъ богатство въ прекрасныхъ кобылахъ, которыхъ до 1.000 головъ.

Таифе Сіахъ-Сіахъ дѣлится на слѣдующія тирэ: 1) Мушь-Косиха, 2) Колла-Деразъ, 3) Арпа-Джураби и 4) Баяни, всего около 1.000 дымовъ, платящихъ маліату 2.000 тумановъ. Кишлакомъ таифе служатъ Челе и Гиланъ, а ейлакомъ паст-бища Деравяндъ и Бярсиминъ, принадлежація Векиль-эдъ-доулэ, у котораго они арендуются. Таифе также больше занимается скотоводствомъ. Все населеніе живетъ въ черныхъ палаткахъ, кромѣ начальника племени, сергенга Али-Джанъ-хана, обитающаго въ собственной деревнѣ.

Таифе Мансури живетъ въ горахъ между «Тянгъ» и «Чеганъ» и занимается главнымъ образомъ разбоемъ и воровствомъ. Эта отрасль промышленности не мѣшаетъ кочевникамъ заниматься скотоводствомъ, главнымъ образомъ, и земледѣліемъ: они сѣютъ пшеницу, ячмень, рисъ и кукурузу. Въ ихъ владѣніяхъ есть карьеры извести, которая доставляется въ городъ Керманшахъ на продажу. Несмотря на переходъ къ осѣдности, племя это отличается крайне дурными нравами, и драки и убійства у нихъ самое заурядное и ежедневное явленіе. Губернаторъ никакъ не можетъ справиться съ

таифе, такъ какъ оно при малѣйшей тревогѣ уходитъ въ дебри Луристана. Къ тому же мѣстожителство его отличается крайнею недоступностью и полнымъ отсутствіемъ дорогъ. На ихъ землѣ находится гробница имамъ-Заде, или шахзаде-Гассана, сына имама Джафара-Садыка.

Таифе Коленá состоитъ подъ начальствомъ Насръ-Олла-хана. Ейлаки таифе въ Миле-Сяръ, а на зиму иллаты эти частью остаются тамъ же, частью переходятъ въ теплыя страны, въ Турцію — въ окрестности Менделиджа (Мендели). Занимаются они преимущественно скотоводствомъ, а также сѣютъ пшеницу, ячмень и рисъ на земляхъ, арендуемыхъ у Векиль-эдъ-доулэ.

Таифе Гучли живетъ осѣдло въ трехъ деревняхъ: Шаи, Неи и Шованъ. Скотъ пасутъ и сѣютъ пшеницу и ячмень на землѣ, арендуемой у Векиль-эдъ-доулэ. Таифе находится подъ властью Шах-базъ-хана.

Таифе Мяниши дѣлится на тирэ: 1) Гель-Кошъ, 2) Казымъ-Хани и 3) Кялини, состоящихъ подъ начальствомъ двухъ братьевъ: Мехди-хана и Мамедъ-Вели-хана. Иллаты этого таифе Али-Аллахи.

Мяниши проводятъ лѣто въ Соргу и Гямке, а зимуютъ въ узкой и низкой долинѣ Коффаляръ и Голинъ, гдѣ климатъ настолько жаркій, что тутъ во второмъ весеннемъ мѣсяцѣ уже поспѣваютъ: винныя ягоды, орѣхи, гранаты, абрикосы, сливы, алуча и тута. Тутъ же на склонахъ горъ Гямке и Гель-Кошъ, между хребтами Нове и Кегяль, тянется громадный, безконечный лѣсъ изъ вѣковыхъ дубовъ. Въ немъ водятся во множествѣ дикія козы, олени, волки, медвѣди и тигры, что, конечно, развило среди таифе много охотниковъ. Поэтому, въ случаѣ нужды, Мяниши можетъ выставить 200 тюфенги (стрѣлковъ).

Таифе занимается кромѣ того скотоводствомъ и немного земледѣліемъ.

Таифе Шяни переселилось изъ Дехъ-аббада и живетъ въ деревняхъ: Миръ-Эзизи, Гухъ, Габидъ, Шалэ-Шурэ, Барикъ и Теймуръ-ханъ. Деревни эти принадлежатъ потомкамъ богатыхъ купцовъ, которые передъ Давудъ-ханомъ иногда управляли племенемъ Кяльхоръ. На зиму нѣкоторые жители, несмотря на осѣдность, все же переселяются въ теплыя страны, а именно въ Нагаръ-Кубъ, Серабъ и Галье-Шахинъ. Начальствуетъ таифе Баба-ханъ, который и является главнымъ арендаторомъ земли у собственниковъ деревень, которымъ платитъ зерномъ: при хорошемъ урожаѣ 1000 хальваровъ въ годъ, при среднемъ 700, а при плохомъ 500.

Изъ этого видно, что таифе занимается земледѣліемъ, сѣя пшеницу, кукурузу и ячмень; поствы орошаются собственною водою. Затѣмъ Шіани имѣеть 4000 овецъ, 300 кобылъ и 2000 головъ рогатаго скота.

Таифе Шеркъ-Хоманъ проводитъ зиму въ Дирэ, а ейлаками ему служатъ Серабъ, Сярняшуръ, Шерефъ-абадъ, Керендъ, Хорунъ-абадъ, Зибири и Бондаръ. Оно подъ властью Махмудъ-хана.

Жители занимаются земледѣліемъ, причемъ поствы ихъ орошаются въ ейлакѣ водою рѣчки Шерефъ-абада, а въ кишлакахъ рѣкою, текущею изъ Коффаваюра въ Голинъ, а оттуда въ Дирэ и, наконецъ, въ Эльвендъ. Въ Дирэ сѣютъ много рису, какъ ильхани Кяльхора, такъ и крестьяне. Потомки купца хаджи-Задеха подарили Давудъ-хану (дабы избавить себя на вѣчныя времена отъ уплаты разныхъ податей), слѣдующія имѣнія: Дирэ, Гиланъ, Коффа-варъ, Гевадоръ, получившія общее наименованіе Чехаръ-Мельке. Тутъ же, въ нижней части Гилмана, владѣютъ небольшою землею дворяне Шеркъ-Хоманъ. Занимаются кочевники также и скотоводствомъ.

Таифе Эльвенди живетъ въ эйлакахъ Ньяваръ и Кякашимэ и въ кишлакахъ въ Галье-Шахинъ на рѣчкѣ этого имени, съ очень скверною водою, притокъ р. Эльвенда, занимаясь скотоводствомъ и немного земледѣліемъ, воздѣлывая въ эйлакѣ ячмень и пшеницу, а въ кишлакѣ рисъ. Но главное богатство таифе дѣло будущаго: на ихъ пастбищахъ открыты рожденія нефти, и англійская компанія, взявъ нефтеносныя земли за 500 тум. арендной платы, основала въ Гурету керосиновый заводъ.

Таифе находится подъ начальствомъ Мамедъ-Керимъ-хана.

Караванная дорога отъ Галье-Давуда до Сярре-Поль-Зохабъ охраняется четырьмя карасуранами, выставляемыми этимъ таифе.

Таифе Кяриахъ находится подъ личнымъ начальствомъ ильхани Давудъ-хана, но управляется назначеннымъ имъ кетхудою. Въ ейлакѣ таифе идетъ въ Махидештъ, на р. Мярекъ-аббадъ, гдѣ, благодаря своимъ грабежамъ, является бичомъ мѣстныхъ жителей. Каждый губернаторъ наказываетъ этихъ кочевниковъ и взимаетъ громадные штрафы, что не мѣшаетъ имъ разбойничать по прежнему. Кромѣ того таифе занимается скотоводствомъ.

С. Чернозубовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПО СЪВЕРНОЙ ПЕРСИИ ¹⁾).

XIV

Въ настоящее время курдскій вопросъ достигъ, мнѣ кажется, кульминаціоннаго пункта, а потому, я думаю, не лишне будетъ познакомить теперь же съ жизнью и воззрѣніями курдовъ, что освѣтитъ съ точки зрѣнія безпристрастнаго зрителя то ложное положеніе, въ которое поставленъ этотъ вопросъ, въ силу непониманія уклада ихъ жизни, вслѣдствіе чего и приходится держать въ Персіи излишнее количество русскихъ войскъ, когда можно было бы обойтись двумя-тремя стрѣлковыми полками.

Охотясь въ горахъ, намъ постоянно приходилось заходить въ курдскія селенія, какъ для ночлеговъ, такъ и на время дневокъ. Вотъ впечатлѣнія, которыя выносишь послѣ посѣщенія курдскаго селенія.

Прежде всего, что поражаетъ въ курдахъ—это замкнутость и подозрительность и при томъ такія, что гостепрѣимство, которымъ курды могутъ похвалиться, отодвигается на задній планъ. Если придти къ нимъ въ селеніе и попросить пріюта, то никто изъ курдовъ не пожелаетъ пускать къ себѣ въ «ханэ» (домъ), отговариваясь тѣмъ, что у cadaго изъ нихъ въ домѣ лежитъ тяжело-боль-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 8.

ной. Они уже подмѣтили нашу боязнь имѣть дѣло съ больными, вслѣдствіе того, что въ селеніяхъ процвѣтають тифъ, оспа, есть и прокаженные, а потому, естественно, мы стараемся держаться подалеже отъ больныхъ. Но повышенный голосъ и явное намѣреніе отправиться самому, чтобы удостовѣриться въ наличіи больного, дѣлаетъ ихъ нѣсколько сговорчивѣе. Нѣкоторые соглашаются уступить свой ханэ, но просятъ такую колоссальную сумму, что невольно разсмѣешься въ отвѣтъ! Тогда остается одно: потребовать къ себѣ бека и пообѣщать, что, если черезъ нѣсколько минутъ не будетъ очищенъ ханэ, то мы размѣстимся въ его домѣ. Эта угроза сейчасъ же приведетъ къ желательному результату: бекъ обойдетъ нѣсколько ханэ и, выбравъ лучше, прикажетъ немедленно очистить ихъ. Если хозяинъ начнетъ возражать противъ такого насильственнаго выселенія, то нѣсколько ударовъ бека по спинѣ злополучнаго владѣльца ханэ заставятъ его подчиниться волѣ бека. И вотъ, только теперь, послѣ того, какъ нашли мы пріютъ, отношенія къ намъ рѣзко мѣняются... Курды становятся почтительными, гостепріимными; каждый считаетъ своимъ долгомъ принести что-нибудь изъ своего скромнаго домашняго обихода..

Чѣмъ объяснить такую метаморфозу?

Я думаю, что это происходитъ оттого, что курды, какъ магометане, конечно, съ большой неохотой пускаютъ въ свои жилища христіанъ. Я знаю такихъ курдовъ, которые, послѣ пребыванія въ ихъ селеніи русскихъ, бросали это селеніе и больше не возвращались.

Конечно, это уже фанатики, какихъ теперь мало; но фактъ тотъ, что среди нихъ, слѣдовательно, держится мнѣніе, что христіане оскверняютъ ихъ дома, а потому они съ такой неохотой пускаютъ ихъ къ себѣ. Кромѣ этого обстоятельства, неудобство выселенія заключается въ томъ, что курду приходится перетаскивать изъ своего ханэ все имущество, движимое и недвижимое, а главное—женщинъ, для которыхъ очень трудно найти помѣщеніе у своего сосѣда или знакомаго, къ которому онъ перебирается.

Такимъ образомъ, курды, при видѣ «гостей», конечно, стараются всячески улизнуть отъ удовольствія «переселенія», вслѣдствіе чего каждый изъ нихъ стремится поставить непріемлемыя условія или запугать мнимо-больнымъ, надѣясь, что, быть можетъ, «гости» уйдутъ въ другое селеніе. Когда же «гости», наконецъ, устроятся и, такъ сказать, остальнымъ курдамъ не угрожаетъ ни-

какой опасности—природныя чувства курдовъ, гостепріимство и любопытство, берутъ верхъ надъ недовѣрчивостью.

Не успѣемъ мы расположиться, какъ начинается паломничество. Одинъ за другимъ входятъ къ намъ курды и, послѣ привѣтствованія «селямъ-алейкумъ» (здравствуй), кладутъ передъ нами свои подношенія, а затѣмъ усаживаются, по восточному, въ углу. Скоро около насъ образуется цѣлый складъ всякой дребедени: тутъ куски кизяка (родъ топлива), пучки юнжи (сѣно), лавашъ (хлѣбъ), кислое молоко, курдскій сыръ и пр., причемъ сыръ и лавашъ лежатъ на кизякѣ, который, по всей вѣроятности, благодаря своему плоскому виду, изображаетъ что-то вродѣ блюда. Но этого еще мало!.. Спустя нѣкоторое время на огромномъ блюдѣ приносятъ чашку съ какимъ-то горячимъ, довольно густымъ кушаньемъ; по бокамъ чашки лежатъ стопки тонкаго лаваша. Это ставится передъ нами, и всѣ курды, находящіеся въ комнатѣ, съ любопытствомъ приподнимаются, чтобы поглядѣть, какъ будемъ мы ѣсть. Но мы, конечно, не рѣшаемся, хотя и знаемъ, что все равно придется отвѣдать, чтобы не оскорбить хозяина этого кушанья. Нѣсколько минутъ длится молчаніе, въ продолженіе котораго курды съ удивленіемъ смотрятъ на насъ, нетерпѣливо ожидая, когда же, наконецъ, мы начнемъ закусывать. Но вотъ выходитъ одинъ изъ курдовъ, вѣроятно хозяинъ этого блюда, и уговариваетъ насъ попробовать. Чтобы доказать, что кушанье это не имѣетъ отравы, онъ обмакиваетъ въ него свои персты и обсасываетъ. Дѣлать нечего, мы беремъ по куску лаваша и намазываемъ. Кушанье — отвратительнаго вкуса, но, въ силу необходимости, приходится доѣдать взятый кусокъ лаваша.

Когда мы кончаемъ, намъ предлагаютъ еще, но мы, конечно, рѣшительно отказываемся. Чохъ саулъ! Чохъ саулъ! (большое спасибо), лепечемъ мы, отворачиваясь съ отвращеніемъ отъ блюда. Тогда хозяинъ поднимаетъ блюдо и отдаетъ его сидящимъ позади курдамъ. Они моментально уничтожаютъ содержимое, сопровождая актъ ѣды неистовымъ чмоканіемъ и обсасываніемъ пальцевъ.

Послѣ официального, такъ сказать, намъ подношенія хлѣба и соли, курды вступаютъ въ разговоръ. Они спрашиваютъ: кто мы? куда идемъ? чего намъ надо?

Выяснивъ, что мы охотники и пришли сюда только переночевать, не преслѣдуя никакихъ карательныхъ цѣлей или собиранія податей, что окончательно убѣждаетъ ихъ въ нашихъ добрыхъ намѣреніяхъ и располагаетъ къ намъ (сдержанности какъ не бы-

вало!..), курды придвигаются къ намъ поближе, рассматриваютъ наше оружіе. Кое-кто приноситъ свое, чтобы похвалиться.

Курды, какъ большіе любители и цѣнители оружія, не могутъ равнодушно смотрѣть на наши кавказскія шашки, разукрашенныя серебромъ, золотомъ и каменьями. Одному изъ моихъ товарищей предлагали они большую сумму денегъ, чтобы онъ продалъ, и его отказъ огорчилъ ихъ очень сильно. Курды также стараются купить и ружья, въ особенности же патроны. Окончивъ осмотръ оружія, они переходятъ на принадлежности нашего туалета. Охотничьи сапоги приводятъ ихъ въ восхищеніе. Надо сказать, что съ приходомъ русскихъ, какъ среди персовъ, такъ и курдовъ, появилось тяготѣніе къ сапогамъ: они покупаютъ ихъ за большія деньги, гораздо дороже, чѣмъ стоятъ они на самомъ дѣлѣ, такъ что теперь персъ или курдъ въ сапогахъ есть признакъ состоятельности и знатности происхожденія (длинныя голенища охотничьихъ сапогъ такъ понравились курдамъ, что нѣкоторые изъ нихъ стали торговаться, словно мы могли имъ продать!). Насколько я помню, крайняя цѣна, предложенная курдами, достигала 13 тумановъ (около 25 руб.).

Мнѣ особенно памятна встрѣча въ селеніи «Арыкъ-Кама», гдѣ живетъ извѣстный и очень вліятельный среди курдскихъ племенъ Мамедъ-Джанго. Курды встрѣтили насъ какъ-то привѣтливѣе и лучше, чѣмъ въ другихъ селеніяхъ. Вначалѣ повторилась таже картина, что и выше. Самъ Мамедъ-Джанго не показывался, а прислалъ только угощеніе, но подъ вечеръ, когда мы хотѣли ложиться спать, пришелъ нукеръ (слуга хана) и сказалъ, что ханъ зоветъ насъ къ себѣ. Дѣлать было нечего; пришлось одѣться и идти къ нему. Здѣсь насъ ожидалъ обильный достарханъ (угощеніе) съ пѣніемъ и танцами курдовъ. Заунывное пѣніе ихъ очень похоже на пѣніе нашихъ кавказскихъ горцевъ. Это—воспоминанія о давно прошедшихъ боевыхъ дняхъ, славныхъ походахъ и дерзкихъ набѣгахъ. Во время пѣнія курды сидѣли съ опущенными головами и, покачиваясь изъ стороны въ сторону, казалось съ грустью думали о канувшей въ вѣчность свободной и разгульной жизни.

Когда мы выходили изъ ханэ гостепріимнаго хана, была уже глубокая ночь. Мѣсяцъ высоко поднялся надъ горизонтомъ, освѣщая узорчатыми бликами маленькое, сиротливо пріютившееся у высокой горы, селеніе.

Тѣни отъ гудѣвшихъ деревьевъ, казалось, ползли по землѣ, по серебрянной снѣгомъ. Внизу, въ ущельѣ, глухо ворчала горная рѣчка, которая, какъ дивная лента, сверкающая позолотой и серебромъ, причудливо извиваясь, словно змѣя, терялась во мракѣ угрюмаго ущелья. Только что выпавшій снѣгъ искрился, блестя, и его хрусть пріятно отдавался въ ухахъ...

XV.

Если сравнивать кого-либо съ горнымъ орломъ, такъ это курда. Любовь къ свободѣ и вольной жизни, такъ сильно развита у него, что курдъ, посаженный персидской администраціей въ тюрьму, не выносить заключенія: онъ или бѣжитъ, или хирѣетъ въ неволѣ и умираетъ. Чувство свободы и независимости у курда развиты сильнѣе, чѣмъ у кавказскаго горца; вообще, у нихъ очень много родственныхъ сторонъ, такъ что—кто жилъ на Кавказѣ и знакомъ съ бытомъ горца—тому очень легко понять характеръ и натуру курда. Это дикарь, совершенно незнакомый съ цивилизаціей, не только съ европейской, но даже и съ персидской, вслѣдствіе обособленнаго и полукочевого образа жизни. Мнѣ кажется, что, если приобщить ихъ къ европейской культурѣ, то курды такъ же быстро вырождаются, какъ исчезаютъ нынѣ съ изумительной быстротой американскіе индѣйцы. Причина кроется въ національныхъ чертахъ ихъ независимаго и гордаго характера. Курды могутъ воспринять только внѣшнія стороны цивилизаціи, которыя поразятъ ихъ, т.-е., говоря словами Кантемира, это будутъ «петиметры». Дальше этого они не пойдутъ. Если же европейцы станутъ насѣдаты на нихъ, курды уйдутъ въ глубь горъ и здѣсь, изъ-за недостатка пастбищъ, какъ непримиримые враги, будутъ вѣчно драться между собой, уничтожая другъ друга. Они неспособны воспринять другихъ условій жизни, чѣмъ тѣ, въ которыхъ живутъ ²⁾. Они не переносятъ притѣсненій, ибо, въ противномъ случаѣ, будутъ истреблять другъ друга и бороться не на животь, а на смерть со своими притѣснителями. Они не желаютъ ничего другого, какъ только пользоваться свободой и независимостью. Какъ я говорилъ уже выше, курды ведутъ полукочевой образъ жизни. Съ началомъ зимы и до поздней осени они кочуютъ въ гор-

²⁾ Примѣръ усмиренія Туркменіи позволяетъ и здѣсь надѣяться на лучшее.

ныхъ равнинахъ и только съ наступленіемъ холодовъ, когда въ горахъ выпадаетъ снѣгъ, спускаются въ предгорныя селенія, въ которыхъ когда-то жили армяне, персы, но, вслѣдствіе постоянныхъ грабежей и разбоевъ, бросили эти селенія много лѣтъ тому назадъ и переселились внизъ, поближе къ городамъ, гдѣ можно все-таки искать защиты. Удивительно жалкое впечатлѣніе производятъ эти полуразрушенныя селенія! Они такъ напоминаютъ бѣдные горскіе аулы, гдѣ крыша одной сакли служитъ дворомъ для другой, гдѣ кромѣ бѣдности и запустѣнія съ одной стороны, апатіи и индефферентности жителей съ другой, не видно болѣе ничего, что невольно вообразасшь себя въ горахъ Кавказа. Ахъ, какъ лѣнны курды!.. Его ханэ вотъ-вотъ развалится... Кругомъ сколько угодно подручнаго матеріала, чтобы поправить домъ, но онъ неподвижно сидитъ передъ тандыремъ (очагомъ) и непрерывно куритъ скверный турецкій табакъ. Вся домашняя работа всецѣло лежитъ на женщинахъ, а курды зимою отдыхаетъ, не желая ровно ничего дѣлать. Его главное богатство—баранта. Чѣмъ больше головъ, тѣмъ, значитъ, курды богаче. Изъ молока куртинки готовятъ особый сыръ, замѣчательно вкусный. Въ этотъ сыръ онѣ подмѣшиваютъ особаго рода горную траву, придающую сыру какую то остроту и нѣжность. Кромѣ того онѣ готовятъ еще великолѣпное кислое молоко и пекутъ лаваша. Все это и составляетъ пищу курда, который въ этомъ отношеніи очень нетребователенъ: кусокъ сыра и лаваша можетъ удовлетворить его въ теченіе цѣлаго дня. Любимый напитокъ курда—чай. Баранину они ѣдятъ очень рѣдко: въ большіе праздники или когда пріѣзжаютъ почетные гости.

Курдскія женщины пользуются гораздо большей свободой, чѣмъ персидскія. Онѣ имѣютъ право ходить съ открытыми лицами и отъ насъ, русскихъ, не только не прячутся, но, наоборотъ, съ большимъ любопытствомъ разсматриваютъ и даже разговариваютъ съ нами. Я знаю, что у многихъ курдскихъ племенъ жена хана замѣняетъ въ отсутствіи мужа и другихъ прямыхъ родственниковъ своего мужа по мужской линіи. Къ ней обращаются за совѣтами, и ея рѣшенію обязаны подчиниться.

Собственно говоря, курдскія племена только номинально подчиняются ханамъ. Все подчиненіе состоитъ въ томъ, что они обязаны уплачивать имъ установленную подать; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ ханы пользуются извѣстной властью: напримѣръ, могутъ наказывать непокорныхъ. Впрочемъ, это право принадле-

жить только тѣмъ изъ хановъ, которые пользуются всеобщимъ уваженіемъ и популярностью. Старики пользуются почетомъ и имъ принадлежитъ всегда первое мѣсто при обсужденіи какихъ-либо вопросовъ. Кроме того, есть еще такіе курды, которые своей безумною храбростью и отвагой во время набѣговъ и разбоевъ стяжали себѣ славу. Они, какъ легендарные герои, уважаются не только тѣмъ племенемъ, которому принадлежать, но также и многими другими племенами. Эти «герои» очень опасны—такъ какъ, благодаря популярности, легко могутъ взбудоражить нѣсколько племенъ на защиту «попраныхъ» правъ, вѣрнѣе—для достиженія личныхъ цѣлей.

Недавно мнѣ пришлось встрѣтить отца извѣстныхъ братьевъ Омеръ-хана и Гуссейнъ-ага, которые организовали въ прошломъ году нападеніе на Ширванскій полкъ у Зиндешта. Этотъ курдь, уже древній старикъ, но замѣчательно крѣпкій и здоровый, чрезвычайно похожъ на Тараса Бульбу. Лицо его покрыто глубокими шрамами, а тѣло прострѣлено не одной пулей. Въ какихъ только набѣгахъ онъ не участвовалъ! Онъ пользуется большимъ влияніемъ на сомайскихъ курдовъ.

А вотъ другой типъ: курдь Темиръ-Джанго. Это уже завѣдомый разбойникъ. Его тѣло положительно изрѣшето пулями и, несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ также крѣпокъ и стоекъ, какъ левъ, а черные большіе глаза выражаютъ непреклонную волю и энергію. Его зовутъ русскіе: «Курдскимъ волкомъ».

Темиръ-Джанго кровникъ Симко, котурскаго хана.

Среди курдовъ очень распространена кровная месть. Эта путанная и сложная система мести создаетъ враждебныя отношенія между цѣлыми племенами. Съ этимъ обычаемъ приходится считаться очень основательно, такъ какъ въ противномъ случаѣ могутъ произойти крупныя непріятности.

Я говорю такъ, основываясь на печальномъ фактѣ, имѣвшемъ здѣсь мѣсто зимою прошлаго года.

Это—подчиненіе сомайскихъ курдовъ котурскому хану Симко.

Измаилъ Симко имѣетъ въ Сомаѣ много кровниковъ, но хойскій вице-консуль, вѣроятно, упустилъ это обстоятельство изъ виду и содѣйствовалъ упроченію Симко въ Сомаѣ, съ помощью вооруженныхъ силъ, въ лицѣ русскихъ войскъ. И что же вышло изъ этого? Пошли, конечно, вооруженныя столкновенія между приверженцами Симко и сомайскими курдами, а за послѣднее время они стали нападать и на русскія войска, считая ихъ за виновни-

ковъ того ужаснаго положенія и междуусобицы, которыя создались сейчасъ въ Сомаѣ.

Впрочемъ объ этомъ дѣлѣ я поговорю подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

Закаленность, выносливость и спартанскій образъ жизни курдовъ поражаютъ всѣхъ. Закалка начинается еще съ дѣтства. Достаточно сказать, что курды на своихъ дѣтей обращаютъ очень мало вниманія. Ребенокъ во всякое время года ходитъ голышемъ. Еще зимою на немъ бываетъ рубашенка, но и только. Босой, онъ бѣгаетъ по селенію, играя съ баранами, и это при морозѣ въ 10—14 градусовъ! Весною, когда курды уходятъ на кочевье въ горы, дѣтишки совершаютъ переходы пѣшкомъ и такъ втягиваются и привыкаютъ къ лазанію по отвѣснымъ скаламъ, что, подрастая, они совершенно свободно и легко бѣгаютъ по горамъ. При такомъ образѣ жизни дѣтей, я думаю, что тѣ изъ нихъ, которые выживутъ, будутъ достаточно закалены, и всѣ трудности и лишенія походной жизни для нихъ—ноль. Правда, смертность среди курдскихъ дѣтей очень велика, но курды на это не обращаютъ никакого вниманія, говоря, что разъ Аллахъ подарилъ ему ребенка, то онъ, конечно, знаетъ, когда слѣдуетъ взять его къ себѣ. Вообще на этотъ счетъ у нихъ фаталистическій взглядъ. Судьба! говорить курдъ или: все равно надо умирать!

Курдъ дикъ, и эта дикость граничитъ у него съ кровожадностью. Убить человѣка для него—потребность, какъ для гастронома тонкій обѣдъ. Чѣмъ наглѣе грабежъ, чѣмъ дерзче разбой, чѣмъ больше убито сельчанъ, на которыхъ напали, чѣмъ больше крови пролито, тѣмъ больше почета и уваженія. Слава и популярность достигаются не умомъ, не мудростью и не талантами, а отвагой и храбростью. Курдъ, не побывавшій въ перестрѣлкѣ и не убившій никого, не цѣнится ни во что. Все построено на личномъ героизмѣ. Вчера ничтожество, но сегодня, благодаря совершенному подвигу, всеобщій почетъ и уваженіе...

Если курда начинаютъ притѣснять, онъ становится опаснымъ, какъ раненый звѣрь. Не такъ то легко разстается курдъ со свободой и вольностью!

Правда, открыто нападать въ такихъ случаяхъ онъ не любитъ, предпочитая дѣйствовать по-партизански. Этотъ родъ войны ему хорошо извѣстенъ. А что хуже партизанской войны, да еще въ горахъ, гдѣ каждая тропа извѣстна курду?

Въ концѣ концовъ русскимъ не избѣжать такого столкновенія, если будутъ давить и притѣснять курдовъ.

XVI.

Познакомивъ съ міровоззрѣніемъ, бытомъ и характеромъ курда, я перехожу къ выясненію тѣхъ ненормальныхъ отношеній, которыя сложились въ настоящее время между русскими и курдами и которыя могутъ привести къ нежелательному результату.

Уже теперь курды стали нападать на русскіе отряды, чего прежде не было. О прошлогоднемъ Зиндештскомъ нападеніи, гдѣ участвовали курды, я не говорю на томъ основаніи, что главными вдохновителями и инициаторами этого дѣла были турки, посты которыхъ находились по близости. Это они подговорили курдовъ, обѣщая имъ помощь, а затѣмъ, конечно, умыли руки и созерцали съ невинностью ребенка перипетіи столкновенія и, если бы успѣхъ былъ на сторонѣ курдовъ, они безусловно бы помогли имъ.

Кромѣ зиндештскаго дѣла, курды не нападали на русскихъ, а вообще они, конечно, грабили и разбойничали, за что строго обвинять ихъ нельзя. Въдъ Кавказъ болѣе 50-ти лѣтъ, какъ присоединенъ къ Россіи, а развѣ разбойничество прекратилось? Зелимъ-ханъ, Абдуль-керимъ, Мамедъ-али и др. рождаются самимъ народомъ и будутъ до тѣхъ поръ, пока горецъ не переродится. Съ этимъ зломъ насильственными мѣрами бороться нельзя. Законъ таковъ: чѣмъ больше притѣсняють дикій и свободолюбивый народъ, тѣмъ больше растетъ среди него озлобленіе. Поймають одного вожака, повѣсятъ его, появится другой. Разница будетъ только въ именахъ. Таковы курды.

Пребываніе русскихъ войскъ въ сѣверной Персіи было вызвано необходимостью охраны дорогъ внутри Персіи, чтобы содѣйствовать развитію нашей торговли. Правильная торговля можетъ быть только при безопасномъ сообщеніи. А кто грабилъ караваны и убивалъ путешественниковъ и торговцевъ? Преимущественно курды. Для усмиренія ихъ были посланы русскія войска, которыя, занявъ важные торговые пункты, обезпечили тѣмъ самымъ правильное движеніе. Курды ушли въ горы и грабежи на дорогахъ прекратились. Разбойничьи же набѣги на окрестныя селенія, конечно, продолжались, но, повторяю, что отъ этого ихъ нельзя отучить никакими наказаніями, ни угрозами, ни обѣщаніями. Безъ этого курды не могутъ жить; это впиталось въ ихъ плоть и кровь. Надо перевоспитать курдовъ.

Итакъ, казалось бы, что задача, которая была возложена на русскія войска, выполнена нами блестяще: почти безъ пролитія крови.

Время отъ времени курды обирали какого нибудь персіянина или армянина, убивали сирійца или еврея, или угоняли гдѣ нибудь баранту. Вотъ и все. Въ общемъ же наступило затишье.

Но отъ торговыхъ интересовъ русскіе консулы перешли къ политикѣ. Они стали «кроить» курдскія земли и подчинять ихъ непопулярнымъ ханамъ... Началось съ того, что Сомай (сомайскіе курды) подчинили котурскому хану Симко: какъ я уже говорилъ выше, среди сомайскихъ курдовъ у Симко имѣются кровники, которые отказались ему подчиниться. Началось броженіе. Симко, конечно, обратился къ хойскому вице-консулу за помощью; послѣдній отправилъ въ Куни экспедицію. Дѣло было зимою. Русскія войска, преодолевая страшныя трудности, добрались до ставки возмущившихся курдовъ и заставили непокорныхъ Темиръ-Джанго, Мамедъ-Шерифа и другихъ бековъ поклясться на коранѣ въ вѣрности Симко. Тѣ поклялись подъ угрозой разрушенія ихъ разбойничьяго гнѣзда, а также еще и потому, что стояла зима и уйти было некуда. Такимъ образомъ этой экспедиціей никакого примиренія достигнуто не было. Затѣмъ урмійскій и хойскій вице-консулы раздѣлили всѣхъ курдовъ на двѣ части. Одна половина отошла «подъ вліяніе» хойскому вице-консулу, другая урмійскому. Эта дѣлжка вызвала такое броженіе между курдами, что подъ Урміей появились даже вооруженные отряды, а громадное скопище ихъ въ окрестностяхъ Соуджъ-Булага рѣшило напасть на урмійскій отрядъ. Ждали изо дня въ день нападенія, но въ это время сомайскіе курды не выдержали и напали на нашъ постъ Селямерикъ. Нападеніе въ связи съ тревожными вѣстями заставило консуловъ одуматься и вновь «перекроить» курдовъ, что внесло нѣкоторое успокоеніе. Тѣмъ временемъ Симко, зная, что русскіе поддержатъ его, сталъ форменно грабить подчиненныхъ ему сомайскихъ курдовъ. Какъ фактъ, могу сообщить слѣдующее. Какъ то разъ приходитъ группа сомайскихъ курдовъ въ Дильманъ. Оказалось, что это «выборные» отъ Сомая; ихъ послали сюда жаловаться на Симко. «Онъ насъ разоритъ совсѣмъ! говорили они. Уберите его изъ Чіаря-Кала (резиденція Симко). Кого хотите посадите туда. Поставьте лучше своихъ солдатъ или кого угодно, но только выгоните Симко!». Вотъ какъ настроено противъ Симко одно изъ самыхъ могущественныхъ племень! Но кто такой Симко? Въ чемъ его заслуга?

Юноша этотъ, которому, кажется, нѣтъ еще и 22 лѣтъ, годъ тому назадъ занималъ почетный постъ котурскаго хана. Во время окупаціи урмійскаго раіона турками, онъ не допустилъ къ себѣ въ Ко-

туръ ни одного турка; всякій разъ, когда они хотѣли перейти границу котурскаго ханства, Симко съ оружіемъ въ рукахъ отстаивалъ свои права, чѣмъ, естественно, возстановилъ противъ себя турокъ. Когда же въ Персію пришли русскіе, онъ объявилъ себя другомъ Россіи. Вотъ и вся его біографія! Особенныхъ заслугъ, какъ будто, не видно. Постепенный ходъ событій велъ къ тому, что Симко рано или поздно, а сталъ бы другомъ русскихъ. Могъ ли онъ перейти на сторону турокъ, которые были противъ него озлоблены и которые назначили даже приличное вознагражденіе за его голову? Мнѣ кажется: нѣтъ. Тѣмъ болѣе, что дѣдъ Симко былъ вѣроломно схваченъ турками и умерщвленъ ими въ Константинополѣ, а надо помнить, что Симко—курдъ; а у курдовъ существуетъ обычай кровной мести. Далѣе... Если Симко не допустилъ въ Котуръ турокъ, то дѣлалъ ли онъ это въ угоду русскимъ, чтобы доказать свою дружбу? Конечно нѣтъ! Во-первыхъ, онъ просто-напросто охранялъ свои земли изъ-за личныхъ выгодъ; а, во-вторыхъ, онъ видѣлъ въ туркахъ своихъ кровныхъ враговъ, которые замучили его дѣда. А между тѣмъ всю эту исторію раздули выше геркулесовыхъ столбовъ: Симко поклонникъ Россіи! Симко лучшій другъ русскихъ! и т. д.

И вотъ, въ награду за такое отношеніе къ русскимъ, его рѣшили отблагодарить и подарили ему Сомай. А Симко воспользовался, конечно, такимъ къ нему отношеніемъ и довѣріемъ и, не задумываясь о послѣдствіяхъ, сталъ разбойничать и грабить населеніе. Симко самъ говоритъ, что, какъ только русскіе уйдутъ изъ Сомаи, онъ убѣжитъ изъ Чіари-Кала.

Подобное «управленіе» Сомаемъ безусловно приведетъ къ партизанской войнѣ со всѣмъ населеніемъ персидскаго Курдистана, потому что за сомайскими курдами возстанутъ и другія племена.

Политика русскихъ консуловъ для курдовъ непонятна. Вѣдь если бы русскіе не стояли за Симко, его давнымъ давно или выгнали бы изъ Чіари-Кала, или убили бы! А такъ какъ этого сдѣлать имъ не разрѣшаютъ, то они думаютъ, что хищничествамъ и беззаконіямъ Симко потворствуютъ сами же русскіе, тѣмъ болѣе, что Симко неоднократно прикрывался русскимъ именемъ, говоря, что «дѣлаетъ» это съ вѣдома русскихъ.

Вотъ почему миръ, заключенный зимою въ Куни, оказался такъ непрочень.

Съ іюня, Темиръ-Джанго и другіе, клявшіеся зимою въ вѣрности Симко, опять возстали на защиту поправныхъ правъ и для изгнанія Симко изъ Сомаи.

Симко обратился, понятно, за помощью къ хойскому вице-консулу. Опять былъ посланъ отрядъ въ Чиари-Кала.

Правда, русскіе активно не выступали противъ возставшихъ курдовъ, но, охраняя тылъ и резиденцію Симко, развязали ему тѣмъ самымъ руки, благодаря чему Симко, забравъ съ собою всѣхъ всадниковъ, погнался за Темиръ-Джанго. Въ горахъ произошло столкновение. Темиръ-Джанго отступилъ и ушелъ въ Турцію. Въ руки Симко, между прочимъ, попался любимый сынъ Темиръ-Джанго, котораго, конечно, сейчасъ же зарѣзали.

Этого злодѣянія Темиръ-Джанго никогда не забудетъ и не проститъ Симко. Отнынѣ, какъ кровожадный звѣрь, будетъ онъ искать случая отомстить Симко... А недовольныхъ у Темиръ-Джанго очень много... Говорятъ, что Темиръ-Джанго сказалъ: «Я не хочу сражаться теперь съ Симко потому, что за спиной его стоятъ русскіе солдаты, по настанетъ время и мы помѣримся съ нимъ».

Сейчасъ въ Сомабъ страшное недовольство противъ русскихъ за то, что они вмѣшиваются въ распри и личныя отношенія курдовъ: «Мы васъ не трогаемъ, говорятъ они; чего хотите вы отъ насъ? Мы знаемъ сами, какъ надо рѣшать свои дѣла».

Іюньское нападеніе на урмійскаго консула подъ Урміей есть опять таки результатъ недовольства и броженія среди курдовъ. Правда, нападеніе это, не стоящее выѣденнаго яйца, было страшно раздуто.

Вообще, за послѣднее время нападенія участились и, если консулы хотятъ сохранить добрыя отношенія съ курдами, то необходимо, прежде всего, немедленно выгнать Симко изъ Чиари-Кала и водворить его на жительство въ Котуръ, а, во вторыхъ, не вмѣшиваться въ личныя дѣла курдовъ, предоставивъ рѣшать ихъ самимъ курдамъ... Вѣдь у нихъ существуютъ извѣстные обычаи, которыми они и руководятся. Для чего же навязывать то, что не отвѣчаетъ укладу жизни и нѣтъ возрѣніямъ?

XVII.

О томъ, что можетъ дать сѣверная Персія въ торгово-экономическомъ и финансовомъ отношеніяхъ, а такъ-же выгодно ли присоединеніе ея къ намъ со стратегической точки зрѣнія, я напишу въ слѣдующій разъ, когда установится на Балканахъ status quo и окончательно выяснится позиція Турціи... Теперь же я хочу указать лишь на то обстоятельство, что въ настоящее время въ

сѣверной Персіи находится слишкомъ много войскъ, численность которыхъ можно было бы сократить со спокойной совѣстью.

Главная роль въ бою принадлежитъ вообще пѣхотѣ, а въ горахъ тѣмъ болѣе... Артилерія нужна здѣсь, только горная, а никакъ не полевая, при непроходимости для нея дорогъ, да и та только для того, чтобы «попугать» курдовъ.

Это происходитъ оттого, что стрѣльба шрапнелью, вслѣдствіе отлогой траекторіи и нахождения противника за гребешками горъ или глинобитными стѣнками, не наноситъ ему никакого урона.

Единственный родъ снаряда, которымъ достигается здѣсь нѣкоторый успѣхъ это—граната.

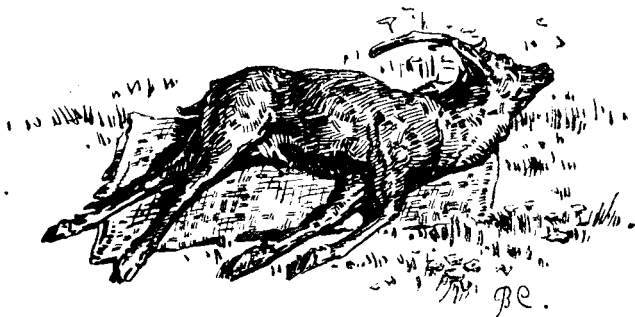
Въ настоящее время въ Азербейджанѣ находится дивизионъ полевой артилеріи, батареи котораго въ теченіе цѣлаго года не посылались ни въ одну экспедицію, тогда какъ горныя батареи стрѣлковаго дивизиона постоянно странствуютъ то туда, то сюда. Вернулись изъ одного похода, смотришь, собираются въ другой. Да если и сравнить полевую пушку 1900 года и горную, образца 1909 года, состоящія на вооруженіе въ данную минуту, то безусловно всѣ выгоды на сторонѣ послѣдней. Начну съ того, что движеніе даже горной артилеріи здѣсь очень затруднительно и сопряжено съ большими трудностями, а для полевой совершенно невозможно, потому что (какъ сказано) нѣтъ дорогъ. Какъ я уже писалъ, вмѣсто дорогъ, въ горахъ Персіи существуютъ тропы, по которымъ ишакъ или верблюды свободно проходятъ. Сможетъ пройти и горная артилерія (взявшись на вьюки, хотя и съ опасностью сверзиться въ пропасть), но не полевая. Я думаю, было бы безуміемъ даже пробовать...

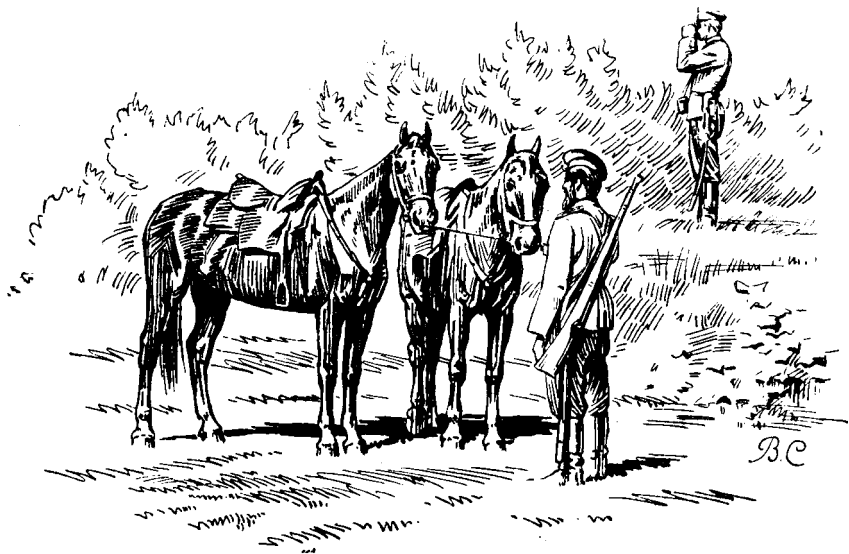
Въ силу этого полевая артилерія обрекается здѣсь на бездѣйствіе. А что хуже бездѣйствія и томительнаго ожиданія! Удобство примѣненія къ мѣстности горной артилеріи не только лучше, но выгодно еще и въ томъ отношеніи, что высота закрытій на позиціяхъ нужна меньше, чѣмъ для полевой, благодаря чему уменьшается мертвое пространство; да, наконецъ, имѣя щиты, горная артилерія можетъ свободно становиться на открытыхъ позиціяхъ, тогда какъ полевая въ этихъ случаяхъ несла бы большія потери личнаго состава. Дѣло въ томъ, что артилеріи приходится здѣсь, въ силу невыгодной топографіи мѣстности и отлогой траекторіи, становиться на близкихъ дистанціяхъ, а курды на такомъ разстояніи великолѣпные стрѣлки...

Баллистическія же свойства, какъ той такъ и другой—одина-

ковы. Такимъ образомъ, подводя резюме всему вышесказанному, нельзя не согласиться, что горная артилерія нужнѣе полевой и, въ случаѣ надобности, боевыя свойства ея могутъ быть использованы съ большимъ успѣхомъ. Если же необходимо имѣть въ Персіи такъ много артилеріи, то надо, въ такомъ случаѣ, замѣнить полевую артилерію горной или же развернуть стрѣлковыя батареи до 8 орудійныхъ (стрѣлковыя батареи имѣютъ сейчасъ запряженными по 4 орудія), что было бы самымъ цѣлесообразнымъ, а въ финансовомъ отношеніи гораздо экономнѣе.

Ж.

ВЪ ЛАГЕРЯХЪ ОСЕНЬЮ.

Люблю я, пользуясь послѣдними хорошими осенними днями, проводить свободное время въ нашихъ покинутыхъ и опустѣлыхъ лагеряхъ...

Люблю я осеннее, сѣрое, тусклое утро, съ мелкимъ, словно сквозь частое, частое сито, сѣющимъ дождикомъ, когда всѣ лагеря, такъ недавно еще шумные, веселые и оживленные, а теперь безжизненные, тихіе, молчаливые и осиротѣлые, съ офицерскими бараками, окруженными маленькими садиками, каменными ротными канцеляріями, собраніемъ, садомъ и низкими земляными валиками солдатскихъ палатокъ, кажутся покрытыми легкой водянистой пеленой; когда съ cadaго деревца, каждой вѣтки, кустика, листка, каждой ягодки ярко-краснаго пучка рябины, падаютъ такія тихія печальныя слезы, слезы осени, слезы грусти по быстро промелькнувшему лѣту...

Люблю я осеннюю лагерную тишину, гдѣ царитъ такое тоскливое молчаніе, молчаніе умершаго лагеря и красиво-шелестящихъ деревьевъ, и гдѣ такимъ рѣзкимъ и непріятнымъ дисонансомъ изрѣдка прозвучитъ пронзительный свистокъ паровоза или донесется далекій, далекій грохотъ и грубый шумъ неугомной городской жизни.

Люблю я осень въ лагеряхъ, когда съ знакомыхъ старыхъ деревьевъ срываются сухія блѣдно-желтыя листья и, съ трескомъ лопааясь, падаютъ на широкія линейки послѣдніе крупные каштаны, которые такъ любятъ собирать и увозить къ себѣ на родину наши солдаты.

Люблю я лагеря въ осеннюю погоду, въ осенній мелкій дождикъ, гдѣ рождаются такія бодрія настроенія, мечты о новыхъ лагеряхъ, осеннихъ пѣсняхъ, напѣвахъ, минувшихъ, такъ ярко всплывающихъ предо мною, лагерныхъ впечатлѣніяхъ.... Вспоминается осенняя солдатская жалобная пѣсня:

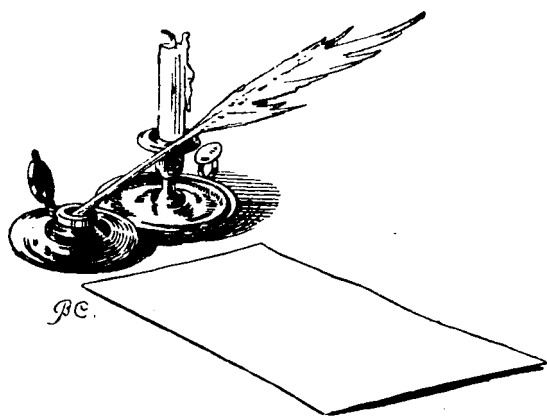
«Не осенній мелкій дождикъ,
Брызжетъ, брызжетъ сквозь туманъ...
Слезы горькія льетъ молодецъ на свой бархатный кафтанъ.»

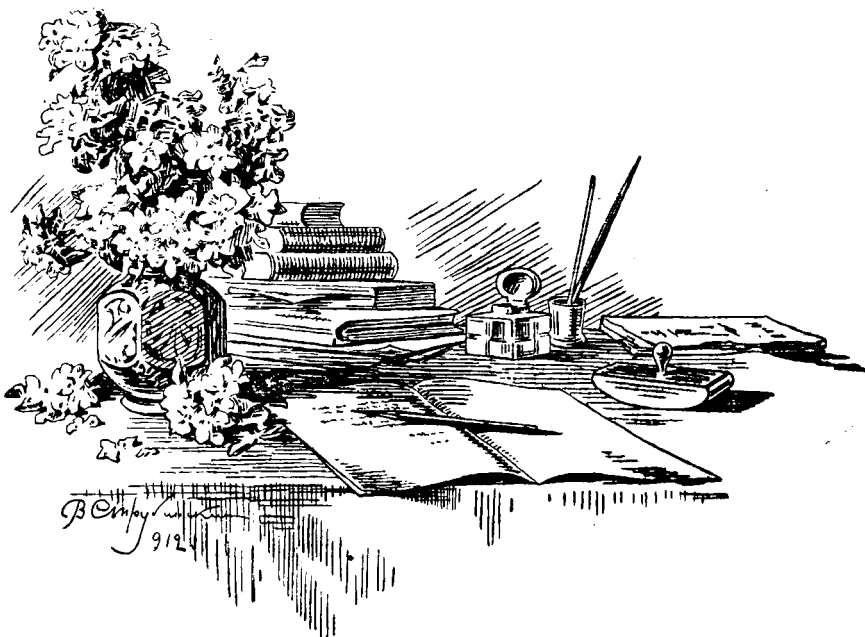
Мнѣ жаль ласковыхъ и тихихъ лагерей, дышащихъ такой нѣжной военной поэзіей, тихой прелестью, меланхолическими думами и неизгладимыми яркими впечатлѣніями промелькнувшей кипучей бодрой жизни, такъ дружно звучащей въ нашемъ старомъ полку гдѣ заложилась чудная товарищеская спайка, созданная длинной работой ряда самоотверженныхъ, влюбленныхъ въ суровое военное дѣло, памятныхъ поколѣній...

Мнѣ жаль ихъ, затихшихъ военныхъ лагерей, гдѣ готовилось къ войнѣ еще одно молодое, сильное, горячо вѣрующее въ неуязвимую славу родныхъ знаменъ, военное поколѣніе...

Мнѣ жаль ихъ, умолкшихъ на зиму лагерей....

А. Лангъ.

ХУРТУМЪ И ЁРШИКЪ ¹⁾.

Повѣсть.

(Продолженіе).

VII.

асовъ около трехъ ночи сталъ стихать вѣтеръ и вой Ершика, дотолъ относимый его порывами, сталъ тревожить обитателей дома.

Первой проснулась на кухнѣ за своей перегородкой Марья.

— Василій, а Василій! окликнула она денщика.

Отвѣтомъ ей былъ басистый храпъ солдата.

Марья стала прислушиваться. «Ершикъ» рвался, вылъ и лаялъ, выливая всю тоску своей собачьей души...

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 9.

— Ой, не къ добру это, прошептала Марья. Впервые съ нимъ, сколько на цѣпи сидить. Собака толковая—зря не станетъ... О, Господи!

«Пойду-ка, побужу Василю», рѣшила она и, наскоро одѣвшись, встала.

Но денщика не такъ то легко было разбудить и прошло по крайней мѣрѣ четверть часа, пока солдатъ началъ понимать окружающее.

— А? что? воетъ? говорилъ онъ, приходя въ себя; ну, пусть воетъ...

— Да очухайся ты, не унималась Марья; подь, посмотри... О-охъ, не проста это. Собака толковая...

Ее все больше охватывало непонятное волненіе. А лай и вой «Ершика» все лились, и слышался въ нихъ и ужась, и тоска, и призывъ на помощь.

— Ахъ, штобъ васъ! Наговорятся на ночь про разныхъ овиниковъ, огрызнулся Василій, а потомъ чудится имъ... Вотъ я его...

Онъ всталъ, накинулъ шинель и, схвативъ стоящую въ углу хворостину, выскочилъ на крыльцо.

— Ты что, паскуда, очумѣль, что-ли!? набросился онъ на «Ершика», кинувшагося къ нему навстрѣчу съ жалобнымъ воемъ.

Нотолько онъ замахнулся, чтобы ударить собаку, какъ «Ершикъ» взвился на дыбы, схватилъ его за горло и прежде, чѣмъ присѣвшій отъ страха Василій успѣлъ опомниться, повалилъ, легъ ему на грудь, но вмѣсто того, чтобы кусать, завылъ протяжно и тоскливо, глядя въ лицо солдата жалобными глазами.

Всю эту картину, при тускломъ свѣтѣ нарождавшагося утра, видѣла вышедшая вслѣдъ за Василюемъ Марья. Она бросилась къ собакѣ и стащила ее за ошейникъ.

— Ахъ, ты такъ! храбрился блѣдный, какъ полотно, денщикъ, вскакивая съ земли. Ты кусаться!... Вотъ я тебя! И онъ кинулся по двору, ища палку поосновательнѣе.

— Да полно тебѣ! Ишь ты Аника-воинъ! Нашелъ время драться. Гляди-тко лучше!

— А что глядѣть то? огрызнулся Василій.

Марья молча указала ему на собаку. Взившись на заднія лапы и натянувъ цѣпь насколько можно, повиснувъ на ней, «Ершикъ» раздрающимъ тоскливымъ воемъ заливался въ сторону конюшни.

— Подь, Василій, посмотри, убѣждала его Марья. О-охъ, не къ добру это.

Но денщикъ оставался непреклоненъ.

— Стану съ вами я тутъ валандаться! Мало дня! Овинникъ што-ль, либо домовой ходить, по вашему понятію? презрительно фыркнулъ онъ и пошелъ къ дому.

— Креста на тебѣ нѣтъ! Безбожникъ! крикнула ему вслѣдъ Марья и отправилась одна въ обходъ дома.

Черезъ десять минутъ весь домъ былъ на ногахъ.

Василій съ зажженнымъ фонаремъ, хотя въ этомъ не было никакой необходимости, бѣжалъ впереди ротмистра. Сзади слѣдовала Марья, причитая, плача, жестикулируя и ругая Василя. Остальные домашніе, испуганные извѣстіемъ, кое-какъ одѣвшись, сбились въ столовой.

Вѣтеръ ослабѣлъ и налеталъ перывами. Мутный воздухъ начиналъ сѣрѣть, колышась точно влажная полупрозрачная завѣса и тумана очертанія предметовъ. Свинцовыя тучи громоздкой стаей тянулись низко надъ землею. Деревья сада то застывали неподвижно, то съ жалобнымъ стономъ раскачивались оголенными вѣтвями и кланялись, точно стараясь умиловить какое то грозное божество. Опавшій листъ не шуршалъ подъ ногами, а стлался влажнымъ и желтымъ ковромъ на вязкую землю.

Когда приближались къ конюшнѣ, издали можно было скорѣе угадать напряженнымъ глазомъ, чѣмъ распознать что то черное на землѣ.

— Вонь! Во-о-онь! Го-луб-чи-и-къ! заголосила Марья.

Налетѣлъ вѣтеръ, скрипнула и застучала замкомъ (на сорванной съ пробойника клямкѣ) конюшенная дверь; точно крылья черной птицы затрепались въ воздухѣ фалды коротенькаго мундира.

Ражанцовъ лежалъ наискось, ногами къ дверямъ. Фуражка была нахлобучена на глаза и онъ производилъ издали впечатлѣніе мирно спавшаго человѣка, если бы не ужасныя подробности, открывавшіяся съ приближеніемъ... Изъ подъ козырька фуражки, вмѣсто знакомаго лица и бороды, виднѣлся застывшій темно-коричневый кровяной сгустокъ; такая же коричневая влага легла вокругъ головы и плечъ, пропитавъ землю. Разсѣченная на макушкѣ фуражка вздулась волдыремъ и изъ нея медленно, почти незамѣтно, тянулась къ землѣ тонкая и густая струя застывшей крови. Изъ скрюченныхъ кровавыхъ обрубковъ пальцевъ далеко откинутой правой руки еще струилась алая кровь; временами конвульсивно вздрагивала рука...

VIII.

Ражанцовъ остался живъ. Поднятая рука и солдатская привычка носить въ фуражечной подкладкѣ заколотыя иголки съ нитками, обмотанными вокругъ нихъ, спасли его. Подававшій первую помощь врачъ не могъ понять, откуда взялись у него на головѣ двѣ поперечныя ранки—одна тоненькая и короткая, другая значительно длиннѣе и толще. Осмотрѣли фуражку и на линіи прорѣза нашли двѣ иголки. Тоненькая была сломана пополамъ и острый конецъ ея отсутствовалъ, а на толстой едва различалась простымъ глазомъ царапина—слѣдъ ударившаго ее кинжала. Средніе пальцы правой руки были обрублены, точно скошены по первый суставъ, а съ двухъ боковыхъ была снесена мякоть съ частью ногтя.

Большая потеря крови сдѣлала его очень слабымъ и очнулся онъ только на вторыя сутки въ госпиталѣ, куда его доставили. Первымъ вопросомъ его было, что случилось съ «Хуртумомъ». Но ни госпитальные служители, ни сестра милосердія ничего не знали о подробностяхъ происшествія.

Разказалъ ихъ Юрій, прибѣжавшій на третій день въ сопровожденіи бонны, узнавъ отъ отца, что его другу лучше.

Торжественно безмолвны и пустычны были безконечные госпитальные корридоры. Сѣрая полотняная дорожка, протянутая лентой между двухъ полосъ желтаго крашенаго пола, скрадывала глухой гулъ шаговъ. Пахло смѣсью лекарствъ, изъ которой выдѣлялся рѣзкій запахъ карболки и іодоформа. Высокія двери въ палаты были плотно заперты, какъ будто хранили за собой непроницаемую тайну. Только изрѣдка изъ-за стѣны доносился заглушенный крикъ или тихій стоны.

Послѣ долгаго странствованія, ввели ихъ въ просторную, свѣтлую комнату, гдѣ въ три ряда, съ равными промежутками, тянулись кровати вперемежку съ бѣлыми небольшими столиками.

— Вотъ, указалъ служитель въ фартукѣ съ засученными рукавами рубашки.

Юрій не узналъ своего друга. Съ бѣлой, точно чалма, повязкой на головѣ, съ притянутой на бинтѣ къ груди, закутанной рукой блѣднымъ лицомъ и ввалившимися закрытыми глазами, лежалъ, вытянувшись подъ сѣрымъ одѣяломъ, какой то человекъ. И только рыжеватая окладистая борода напоминала о Ражанцовѣ.

Нѣсколько мгновений стоялъ Юрій въ нерѣшительности съ бьющимся и замирающимъ сердцемъ. Такъ жутко и необычайно было здѣсь. Такъ тяготила эта тишина, гдѣ каждый звукъ раздавался преувеличенно громко. Давила симметричность и однообразие кроватей, съ дощечками на высокихъ шестахъ, напоминающихъ могильные кресты, съ вытянувшимися неподвижно подъ этой эмблемой смерти искалѣченными, полуживыми людьми.

Какой то солдатъ, сосѣдъ Ражанцова, какъ потомъ узналъ Юрій, — съ раздавленной при паденіи на него лошади грудной клѣткой, издавалъ горломъ какіе то странные свистящіе звуки, точно наигрывалъ на флейтѣ.

— Ег schlift (*спитъ*), тихо сказала фрейленъ.

— Уйдемъ, прошепталъ Юрій, прижимаясь къ ней отъ страха.

Въ это время Ражанцовъ открылъ глаза. Они были тусклы, безжизненны и глядѣли неподвижно. Но вдругъ по лицу его скользнула улыбка, волосы бороды и усовъ едва замѣтно зашевелились, затопорщились, и онъ тихо сказалъ:

— А, барчукъ!

— Вотъ мама тебѣ прислала, заторопился Юрій, чувствуя себя неловко и не зная съ чего начать разговоръ.

Онъ протянулъ и положилъ на колѣни больному свертокъ съ чаемъ, сахаромъ и полубутылкой коньяка.

— Дай Богъ ей здоровьца, тихо и ласково сказалъ Ражанцовъ.

Потомъ помолчалъ, подумалъ и, удовлетворяя неотвязную мысль, спросилъ:

— А «Хуртума» тово... увели?

— Увели, повторилъ Юрій и, обрадовавшись, что есть о чемъ говорить, принялся, спѣша и сбиваясь, рассказывать о видѣнномъ на мѣстѣ происшествія, о слышанной отъ отца безрезультатной погонѣ и такихъ же безрезультатныхъ поискахъ.

Когда тема эта изсякла, наступило тягостное молчаніе. Ражанцову, видимо, было трудно говорить.

— Ты усталъ? Я пойду, полувопросительно сказалъ Юрій, ерзая на скамейкѣ и не зная, что предпринять.

— Подь-ка сюда, протянулъ къ нему Ражанцовъ здоровую руку.

Когда Юрій, не безъ боязни, придвинулся къ нему, онъ придержалъ его за плечики, еще больше наклонилъ къ себѣ и, щекоча его лицо бородой, зашепталъ на ухо:

— «Ершика» съ цѣпи то спусти... безпремѣнно спусти... пусть побѣгаетъ на волѣ... а ты погляди за нимъ, какъ онъ побѣжить... Спустишь?

— Спущу, сказалъ Юрій, удивляясь пустяшности просьбы, которую его другъ облекалъ такою таинственностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ косясь на бонну.

— Не запамятуй, еще разъ напомнилъ Ражанцовъ, и, когда Юрій еще разъ пообѣщалъ исполнить, по лицу его пробѣжала удовлетворенная и какъ будто лукавая усмѣшка.

Когда собрались уже уходить, внезапно и порывисто подошла къ Ражанцову нѣмка.

— Пошалуйста, вотъ возмѣйть... мой братъ bei Metz (*подъ Мецомъ...*) зъ ружьямъ... Grosser Gott (*о, мой Богъ!*), какъ она страдалъ...

И показавъ одной рукой на грудь, куда былъ раненъ ея братъ подъ Мецомъ, она другой сунула Ражанцову въ руку какую-то мелочь и быстро, сжавъ ее рукопожатіемъ, бросилась вонъ. Она была взволнована. Въ глазахъ ея стояли слезы.

IX.

Въ эти дни всѣ забыли о «Ершикѣ». Даже Юрій навѣщалъ его рѣже, чему отчасти была виною ненастная вѣтреная погода. Василиій былъ золь на собаку и ее взяла подъ свое покровительство Марья.

— Пса-то не обманешь! Смышленный песь—чуешь несчастье, словно человекъ грустить, говорила Марья, возвращаясь на кухню съ миской, въ которой носила «Ершику» похлебку.

И, дѣйствительно, за эти дни «Ершикѣ» совершенно перемѣнился. Послѣ того, какъ мимо него пронесли безчувственнаго Ражанцова, онъ легъ, пересталъ выть и лаять и такъ неподвижно лежалъ по цѣлымъ днямъ подлѣ конуры, не прикасаясь къ пищѣ. Когда къ нему приближался Юрій или Марья, онъ вскакивалъ, жалобно повизгивая, лизалъ руки, бросался въ сторону конюшни, лаялъ и вылъ, поворачивая къ нимъ свою взъерошенную морду; опять подбѣгалъ къ нимъ и, снова оборачиваясь, какъ бы приглашая слѣдовать за собою, бросался и вылъ въ ту сторону, гдѣ произошло несчастье съ его друзьями.

— Ишь, горюеть, объясняла себѣ Марья.

Юрій никакъ не могъ понять поведенія собаки. Да и не осо-

бенно задумывался надъ этимъ. Онъ зналъ одно, что «Ёршикъ» сталъ скучный, отказывается продѣлывать свои штуки и что съ нимъ не такъ весело играть, какъ прежде.

Конечно, никому и въ голову не приходило спускать «Ёршика» съ цѣпи и онъ все время проводилъ на привязи.

Вернувшись изъ госпиталя, Юрій рѣшилъ привести въ исполненіе просьбу друга. Улучивъ моментъ, когда бонна сѣла заниматься съ сестренкой, а старшіе были заняты съ гостями, Юрій одѣлъ пальтишко, шляпенку и выскочилъ на дворъ.

Было часовъ около четырехъ дня. Красноватое солнце медленно клонилось къ закату, по небу скользили разорванными клочьями серебристо-дымчатая облака. Выжженная волнистая окрестности утопали въ какомъ-то тускло-золотистомъ сіяніи. Дулъ неизмѣнный вѣтеръ и, несмотря на солнечные лучи, было холодновато.

— Ёршикъ! Ёршикъ! позваль Юрій.

Лязгая цѣпью по проволокѣ, собака подбѣжала къ нему и, жалостно повизгивая, принялась лизать ему руки. Она замѣтно похуѣла и утратила былую жизнерадостность.

— Ёршикъ, стой!... но собака, не подозрѣвая, что ей хотять дать свободу, по обыкновенію послѣднихъ дней, бросилась въ противоположный конецъ проволоки и завyla въ сторону конюшни.

— Ёршикъ, подожди-же!

Съ большимъ трудомъ Юрію удалось отстегнуть карабинъ цѣпи.

Первое мгновеніе собака не вѣрила своей свободѣ, затѣмъ радостно взвизгнула и, изъявляя Юрію свою признательность, лизнула его въ лицо.

Потомъ, сдѣлавшись серьезной и какъ бы исполняя свой долгъ, затрусилла на черный дворъ, оборачиваясь на Юрія, таякая, повиливая хвостомъ и приглашая его всѣми собачьими жестами и возгласами слѣдовать за собою.

Грустно стояла покинутая конюшня. Дверь покачивалась и скрипѣла на вѣтру. Наискось, подлѣ двери, еще ясно обозначалось коричневымъ пятномъ мѣсто, гдѣ лежалъ Ражанцовъ.

Внимательно обнюхалъ его «Ёршикъ» и залаялъ, но въ этомъ лаѣ уже не было печали, какъ будто онъ былъ увѣренъ, что его хозяинъ живъ.

Слѣдовать за собакой въ конюшню Юрій побоялся. Тамъ былъ полумракъ и казалось, что кто-то спрятался и выжидаетъ момента, чтобы наброситься.

Долго «Ершикъ» пробылъ въ конюшнѣ. Когда онъ появился на порогѣ, морда его была озабоченной. Внимательно обнюхивая землю, шагъ за шагомъ онъ подвигался впередъ. Вотъ онъ у пролома въ заборѣ, черезъ который вывели конокрады лошадей, вогъ уже въ полѣ. Слѣды погони, очевидно, его путаютъ. Онъ дѣлаетъ петли, кружится на одномъ мѣстѣ, возвращается назадъ и снова ведетъ.

Раздается его радостный лай. Онъ смотритъ на Юрія, бросается впередъ и неудержимо, весело лаетъ.

— Ершикъ! Ершикъ! Ершикъ!

Собака оборачивается, бросается впередъ и снова радостно лаетъ, какъ бы говоря: «Да иди же за мной!»

— Ершикъ! Ершикъ! Ершикъ!

Убѣдившись, что Юрій и не думаетъ за нимъ слѣдовать, «Ершикъ» раза два прощально тявкнулъ и, уткнувшись носомъ въ землю, подкидывая на ходу задомъ, безъ колебаній понесся въ волнистое пространство предгорій.

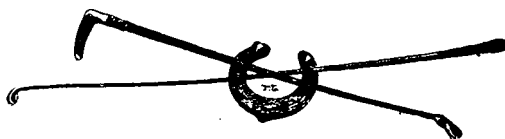
— Ершикъ! Ершикъ! Ершикъ!... голосъ Юрія подхватывалъ вѣтеръ и, точно издѣваясь, уносилъ въ сторону.

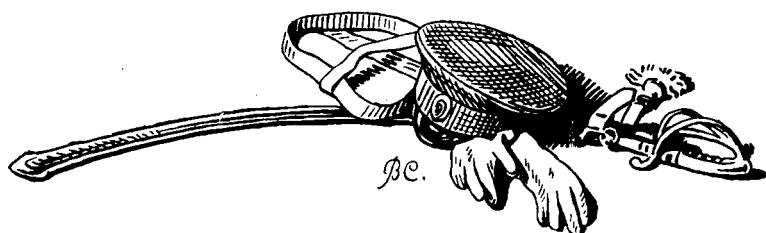
— Ершикъ! А Ершикъ!... въ голосѣ послышались слезы.

Собака еще разъ мелькнула и исчезла въ складкахъ мѣстности, точно нырнула въ тускло-золотистый океанъ выжженныхъ солнцемъ волнистыхъ предгорій.

Трилицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Спортъ заграницей.

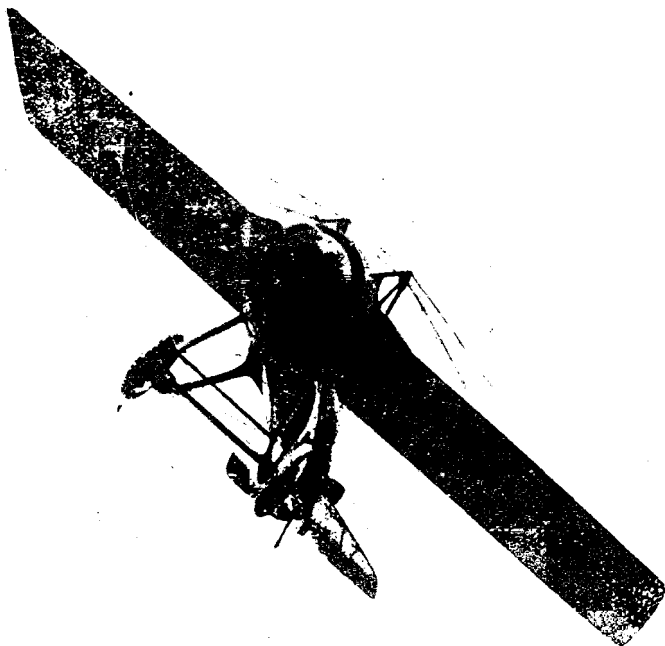
10-го (23-го) сентября извѣстный французскій летчикъ Гарро совершилъ безостановочный перелетъ черезъ Средиземное море изъ С. Рафаэля въ Бизерту, покрывъ разстоянiе въ 760 километровъ въ 7 часовъ 53 минуты; Гарро летѣлъ на монопланъ Моранъ-Сонье (Morane-Saulnier) съ 60-ти сильнымъ моторомъ Гномъ.

Отважный летчикъ отказался отъ сопровожденiя его судами и и не захотѣлъ летѣть на гидропланъ, увеличивая тѣмъ самымъ рискъ полета надъ моремъ. Взявъ съ собою 250 литровъ эссенци, Гарро поднялся на воздухъ въ 5 часовъ 47 минутъ утра, рассчитывая быть въ Бизертѣ черезъ 6 часовъ. По словамъ авиатора, въ виду Корсики и особенно между этой послѣдней и Сардинiей, у него были сильныя опасенiя, что моторъ сдастъ. Но особенно тяжелой была послѣдняя часть перелета, когда, потерявъ изъ виду Сардинiю, окруженный воздухомъ и водой, борясь съ порывами сильнаго вѣтра, съ лицомъ, сжигаемымъ палящими лучами солнца, Гарро убѣдился, что расходъ эссенци превысилъ его расчеты; дѣйствительно, при спускѣ въ Бизертѣ, въ аппаратъ оставалось эссенци всего 5 литровъ.

Въ 1 часъ 40 минутъ дня побѣдитель воздушной стихiи достигъ береговъ Африки.

Прево, другой известный французский летчикъ, получилъ кубокъ Гордонъ-Беннетта, развивъ на монопланѣ Денердюссена со 160 сильнымъ моторомъ Гномъ (см. рис. № 1) скорость 200 кил. 803 м. въ часъ; Прево пролетѣлъ разстояніе въ 200 километровъ въ 59 минутъ 45,6 секунды.

Рис. № 1.

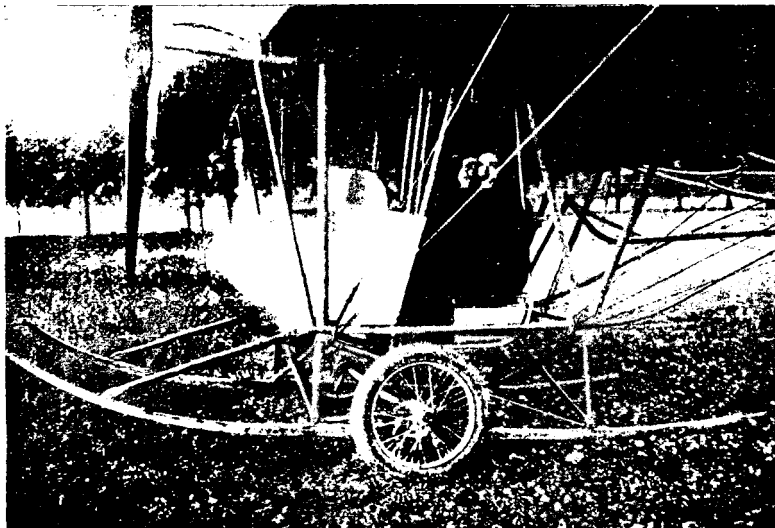
ФРАНЦІЯ. Прево во время своего полета со скоростью 200 кил. въ часъ

Не менѣе интересенъ полетъ авіатора Моро на монопланѣ его системы съ автоматическимъ стабилизаторомъ, давшій его изобрѣтателю призъ Бонне (1.000 фр.).

По условіямъ приза, летчикъ долженъ былъ, управляя однимъ рулемъ направленія, совершить круговой полетъ не менѣе 20 километровъ по кругу въ 5 километровъ, при вѣтрѣ не менѣе 5 метровъ въ секунду. Моро, вмѣстѣ съ повѣрявшимъ его лейтенантомъ флота Лафонъ (см. рис. № 2), совершилъ полетъ на высотѣ 110 ме-

тровъ въ теченіе 25 минутъ, скрестивъ руки, не дотронувшись до рычаговъ и управляя ногами рулемъ направленія; вѣтеръ былъ силою 15 метровъ въ секунду.

Рис. № 2.

ФРАНЦІЯ. Авиаторъ Моро и лейтенантъ Лафонъ на новомъ аэропланѣ Моро.

Съ военной точки зрѣнія, такое облегченіе работы летчика заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, не говоря уже о бѣльшей безопасности полета.

Развилъ небывалую скорость въ истекшемъ мѣсяцѣ и дирижабль, установивъ новый рекордъ: новый дирижабль англійскаго адмиралтейства «Астра-Торресъ» (Astra-Torrès) показалъ на пробномъ испытаніи скорость въ 83 километра 200 м. въ часъ (см. рис. № 3).

Въ пріемныя испытанія было включено условіе расположенія дирижабля подъ открытымъ небомъ на 24 часа. Въ медальонѣ на прилагаемомъ рис. № 3 показано предложенное для этой цѣли приспособленіе. Послѣднее состоитъ изъ желѣзнаго столба, перевозимаго на автомобилѣ и прочно устанавливаемаго на землѣ помощью отяжекъ; дирижабль удерживается носовою своею частью на верхушкѣ столба посредствомъ конуса, вершиной прикрѣпленнаго къ столбу, а основаніемъ—къ дирижаблю; конусъ легко вращается на оси столба, позволяя все время держать дирижабль по вѣтру.

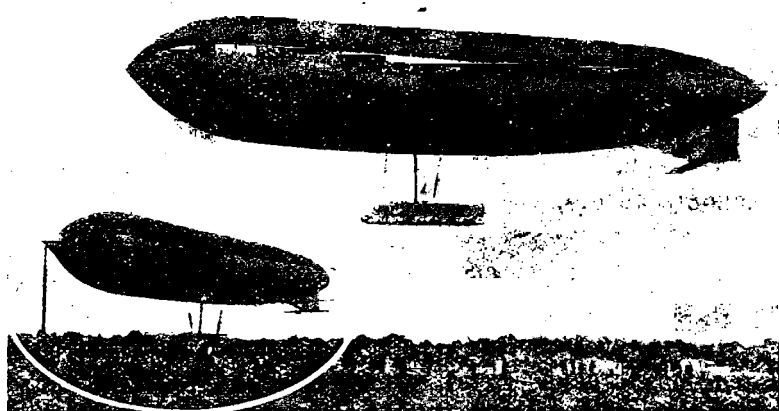
На испытаніи сила вѣтра колебалась отъ 11 до 17 метровъ въ секунду, и дирижабль спокойно пробылъ 24 часа подъ открытымъ небомъ.

Конструктивныя данныя «Астра-Торресъ» слѣдующія: діаметръ—13 м. 50; длина—70 м.; объемъ—7.000 куб. м.; подъемная сила—около 2.500 килогр.; двигатели—два мотора Шеню 200 НР.

«Illustration» посвящаетъ большую статью съ прекрасными рисунками Сабаттѣ «школѣ атлетовъ» (Collège d'athlètes), открытой въ Реймсѣ, благодаря энергіи извѣстнаго лейтенанта Хебера (Hébert) и щедрости маркиза де-Полиньяка.

Цѣль учрежденія названной школы, по словамъ директора ея—Хебера, создать «нормальныхъ людей» съ помощью его системы. Школа располагаетъ отличнымъ стадіономъ со всѣми необходимыми гимнастическими приборами; тутъ же свѣтлыя просторныя помѣщенія школы и открытый бассейнъ съ прекрасной водой.

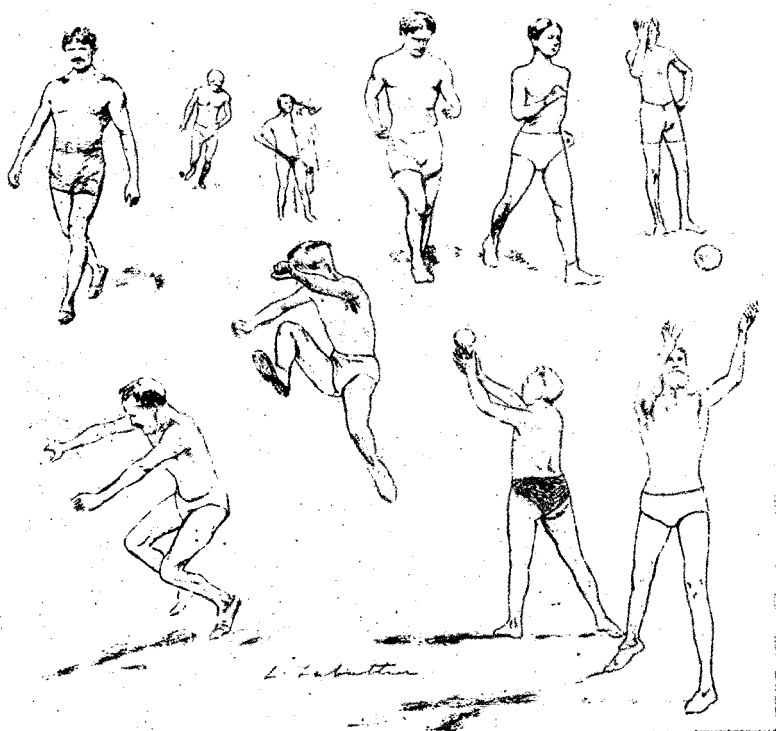
Рис. № 3.

АНГЛІЯ. Новый дирижабль «Астра-Торресъ».

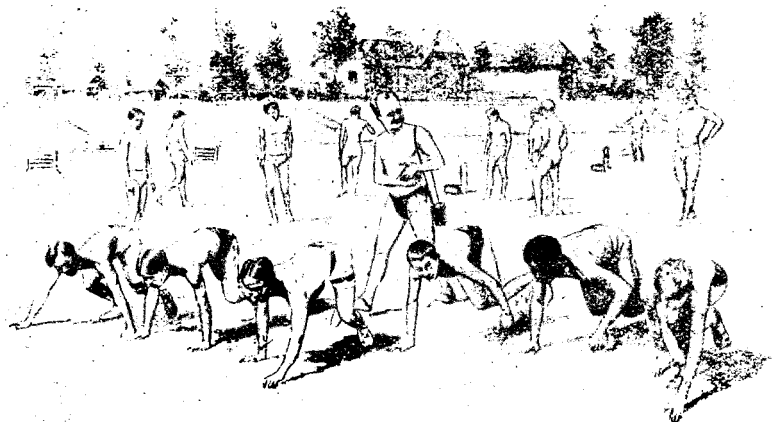
Ученики школы, какъ для упражненій, такъ и для отдыха, не знаютъ другого костюма, какъ короткій купальный и, въ случаѣ необходимости, просторный пенюаръ, вполне замѣняющій древнюю тогу. Жить обнаженнымъ подъ благотворнымъ вліяніемъ воздуха, солнца и воды, съ ничѣмъ нестѣсненными движеніями—это первое требованіе разумной культуры тѣла. Благодѣтельное вліяніе этого режима сказывается очень скоро. Сбросивъ стѣснительную одежду,

Рис. № 4.

Различныя упражненія учениковъ.

Рис. № 5.

Ходьба на четверенькахъ

тѣло. въ полномъ смыслѣ слова, начинаетъ расцвѣтать, подобно растенію, долго остававшемуся въ тѣни и вынесенному на солнце.

Ученики школы, закаляя свой организмъ, перестаютъ бояться холода и навсегда разстаются съ простудой. Разстаются они и съ папиросой, такъ какъ... папиросы негдѣ носить. И вотъ, освобожденные отъ отравы никотиномъ, приученные къ жарѣ и холоду, драпируясь въ тогу или съ обнаженнымъ торсомъ, атлеты ведутъ жизнь далеко ушедшихъ отъ насъ античныхъ временъ. И эта жизнь полна и духовной красоты и благожелательнаго общенія другъ съ другомъ, бесѣдъ, занятій...

Лейтенантомъ Хеберомъ установлены подробныя правила тренировки, но цѣль ихъ вовсе не стремленіе создать рекордистовъ; «человѣкъ, какъ всякое живое существо, говоритъ Хеберъ, долженъ добиться своего полного физическаго развитія простой практикой въ упражненіяхъ, для которыхъ созданъ его организмъ». Эти 8 упражненій (*exercices naturelles*) слѣдующія: ходьба, бѣгъ, прыганье, лазанье, подниманіе, бросаніе, плаванье и борьба; эти упражненія и должны войти въ составъ часового урока, который повторяется два раза въ день—утромъ и послѣ полудня—на стаціонѣ.

Двѣнадцать испытаній опредѣляютъ собой наименьшій предѣлъ элементарнаго развитія, обозначаемый полемъ на личномъ листкѣ каждаго ученика для того, чтобы онъ могъ слѣдить и работать надъ своимъ развитіемъ:

- 1) бѣгъ на 100 метровъ въ 16 секундъ;
- 2) бѣгъ на 500 метровъ въ 1 мин. 40 сек.;
- 3) бѣгъ на 1.500 метровъ въ 6 минутъ;
- 4) прыжки въ высоту (безъ разбѣга) на 0,80 метра;
- 5) прыжки въ высоту (съ разбѣгомъ) на 1 метръ;
- 6) прыжки въ длину (безъ разбѣга) на 2 метра;
- 7) прыжки въ длину (съ разбѣгомъ) на 3,5 метра;
- 8) лазаніе по канату (безъ помощи ногъ) на 5 м.;
- 9) выжиманіе груза въ 40 килогр.;
- 10) бросаніе груза въ 7 килогр. на 6 метр.;
- 11) плаваніе на 100 метровъ въ 3 мин.;
- 12) нырнаніе подъ воду на 10 сек.

Если достигаютъ большаго, прибавляется соотвѣтствующее количество очковъ, сумма которыхъ и обозначаетъ степень общаго развитія даннаго лица.

Кромѣ двухъ ежедневныхъ уроковъ, ученики занимаются сами

своей тренировкой, играми, спортивными состязаніями, слушаютъ соответствующія лекціи по анатоміи и т. п.

Рис. № 6.

Маленькія «атлетки» въ бѣгѣ на 100 метровъ.

Рис. № 7.

Солнечная ванна на зеленыхъ скатахъ стадіона.

Взрослые, юноши, дѣти могутъ почерпнуть въ этомъ полезномъ учрежденіи тѣ запасы здоровья, которые такъ необходимы въ антигигіеническихъ условіяхъ современной городской жизни. Прилагаемые рисунки №№ 4, 5, 6 и 7 даютъ нѣкоторое представленіе о жизни и дѣятельности «Школы атлетовъ».

Лѣтомъ этого года Гренобльскій отдѣлъ «*éclaireurs de France*» организовалъ интернаціональный праздникъ «развѣдчиковъ» въ живописной гористой мѣстности Дофина.

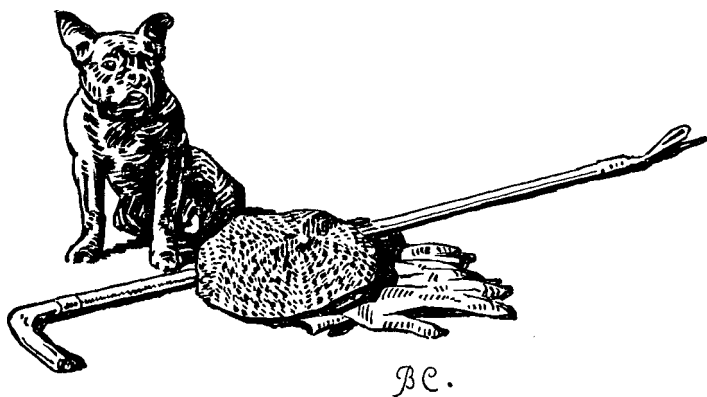
Торжество началось пріемомъ собравшейся молодежи въ Гренобль, послѣ чего молодые, жизнерадостные «развѣдчики» отпра-

вились собственноручно устраивать свой палаточный лагерь близъ Грандъ-Шартрезъ въ отрогахъ Альпъ.

Горныя экскурсіи, игры, состязанія заставили быстро промелькнуть восемь дней здоровой жизни въ палаткѣ или прямо «на снѣгѣ», жизни, полной физическихъ упражненій, проявленій инициативы и товарищескаго общенія со своими однолѣтками.

Пользу подобныхъ «сборовъ» молодежи отрицать нельзя и можно только пожелать, чтобы и у насъ шире развились подобныя спортивныя экскурсіи на лоно природы, главнымъ образомъ, учениковъ училищъ большихъ городовъ.

Вронскій.

вс.

В И В Л І О Г Р А Ф І Я.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

«Revue militaire générale», руководимая, послѣ смерти генерала Ланглуа, бывшимъ французскимъ генералисимусомъ, генераломъ де Лакруа, является, быть можетъ, самымъ интереснымъ журналомъ, посвященнымъ военнымъ вопросамъ общаго, оперативнаго характера. Въ сентябрьскомъ номерѣ заключается чрезвычайно ясный очеркъ операціи сербской арміи во время второй балканской войны. Призракъ европейскаго вмѣшательства виситъ надъ каждой балканской войной; во время военныхъ дѣйствій стратеги армій малыхъ государствъ не исходятъ изъ тѣхъ же принциповъ борьбы для уничтоженія противника, которые установлены великодержавнымъ военнымъ искусствомъ, а непрерывно подчиняются дипломатическимъ внушеніямъ. Операція болгарской арміи на Овчемъ Полѣ—это дурная политика и жалкая, подчиненная ей стратегія. Сербская армія своими главными силами, въ виду ожидавшагося столкновенія съ болгарами, развернулась не на кратчайшихъ путяхъ въ Софію, и не на старой сербо-болгарской границѣ: прикрывать важнѣйшія старыя сербскія земли, направленіе на Нишъ, не приходилось, такъ какъ здѣсь граница была установлена твердо. Главныя силы сербовъ собрались южнѣе, на Овчемъ полѣ, и этотъ районъ сербскаго развертыванія понятенъ, такъ какъ онъ прикрывалъ спорную область Македоніи и ободрялъ грековъ къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ. Болгарскій полководецъ, руководясь чистой стра-

тегій, намѣтилъ бы главный ударъ въ лѣвый флангъ сербскихъ силъ—примѣрно, на Егри-Паланку и Власина, чѣмъ сербскія арміи королевича Александра и генерала Янковича отрѣзывались бы отъ Сербіи и скоро должны были бы обезсилѣть въ чуждой еще имъ Македоніи. Но такое рѣшеніе было связано съ отвѣтственностью—открыто признать себя зачинщикомъ второй балканской войны; политика не могла разрѣшить стратегіи нанести бывшему союзнику ударъ въ его исконныхъ земляхъ; политика могла позволить лишь создать иллюзію крупнаго аванпостнаго недоразумѣнія, которое могло сойти за поводъ для того, чтобы столкнуть непріятельскія войска, непосредственно мѣшающія занять спорный участокъ территоріи. Болгары такъ и поступили: они развернулись на широкомъ фронтѣ, почти кордономъ, противъ спорной территоріи, и этимъ кордономъ перешли въ наступленіе. При этомъ почти вся тяжесть операціи выпадала на 5 дивизій арміи ген. Ковачева, растянутыхъ на 70 верстъ... 2 изъ 5 болгарскихъ армій выполняли совершенно второстепенную операцію—сторожили старую границу. Глубокое презрѣніе къ врагу должны были исповѣдывать болгарскіе генералы, принявшіе такой штатскій, дипломатическій планъ вооруженнаго захвата Македоніи.

Лѣвый флангъ арміи Ковачева — 2-я дивизія, въ районѣ Криво-Лаковицы—имѣлъ большой успѣхъ надъ арміей генерала Янковича. Рѣшающимъ же явился неуспѣхъ праваго фланга — 7-й дивизіи. Сербы встрѣтили болгаръ короткимъ переходомъ въ наступленіе.

Не останавливаясь на интересномъ очеркѣ сербскаго маневрированія, отмѣчу, что это сраженіе на Овчемъ-Полѣ или, вѣрнѣе, на р. Брегалницѣ, удивительно напомнило наше сраженіе на р. Шахъ: примѣрно тотъ же фронтъ, близкое и параллельное развертываніе обѣихъ армій предъ боемъ, захожденіе наступающихъ болгаръ лѣвымъ флангомъ, переходъ сербовъ въ наступленіе противъ праваго фланга; успѣхъ сербовъ здѣсь не развивается, а резервы передвигаются на югъ, для противодѣйствія побѣдоносному болгарскому лѣвому флангу. Отдѣльные бои дивизій, шатаніе войскъ по фронту, вмѣсто развитія одержанныхъ успѣховъ, и въ результатѣ—такой же, какъ и на р. Шахѣ, нерѣшительный исходъ сраженія. Но политика и не требовала отъ сербовъ полнаго уничтоженія болгарской вооруженной силы: начавшееся вторженіе румынъ и турокъ должно было смирить врага. Какъ слѣдствіе отсутствія стремленія къ вполне рѣшительному удару—рядъ отдѣльныхъ чрезвычайно (въ суммѣ) кровопролитныхъ столкновеній на всемъ фронтѣ.

Какъ и сраженіе на р. Шахѣ ¹⁾, сраженіе на р. Брегалницѣ

¹⁾ Параллели съ этимъ сраженіемъ у Реджинальда Кана, автора цитируемой статьи, нѣтъ, она остается на отвѣтственности рецензента. <

весьма типично, какъ прообразъ будущихъ сраженій на европейскомъ театрѣ войны; съ точки зрѣнія военного искусства оно любопытнѣе операций 1-й балканской войны, и было бы нежелательно, чтобы оно ускользнуло отъ нашего изученія, въ виду общаго ослабленія нашего вниманія къ Балканамъ.

Подполковникъ дю-Мениль, описывая сраженіе у Леманса, возвращается къ любимой французской темѣ о томъ, что возможно выполнить съ импровизованными солдатами. Положеніе французскихъ армій, импровизованныхъ во вторую половину войны 1870—71 гг., было дѣйствительно тяжело. Достаточно сказать, что на вооруженіи имѣлось 89 различныхъ образцовъ ручного огнестрѣльнаго оружія—были сложныя, деликатныя винтовки Спенсера и два образца, заряжающіеся съ дула; были ружья безъ штыковъ и ружья съ неполнѣ подходящими къ нимъ патронами. А пополненіе патроновъ столькихъ образцовъ! Офицерскій вопросъ былъ разрѣшенъ декретомъ, предоставившимъ начальникамъ дивизій право производить во всѣ чины, до полковника включительно. Соображенія внутренней политики вторгались въ организацію войскъ: патріотическая Бретань захотѣла выставить 60.000 армію. Сначала эта идея улыбнулась республиканскому правительству, кредиты были отпущены, но затѣмъ явилось опасеніе, какъ бы это войско не явилось «черной» силой, орудіемъ въ рукахъ правыхъ партій, «шуанами»—и въ результатѣ всѣ снабженія бретонцамъ умышленно направлялись съ задержкой, а вожди и инициаторы бретонскаго ополченія вынуждены уйти въ отставку.

Слабо чувствовала себя и германская армія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ фонъ-деръ-Гольцъ въ своемъ описаніи Луарской кампаніи, въ которомъ онъ оправдываетъ бездѣйствіе принца Фридриха-Карла въ декабрѣ внутреннимъ состояніемъ арміи, внушавшимъ опасенія. Со страницъ труда фонъ-деръ-Гольца такъ и вѣетъ та тоска по покою, по спокойной зимней стоянкѣ, которую испытывала германская армія; конница хотѣла передохнуть отъ развѣдочной службы, отъ постоянного блужданія по деревнямъ и рощамъ, откуда частенько свистѣли пули. Обозы остались прежніе, а пѣхота сократилась на половину; маневрированіе сдѣлалось тяжелымъ. Много резервистовъ, потерянное соответствіе между чиномъ и должностью начальниковъ, офицеры запаса на отвѣтственныхъ мѣстахъ, нижніе чины босикомъ, въ полотняныхъ штанахъ; «за исключеніемъ нѣсколькихъ стойкихъ лицъ, всѣ были сыты по горло счастливыми боями. Воинственный задоръ горѣлъ лишь перемежающимся, дрожащимъ пламенемъ; у всѣхъ было желаніе, наконецъ, отдохнуть»... Это признаніе фонъ-деръ-Гольца, характеризующее состояніе прус-

скихъ войскъ черезъ три мѣсяца войны и нужное фонъ-деръ-Гольцу для объясненія поведенія принца Фридриха-Карла, прощалось ему, пока онъ былъ на дѣйствительной службѣ, а нынѣ вызываетъ скорпіоны нѣмецкой критики. А. Кречманъ писалъ своей женѣ о ростущихъ не порядкахъ, о томъ, что баварцы совершенно распустились, и командиру ихъ корпуса, фонъ-деръ-Тану, командующій арміей въ бою сказалъ: убирайтесь вы къ со всей вашей ракальей. Особенно дорого современному французскому автору, въ виду необходимости быть всегда на чеку для противодѣйствіямъ лѣвымъ, заключеніе Кречмана: «вотъ солдаты одногодичной службы!»²⁾.

Подполковникъ Анри Мордакъ—разбираетъ довольно предвзято вопросъ «о крѣпостяхъ и стратегіи», дабы придти къ рѣшенію, что французы, оставивъ только 4 современныхъ крѣпости на германской границѣ, поступаютъ правильно, равно какъ и нѣмцы, выступающіе на своихъ границахъ съ болѣе сложными системами цѣлыхъ укрѣпленныхъ раіоновъ.

Авторъ, слѣдуя по стопамъ Мольтке, признаетъ за крѣпостями значеніе лишь въ томъ случаѣ, если въ связи съ крѣпостью оперируетъ полевая армія. Значеніе Страсбургскаго и Мецскаго укрѣпленныхъ раіоновъ авторъ видитъ въ томъ, что они позволяютъ нѣмцамъ получить экономію въ силахъ, развертываемыхъ непосредственно на французской границѣ—экономію на фронтѣ, необходимую, чтобы занести кулакъ достаточныхъ размѣровъ въ обходъ черезъ Бельгію.

Крѣпости очень полезны, какъ прикрытіе фланга—вообще, какъ гигантскіе опорные пункты—въ полевомъ сраженіи; но надо считаться съ воспитаннымъ вѣками въ людяхъ предрасудкомъ—въ случаѣ боевыхъ неудачъ искать убѣжище за крѣпостными фортами; такъ въ средніе вѣка, при опасности, и воины, и смерды укрывались за стѣны крѣпкихъ замковъ...

Фланговые позиціи, для облегченія занятія которыхъ часто устраивались крѣпости, представляютъ, по мнѣнію французскаго стратега, устарѣвшій фехтовальный приѣмъ. Съ этимъ положеніемъ автора согласиться трудно, вспоминая современные разсужденія нѣмцевъ относительно фланкирующей роли Торнъ-Грауденскаго укрѣпленнаго раіона. Еще труднѣе согласиться съ авторомъ, считающимъ возможнымъ въ современныхъ условіяхъ устраивать временныя крѣпости внутри государства въ теченіе самой войны, по примѣру Плевны. Французамъ это утѣшеніе нужно, такъ какъ они запускаютъ устрой-

²⁾ Въ Баваріи передъ 1870 годомъ былъ одногодичный срокъ отбыванія воинской повинности.

ство всѣхъ внутреннихъ крѣпостей, съ Парижемъ включительно, и рассчитываютъ до известной степени на вдохновеніе мобилизационнаго періода. Устройство Шлевны противъ хорошо снабженной артилеріей и обученной современной арміи отнюдь рекомендоваться не можетъ—такая западня будетъ хуже, чѣмъ Мецъ оказался для Базена.

Въ общемъ, нужно согласиться съ авторомъ, что крѣпости во Франціи имѣютъ весьма дурную репутацію.

Въ «Spectateur militaire», капитанъ Мера приступаетъ къ любопытной темѣ о Ницше и его мысляхъ о войнѣ. Знаменитый философъ самъ соприкасался съ военнымъ дѣломъ; забракованный сперва за близорукость, Ницше попадаетъ въ 1867 г. ѣздовымъ въ артиллерійскій полкъ. Отбываніе воинской повинности представляетъ для него свѣтлыя стороны; ему нравится постоянный призывъ къ энергіи, къ чему сводится солдатская служба въ вѣкъ общаго скептицизма, парализующаго усилія внѣ казармы. Среди чужихъ въ казармѣ научаешься познавать самого себя. Всю свою работу Ницше исполнялъ тщательно и съ интересомъ; и, дѣйствительно, быть первымъ между тридцатью всадниками, не лучше ли это, чѣмъ полученіе филологическаго диплома?

Ницше падаетъ съ коня, ломаетъ себѣ ребро, увольняется въ неспособные. Онъ получаетъ кафедру въ Швейцаріи, для занятія коей онъ принужденъ натурализоваться швейцарскимъ гражданиномъ. Но вспыхиваетъ франко-прусская война; онъ читаетъ телеграммы о сраженіи подъ Вертомъ, о германской побѣдѣ, большихъ потеряхъ. Онъ въ качествѣ лазаретнаго служителя устраивается въ армію, попадаетъ къ Мецу, гдѣ лежатъ десятки тысячъ раненыхъ. Ницше видитъ только обратную сторону войны, но все же постигаетъ мрачную и вѣчную красоту войны. Онъ испытываетъ священный, почти вдохновенный ужасъ. Онъ посланъ сопровождать 11 раненыхъ въ Карлсруэ. 3 дня и 3 ночи заключенъ онъ въ одномъ товарномъ вагонѣ съ ними. Отъ раненыхъ онъ заразился самъ дифтеритомъ и дизентеріей, еле выжилъ; здоровье его осталось разстроеннымъ и можетъ быть здѣсь положенъ былъ зачатокъ сумасшествію конца его жизни. Но какъ измѣнился онъ весь за войну! Это не былъ больше лояльный швейцарецъ начала войны, разсуждавшій объ ужасномъ ударѣ грома—объявленіи войны, объ ужасномъ демонѣ, напущенномъ на нашу культуру. Ницше вдохновляется примѣромъ студентовъ Кильскаго университета, которые всѣ полностью записались въ ряды арміи. Война перевернула Ницше, и онъ прославляетъ войну: «Она будитъ энергію людей; она возбуждаетъ самый мозгъ ихъ. Она заставляетъ

ихъ искать въ порывѣ къ идеалу, въ порывѣ къ красотѣ, въ исполненіи долга—конецъ слишкомъ жестокой коварной жизни. Лирическій поэтъ, мудрецъ, которыхъ не понимаютъ въ періодъ мира, ихъ слушаютъ въ вѣкъ войны. Люди получаютъ потребность въ мудрецахъ и поэтахъ—и ощущаютъ ее. Та же повелительная необходимость, которая строитъ ихъ за вождями, дѣлаетъ ихъ и внимательными къ генію. Человѣчество становится дѣйствительно человѣчествомъ, стремящимся къ героическому и верховному только тогда, когда на него надавить война...»

Пруссію философъ не любилъ. Оставаясь на реальной точкѣ зрѣнія, онъ отвергалъ ходячее мнѣніе, что въ 1870 году побѣдила высшая культура прусскаго народа. Побѣдили большія знанія нѣмецкихъ офицеровъ, лучшее обученіе нѣмецкихъ солдатъ, болѣе научная тактика; побѣдило лучшее командованіе, единство взглядовъ, послушаніе тѣхъ, которыми командовали: коротко говоря, элементы, которымъ нѣтъ мѣста въ понятіи—культура. Культура была только во Франціи. Культура—это художественное единство стиля во всѣхъ жизненныхъ проявленіяхъ энергіи народа; культура—это совокупность качествъ, отличающихъ данную расу, очерчивающихъ ея характеръ ³⁾; это вкусъ, цвѣтъ, форма, поворотъ, даваемый вещамъ и событіямъ; это точка зрѣнія на жизнь, манера обрисовки ея контуровъ, способъ ея переживанія.

«До сихъ поръ мы всегда подражали французамъ во всемъ, и обыкновенно весьма неловко. Во всемъ, что касается формы, мы еще зависимъ—и нужно, чтобы зависѣли—отъ Парижа». Германія еще находится въ стадіи «Bildung»—формированія. Эта стадія мирится «съ варварствомъ, т.-е. съ отсутствіемъ стиля или хаотическимъ смѣшеніемъ всѣхъ стилей».

«Признаю, я замѣчаю признаки вырожденія, заставляющіе опасаться и за общество, и за искусство. Нѣкоторые люди, которымъ не хватаетъ государственнаго инстинкта, хотятъ не служить государству, а пользоваться имъ для личныхъ нуждъ. Ничего божественнаго не видятъ они въ государствѣ и, чтобы утилизировать его въ фрунѣмъ и раціональнымъ способомъ, они заботятся о томъ, какъ бы избѣжать встряски войны: и они стремятся устроить дѣла такъ, чтобы война стала невозможной. Съ одной стороны, они изобрѣтаютъ системы европейскаго равновѣсія; съ другой стороны, они силятся вырвать у самодержцевъ право объявленія войны, чтобы болѣе при-

³⁾ Сравнить съ опредѣленіемъ русскаго философа Леонтьева: культура—это своеобразие. Какъ далека этотъ просвѣщенный взглядъ на культуру отъ воззрѣній нашихъ западниковъ, хотя бы въ рамкахъ нашего военного дѣла (несомнѣнная область проявленія энергіи народа), стремящихся къ уничтоженію всякаго своеобразія и къ насажденію чужеобразія...

вольно опираться на эгоизмъ массъ и ихъ представителей. Они чувствуютъ потребность ослабить монархическіе инстинкты народовъ.

«... За различными манифестаціями въ пользу мира я вижу тѣхъ, кто всего болѣе взволнованъ боязнью войны—солитеровъ международной плутократіи, которые, естественно безъ всякаго государственнаго инстинкта, подчиняютъ политику, государство и общество денежнымъ и спекулятивнымъ вопросамъ».

«Есть только одно средство, чтобы духъ спекуляціи не разслабилъ духа государственности—война и еще война. Въ ея возбужденіи людямъ становится ясно, что государство основано вовсе не для того, чтобы защищать эгоистическихъ индивидуумовъ отъ демона войны; совсѣмъ наоборотъ: любовь къ родинѣ, преданность государямъ помогаютъ вызвать моральный подъемъ—знаменіе болѣе высокой доли... Слѣдовательно, я правъ, слагая здѣсь торжественный гимнъ войнѣ. Ужасенъ резонансъ ея серебрянаго лука. Она слѣдуетъ къ намъ—мрачна, какъ ночь. Однако, ее сопровождаетъ Аполлонъ, Аполлонъ, законный вождь государствъ, очищающій ихъ богъ... Такъ скажемъ: война нужна государству»

«Streffleurs militärische Zeitschrift» посвящаетъ статью фельдмаршалу Радецкому—къ столѣтнему юбилею назначенія его начальникомъ штаба союзныхъ армій въ 1813 году. Карьера генерала Радецкого представляетъ одно изъ лучшихъ доказательствъ несостоятельности теоріи г. Калнина относительно спеціализаціи генеральнаго штаба и свидѣтельствуетъ, что правъ былъ Мольтке, хотя лично почти и не служившій въ строю, но пришедшій къ твердому выводу, что единственно надежный способъ подготовки высшаго команднаго состава заключается въ томъ, чтобы не позволять офицерамъ генеральнаго штаба спеціализироваться въ канцеляріяхъ, а заставляя непрерывно чередовать строевую и штабную службы.

Радецкій—кирасирскій подпоручикъ производства 1786 года—сразу же начинаетъ свою военную карьеру многолѣтней войной съ Турціей. Онъ служитъ не въ строю, а въ штабѣ Ласси, ординарцемъ. Въ 1791 заключенъ миръ, Радецкій въ штабѣ генерала Болье, нѣсколько разъ раненъ. Въ 1795 онъ раненъ при штурмѣ Майнца, гдѣ находился въ штабѣ фельдцейхмейстера Клэрфай. Въ 1796 онъ адъютантъ Болье, и на итальянскомъ театрѣ выдерживаетъ удары

Бонапарта. Его заболѣвшаго принцепала, слегшаго въ Валеждію, чуть не захватываютъ французы—адъютантъ атакуеть французовъ съ гусарами, чтобы дать возможность Болѣ ускользнуть.

Конецъ года—Радецкій майоръ; короткое время онъ носитъ мундиръ піонера—ему поручено сформировать піонерный баталіонъ; затѣмъ онъ генераль-квартирмейстеръ италіанской арміи, осажденъ въ Мантуѣ, капитулируетъ.

Въ 1799 году онъ въ штабѣ Меласа, раненъ. Особенно отличился при Треббін, будучи колонновожатымъ (по ироническому выраженію г. Калнина—поводыремъ) колонны князя Лихтенштейна. Подъ Нови всѣмъ памятна инициатива Меласа, дѣятельно поддержавшаго Суворова ударомъ въ правый флангъ и тылъ французовъ. На самомъ дѣлѣ Радецкому удалось съ трудомъ вырвать у Меласа разрѣшеніе на эту атаку...

33 лѣтъ отъ роду, Радецкій полковникъ; въ 1800 году онъ переживаетъ, будучи генераль-адъютантомъ Меласа, тяжелый день Маренго. Послѣ 14 лѣтъ штабной службы онъ возвращается въ родной родъ войскъ, получаетъ кирасирскій полкъ, участвуетъ подъ Гогенлинденомъ. 5 лѣтъ подрядъ—періодъ мира—командуетъ Радецкій полкомъ; и удивительно—полкъ этого «нестроевого», какъ называли бы его теперь нѣкоторые въ Россіи, получаетъ въ Австріи репутацію лучшаго, «образцоваго» кавалерійскаго полка. Въ кампаніи 1805 года онъ въ Италіи, командуетъ легкой кавалерійской бригадой, проходитъ въ 5 дней 270 километровъ въ горахъ, что по тому времени было замѣчательно.

Въ 1806 году началась реформа австрійской арміи и разумѣется Радецкаго вырвали изъ строя. Ему поручили организацію обозной части, ветеринарнаго надзора и школы верховой ѣзды.

Кампанію 1809 года—пятидневный бой, Аспернъ, Ваграмъ—Радецкій проводилъ въ роли бригаднаго командира, выдѣляясь, какъ искусный арьергардный начальникъ. Въ концѣ года—Радецкій, генераль-квартирмейстеръ, работаетъ надъ подготовкой генеральнаго штаба, надъ составленіемъ военно-статистическаго описанія Австріи—съ точки зрѣнія новой войны съ Франціей, надъ составленіемъ исторіи послѣднихъ войнъ, надъ развитіемъ въ Австріи военной литературы и журналистики.

Въ 1812 году Радецкій рѣшительно отсовѣтываетъ выставленіе контингента въ помощь Наполеону. Въ 1813 году Радецкій—начальникъ штаба Шварценберга, который сначала командуетъ стодвадцатитысячной богемской арміей, а затѣмъ является въ роли общаго главнокомандующаго. Радецкому принадлежитъ нѣсколько любопытныхъ докладовъ по дѣйствіямъ 1813 года. Между прочимъ, ему принадле-

жить мысль—отказаться въ 1813 году отъ національныхъ армій, а составить 3 смѣшанныхъ арміи; включеніе контингентовъ разныхъ государствъ въ одну армію преслѣдовало цѣль—крѣпче сплотить союзныя войска и ослабить невыгоды коалиціи, въ которой обыкновенно войска каждаго государства ведутъ самостоятельную политику. Успѣхъ Лейпцига заставилъ даже наиболѣе горячихъ враговъ всякой ломки организаціи простить Радецкаго.

Между прочимъ, Радецкій чрезвычайно расхваливаетъ русскую артилерію и осуждаетъ австрійскую, «единственную на свѣтѣ, исходящую изъ убѣжденія, что все, что было хорошо въ семилѣтнюю войну, примѣнимо и теперь, и потому не могущую ни съ кѣмъ помѣряться».

Особенно любилъ Радецкаго Императоръ Александръ I. Улыбаясь, съ благодарнымъ умиленіемъ, Радецкій любилъ рассказывать потомъ, что въ 1813 и 1814 годахъ, въ дни походовъ и боевъ, въ самомъ жестокомъ огнѣ его всегда умѣлъ находить гвардейскій казакъ съ серебряной фляжкой, докладывавшій: «добрый Царь Александръ шлетъ вашему превосходительству водочки». И Радецкій не упускалъ случая подкрѣпиться...

Черезъ 35 лѣтъ послѣ Лейпцига, гдѣ Радецкій выступилъ въ заглавной роли начальника штаба анти-французской коалиціи, этотъ лучший австрійскій генераль оказался еще не устарѣвшимъ и подъ Кустоцей (1848 г.) разбилъ на голову сардинцевъ. А что представлялъ бы изъ себя начальникъ, прослужившій 62 года въ офицерскихъ чинахъ и специализировавшійся на штабной или на строевой службѣ?

Правда, штабная служба Радецкаго включаетъ 15 кампаній: въ ней больше поля и пороху, чѣмъ чернилъ. Надо и намъ стремиться сдѣлать штабную службу полевой, а не специализироваться нестроевыми инвалидами.

Генераль Роне, въ «*Artilleristische Monatshefte*», дѣлится нѣсколькими мыслями, навѣянными старыми таблицами стрѣльбы. Превосходство ихъ надъ современными заключалось исключительно въ томъ, что ихъ можно было купить въ книжной лавкѣ и свободно критиковать, тогда какъ на современныхъ стоитъ надпись — «секретно», едва ли способствующая глубокой и всесторонней работѣ надъ ними офицеровъ. По крайней мѣрѣ этимъ исключено сотрудничество военной литературы и журналистики.

Очень любопытны мѣры, въ которыхъ выражались данныя первыхъ таблицъ 1859 года. Въ гражданской жизни того времени употреблялась мѣра: дюймъ и двѣнадцатая его часть—линія. Но въ таблицахъ стрѣльбы и на прицѣлахъ кто-то и зачѣмъ-то выдумалъ новую мѣру—шестнадцатую часть дюйма. При измѣненіи же матеріальной части въ артилеріи счетъ шелъ на сотыя части дюйма.

Разстояніе указывалось въ шагахъ—2,4 фута; при переходѣ на метрическую систему шагъ былъ опредѣленъ въ 80 сантиметровъ—на 5 сантиметровъ больше, чѣмъ раньше. Неумышленно были тѣмъ самымъ увеличены всѣ аллюры, выраженные въ уставѣ въ шагахъ, больше, чѣмъ на 5%. Только черезъ 14 лѣтъ замѣтили, что прибавленная рысь крайне утомляетъ лошадей, и исправили ошибку.

Дальности давались въ шагахъ, ширина ровъ и размѣры крѣпостныхъ построекъ въ планѣ—въ двѣнадцатифутовыхъ саженьяхъ, размѣры въ профили—въ футахъ. Вычисленіе угловъ встрѣчало серьезныя затрудненія. Метрическая система позволяетъ легче окончить въ головѣ вычисленіе, чѣмъ раньше съ таблицей логарифмовъ. Роне благославляетъ метрическую систему, избавившую германскихъ артиллеристовъ отъ многихъ хлопотъ, и удивляется, какъ раньше усложняли свое дѣло люди. А не приходилось ли читателю встрѣчать русскіе чертежи, въ которыхъ разстоянія выражены и понынѣ въ аршинахъ, а высоты—въ футахъ? Мнѣ лично приходилось учиться по такимъ чертежамъ; попробовалъ бы генералъ Роне вычислить по по нимъ въ головѣ тангенсы... Мы еще не дошли до благъ метрической системы.

Въ старину любили точность. Таблица давала время полета съ точностью до сотой секунды, тогда какъ деревянные дистанціонныя трубки того времени могли бы смѣло довольствоваться полусекундами. Теперь дальше десятыхъ секунды не идутъ.

Роне обращаетъ вниманіе, что на современныхъ дистанціонныхъ трубкахъ гравировуются мѣры—или разстоянія—въ метрахъ, или время горѣнія—секунды, или соответственное число дѣлений прицѣла. Каждая мѣра имѣетъ своихъ сторонниковъ, между тѣмъ нынѣ, съ введеніемъ приборовъ для механической установки трубокъ, было бы выгодно никакихъ дѣлений на трубкѣ не наносить: во-первыхъ, непріятель, по подобраннымъ трубкамъ, не опредѣлитъ дистанціи, съ которой стрѣляетъ батарея, а, во-вторыхъ, одна и та же трубка можетъ служить у разныхъ образцовъ орудій. Дѣленія будутъ наноситься только на приборахъ, устанавливающихъ трубку.

Очень неудобно сохранившееся въ германской артилеріи со старины дѣленіе градуса на 16 частей. Кругъ угломѣра по этой традиціи дѣлится на 5.700 частей, причемъ во всѣхъ расчетахъ принимается,

что каждое дѣленіе равняется тысячной дистанціи. Завѣдомая ошибка, дѣлаемая при этомъ германскими артиллеристами, равна 10⁰/о—исключительно за консерватизмъ. Другія государства, принявшія дѣленіе угломѣра на 6.400 частей, допускаютъ ошибку менѣе 2⁰/о, считая каждое дѣленіе за тысячную дистанціи.

Русскаго читателя непріятно поражаетъ тонъ французской печати относительно Австріи. Неприемлемыми для Россіи условіями мечтаютъ французскіе публицисты оторвать Австрію отъ союза съ Германіей. Эта тема обошла общую печать, начиная съ солиднѣйшей газеты «Temps»; мы ее встрѣчаемъ и на страницахъ «Journal des sciences militaires», въ изложеніи г. Л. Амфу. Авторъ полагаетъ, что для Австріи, какъ и для Франціи, наступилъ рѣшительный часъ. Австрійская дипломатія сумѣетъ осмотрѣться и приобрести на Балканахъ друзей. Экономическое завоеваніе Балканъ ведется уже давно. Но Австрія, какъ двойственная монархія, теперь плохо уравновѣшена. Теперешній фактической руководитель ея сумѣетъ передѣлать ее въ тройственную монархію; славяне не будутъ въ ней болѣе поработаны. Но для этого надо, чтобы центробѣжныя стремленія австрійскихъ славянъ умалились. Австрія должна выступить другомъ балканскихъ славянъ для внутренней реформы, и внутренняя реформа ея нужна для успѣха балканской политики. Въ конечномъ результатѣ, авторъ допускаетъ объединеніе, подъ гегемоніей Габсбурговъ, всѣхъ балканскихъ народовъ.

Особенно улыбаются французамъ мечты о трещинахъ, наблюдаемыхъ въ тройственномъ союзѣ. Австрія не прибѣгала бы къ такимъ разорительнымъ мобилизаціямъ, если бы была вполне увѣрена въ поддержкѣ Германіи и Италиіи. Слабая и плохо скроенная Австрія поневолѣ жметя подъ опеку Германіи, но сильная германо-венгрославянская тріединая Австрія будетъ продолжать великогабсбургскую политику, подобно тому, какъ болгары дрались за великоболгарскій идеалъ, сербы — за великую Сербію и греки — за великую Элладу. А великогабсбургская политика — это борьба съ Гогенцолернами, борьба за вліяніе въ южной католической Германіи, за Баварію и Вюртембергъ. Явись сильная, конкурирующая съ Германіей, Австрія — и Франція вновь можетъ свободно стать на ноги (подъ этимъ можно разумѣть, какъ «реваншъ», такъ и освобожденіе отъ необходимости неуклонно держаться союза съ Россіей). А современное вооруженіе Германіи, не отвѣчаетъ ли оно

этому предположенію — борьбы Германіи, на худой конецъ распаденія тройственнаго союза, своими собственными силами противъ всей Европы?

Какъ-то не думается, что въ XX вѣкѣ возможно продолженіе великогабсбургской политики за вліяніе въ Германіи, такъ какъ въ такомъ случаѣ католицизму, въ лицѣ Габсбурговъ, пришлось бы посягнуть на принципъ единой, національной Германіи, защищенной Пруссіей. Национальность теперь безусловно перевѣситъ. Но если романскій западъ всталъ бы на поддержку гегемоніи Габсбурговъ, если бы славянская политика Австріи встрѣтила поддержку, развѣ не пришлось бы считаться съ призракомъ сѣверо-восточнаго, русско-германскаго союза, который могъ бы дѣла дѣлать?

Весьма любопытна, въ томъ же журналѣ, статья скрывшагося подъ инициалами D. S. автора: «Рота сумасшедшаго Боливэя». Автору капитанъ Боливэй показываетъ свою роту, выведенную изъ казармъ, по случаю эпидеміи, и размѣщенную въ отдѣльной усадьбѣ. Боливэй прежде всего говоритъ, что его считаютъ сумасшедшимъ, и говорятъ только изъ вѣжливости, что онъ оригиналь, такъ какъ всѣ опасаются, что съ торжествомъ его идей наступитъ конецъ общему спокойствію и благодущію въ арміи. Боливэй презираетъ эти сужденія, такъ какъ все равно, когда наступитъ часъ его страницы въ капитанскомъ спискѣ, то и онъ попадетъ въ маіоры, какъ другіе. Чувствуется глухое раздраженіе противъ условій производства во французской арміи, въ которой протекція депутатовъ господствующей политической партіи играетъ рѣшительную роль. Весь покраснѣвъ, на дворѣ усадьбы, въ которой расквартирована рота, капитанъ Боливэй, выводимый, какъ типъ лучшаго французскаго офицера, кричитъ: «чтобы теиерь хорошо дѣлать въ арміи свое ремесло, нужно плевать на все!» «Военный долженъ плевать на все, чтобы прилично выполнять свое ремесло. Вотъ хорошая тема для вступительнаго экзамена въ академію. Въи этого нѣтъ характера! Безъ характера нѣтъ начальника!»

И Боливэй ведетъ свою роту совершенно самостоятельно. Утромъ, въ концѣ зимы, у него общія занятія. Работаютъ только по спеціальностямъ. «У меня нѣтъ часовъ по расписанію, рождающихся лѣнь, скуку, утомленіе. Здѣсь время не убиваютъ, здѣсь работаютъ. Кто захочетъ отдохнуть, тотъ у насъ побоится заявить объ этомъ — и сдѣлать. У насъ царство здраваго смысла...»

Короткій срокъ службы требуетъ болѣе рациональной организаціи труда, чѣмъ въ старое время, когда служили долго, на занятія выходили свободные отъ назначеній люди. У Боливѣя утромъ въ одной комнатѣ работаютъ 10 сапожниковъ, въ другой—10 портныхъ. Здѣсь и молодые солдаты; часть работающихъ—настоящіе сапожники, а часть Боливѣй пропускаетъ временно. Нельзя въ современной арміи допускать, чтобы рота на походѣ не могла содержать себя въ порядкѣ; солдатъ долженъ умѣть подкинуть подметки. Оттого, что работаетъ 10 сапожниковъ, вмѣсто 2—3, разумѣется работа будетъ окончена гораздо скорѣе, и Боливѣй на другую половину дня сумѣетъ вывести на занятіе въ поле такую многочисленную роту, о которой другимъ капитанамъ и мечтать не приходится. Въ другихъ комнатахъ—другія мастерскія: работаетъ полдюжины столяровъ, два слесаря, два маляра. Нужно поддерживать обширную матеріальную часть для обученія роты стрѣльбѣ, фехтованію, нужно исправлять сломанные въ поляхъ заборы.

Въ ротѣ было нѣсколько телефонистовъ, и около нихъ также каждую недѣлю обучались новыя смѣны, такъ что всѣ солдаты въ ротѣ умѣли говорить по телефону и срастить разорвавшійся проводъ. У сигналистовъ такихъ временныхъ учениковъ не было. По циркуляру всѣ солдаты и офицеры должны умѣть принимать и передавать дашеши по азбукѣ Морзе. Но для этого нужна ежедневная практика. У Боливѣя было по два сигналиста во взводѣ, неуступающихъ въ искусствѣ семафорить морякамъ; «а я самъ не умѣю сигнализировать, и другіе въ ротѣ не умѣютъ; мы спокойны, такъ какъ изъ начальства никто тоже системой Морзе не владѣетъ—для этого нужно не имѣть другихъ занятій».

Пользуясь сосѣдствомъ пулеметнаго взвода, вся рота оказалась обученной работѣ по подачѣ лентъ съ патронами, по снятію пулемета съ лафета для переноски его на рукахъ и т. д. Баталіонъ—не единица обученія. Всѣ специальности должны быть не чужды ротѣ. Это особенно отвѣчаетъ французскому характеру: долгое время зубрить одно и то же ему претитъ, а энциклопедизмъ ему улыбается. Въ ротѣ подготовлено нѣсколько серьезныхъ специалистовъ, а масса людей переходитъ отъ одного къ другому (кромѣ сигнализациі). Имѣется и учебная команда въ ротѣ—въ видѣ взвода, составленнаго изъ кандидатовъ въ унтеръ-офицеры и возвратившихся въ роту изъ командировокъ, коихъ необходимо подтянуть. «Я чувствую, что я пропагандирую новыя идеи, за которыя бы раньше мнѣ отрубили голову... Но теперь нравы смягчились, и я расплачиваюсь лишь маленькой задержкой въ производствѣ въ штабъ-офицеры...»

Утреннія занятія не производятся въ ротѣ, такъ какъ обыкно-

венно, за выдѣленіемъ людей во всѣ команды и нестроевыхъ, только идиоты не освобождены отъ этихъ занятій со старослужащими... И хотять, чтобы ими интересовались. А солдатъ не хочетъ прослыть дуракомъ... кто увернется отъ этихъ скучнѣйшихъ занятій, улавливающихъ только пятую часть состава, слыветъ сообразительнымъ парнемъ. Съ какимъ энтузіазмомъ идетъ на занятія солдатъ, неувернувшійся отъ нихъ потому, что недостаточно умѣетъ выкручиваться... Другіе не идутъ на занятія—и онъ не хочетъ. Только то занятіе серьезно, на которомъ присутствуетъ вся рота. Хотять, чтобы всѣ были на занятіяхъ, и чтобы всѣ команды работали...

Занятія офицеровъ по взводной системѣ рѣшительно отвергаются капитаномъ Боливэемъ. Два офицера, поочередно, работаютъ въ ротѣ и имѣютъ черезъ день свободное время послѣ обѣда, необходимое для поддержанія въ нихъ интереса къ жизни и для того, чтобы подготовиться и провести съ толкомъ тѣ полевые занятія, которыя имъ поручаются...

Будемъ ждять окончанія мыслей автора о новомъ обученіи роты, преподносимаго имъ отъ лица донкихотствующаго и со странностями капитана.

Весьма любопытныя указанія встрѣчаются въ исторической работѣ полковника Сенъ-Шапель относительно дисциплины и дисциплинарныхъ взысканій во французской арміи. Онъ рассказываетъ, какъ жестоко поддерживалась дисциплина въ республиканской арміи у Писшегрю, какъ разстрѣливались мальчишки-барабанщики, ограбившіе старуху. За одинъ мѣсяць въ бригадѣ солдаты строились 5 разъ, чтобы присутствовать при разстрѣлѣ своихъ же, виновныхъ въ томъ, что они брали крестьянское добро безъ спроса. Наполеонъ въ значительной степени способствовалъ измѣненію взглядовъ въ арміи на заработокъ на войнѣ своимъ знаменитымъ приказомъ 1796 года о богатствахъ Италіи, куда онъ поведетъ войска. Однимъ изъ слѣдствій этого приказа явился восторгъ жителей при вступленіи черезъ три года на итальянскую почву арміи Суворова. Грабили начальники, а Наполеонъ совершенно вѣрно замѣчалъ въ приказѣ, что солдатъ не можетъ не интересоваться возможной добычей, если у него начальники думаютъ о ней. «Я произведу ужасныя экзекуціи или откажусь командовать этими разбойниками». Въ Парижъ же, Директоріи Наполеонъ писалъ, извиняясь, что солдаты попали послѣ голодовки въ обѣтованную землю и хотять полакомиться ея благами... Стремленіе Наполеона привязать къ себѣ войска и первая попытка госу-

дарственного переворота, произведенная Ожеро, посланнымъ въ Парижъ, не могли, конечно, благотворно отразиться на дисциплинѣ. Ожеро, послѣ того, какъ онъ арестовалъ въ Парижѣ роялистически настроенный и враждебный директоріи совѣтъ пятисотъ, получилъ въ командованіе Рейнскую армію, ходилъ расшитый золотомъ съ головы до пятъ, съ громадной и блестящей свитой, а его жена каждый день ѣздила только въ золотой парадной каретѣ — gala, какой итальянскіе государи пользовались иногда при особенно торжественныхъ выѣздахъ... Солдаты издѣвались.

Въ ужасное состояніе впала италіанская армія, когда временно ею началъ командовать, послѣ Наполеона, Бертье. Римъ былъ ограбленъ до чиста, подѣ аккомпаниментъ рѣчи Бертье, передававшего привѣтъ свободныхъ гражданъ Франціи тѣнямъ Катона, Брута, Цицерона... Контрибуціи брались и деньгами и драгоцѣнными вещами; ничто, однако, на приходъ не записывалось; солдатамъ жалованье не выдавалось. Изъ доклада Бертье видно, что вся италіанская армія, кромѣ четырехъ полковъ, бунтовала въ 1798 году. На смѣну Бертье послали славившагося твердостью Массену. Его пріѣздъ ознаменовался приказомъ отобрать всю серебряную утварь изъ церквей. Массена вообще славился умѣніемъ обирать—въ одну ночь въ Миланѣ онъ успѣлъ обобрать кассы госпиталей, монастырей и даже ломбардъ всего на сумму свыше милліона.

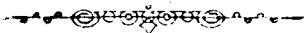
А войска жалованья все же не получали. Оберъ-офицеры римскаго гарнизона явились съ требованіемъ къ Массенѣ—отдать отчетъ въ суммахъ, полученныхъ реквизиціей, и заплатить задержанное за много мѣсяцевъ жалованье. Массена отказалъ. Офицеры арміи въ письмѣ, полномъ угрозъ, потребовали отъ директоріи смѣны Массены. Его убрали немедленно: замѣстителю его, Сенъ-Сирю, пришлось уже считаться съ бунтомъ населенія, которому стало невозможно выдерживать общій грабежъ. Генераль Гарданъ, посланный усмирять какой-то городокъ, рѣшилъ, чтобы экзекуція осталась въ памяти у жителей, потребовать отъ нихъ 30.000 франковъ. «Маіоръ Тьебо», сказалъ онъ своему начальнику штаба: «вотъ пироги, которымъ искупаютъ себя господа бунтари; но такъ какъ я такіе пироги въ одиночествѣ ѣсть не люблю, то я васъ прошу принять кусочекъ». «И онъ мнѣ передалъ 5.000 франковъ. находка мнѣ понравилась», пишетъ послѣдній въ своихъ воспоминаніяхъ.

Сенъ-Сиръ тщетно боролся съ общимъ духомъ грабежа, съ нравами, распушенными его предшественниками—Наполеономъ, Бертье, Массеной. Онъ подалъ въ отставку. Его замѣстили генераломъ Шампіонъ, который писалъ директоріи: «я разыщу этихъ прожорливыхъ кровопійць.. Склады, въ которыхъ должно быть продовольствія на

30.000 человекъ въ теченіе 3 мѣсяцевъ, пусты. Свора вашихъ обжоръ-комиссаровъ все оголила»... Но тогда въ арміи, на однихъ правахъ съ Шампіонэ, поставлена была гражданская комиссія съ комиссаромъ въ головѣ. Протестовавшаго Шампіонэ убрали. Новый командующій арміей, Макдональдъ, долженъ былъ очистить, завоеванное Шампіонэ, Неаполитанское королевство изъ-за народнаго возстанія.

Такъ, паденіемъ дисциплины и возмущеніемъ населенія, была подготовлена почва для италіанскаго похода Суворова.

А. Свѣчинъ.

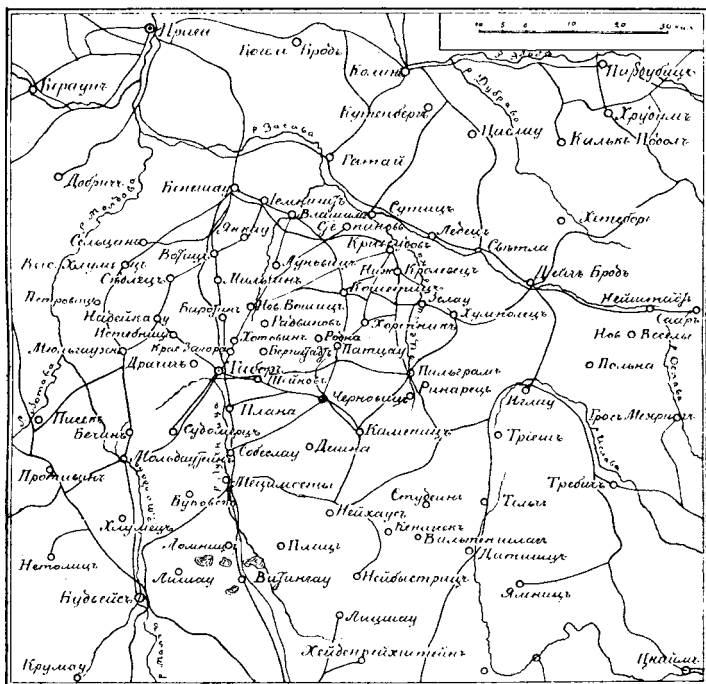
ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Австро-Венрія. Большіе маневры 1913 года.— *Франція.* Большіе маневры 1913 года.

Австро-Венгрія.

Большіе маневры въ Австро-Венгрии въ этомъ году происходили въ юго-восточной Богеміи, вокругъ историческаго города Табора съ 14-го по 17-е сентября н. с. Они представляли собою нѣсколько характерныхъ особенностей: 1) прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что, несмотря на значительное число участвовавшихъ войскъ, 10 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ дивизіи, они продолжались не болѣе 2 дней (фактически всего 26 часовъ), если не считать послѣдняго дня—17-го сентября, когда, по внезапному рѣшенію главнаго руководителя, вновь назначеннаго генераль-инспекторомъ всѣхъ вооруженныхъ силъ, эрцъ-герцога Франца Фердинанда, и повидному противъ желанія начальника генеральнаго штаба, всѣ войска были объединены подъ командою самого эрцъ-герцога для производства эффектнаго, бравурнаго маневра противъ безобиднаго обозначеннаго противника; 2) въ то время, какъ на маневрахъ французскихъ и германскихъ войскъ мы видимъ рельефное выраженіе съ обѣихъ сторонъ наступательнаго духа, требовавшаго отъ войскъ наибольшаго напряженія силъ, здѣсь находимъ на первомъ планѣ принципъ сбереженія силъ солдата (усиленные переходы прежнихъ маневровъ повидному приводили къ полному переутомленію резервистовъ и вызывали постоянныя напоминанія о сбереженіи силъ солдата) и склонность къ стратегическому маневрированію, вмѣсто стремленія къ достиженію быстраго тактическаго успѣха.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что первоначальное описаніе этихъ маневровъ, появившееся въ австрійскихъ газетахъ во время самого хода ихъ, заключало въ себѣ много неточностей, происходившихъ отъ того, что корреспонденты смѣшали предположенія для маневровъ, дѣйствительно очень пространныя и довольно залутанныя, съ самимъ ходомъ маневровъ.

Общее предположеніе: главные силы *синихъ* вторглись съ сѣвера въ Богемію и оперируютъ къ западу отъ р. Молдавы; отъ нихъ выдѣлена восточная армія, перешедшая Эльбу между Колинымъ и Пардубицемъ и двинувшаяся къ р. Засавъ; эта 3-я армія имѣетъ назначеніе разбить силы противника, собирающіяся вокругъ г. Табора. Главныя силы *красныхъ*, находясь противъ главныхъ силъ синихъ къ западу отъ р. Молдавы, высылаютъ 4-ю армію къ г. Табору съ назначеніемъ разбить противника, появившагося къ востоку отъ р. Молдавы на рѣкѣ Засавъ; одинъ корпусъ 4-й арміи къ 14-му сентября перевезенъ по желѣзной дорогѣ въ Таборъ, прочія войска еще находятся въ 15—25 километрахъ позади.

Составъ армій и исходное положеніе въ полдень 14-го сентября: сѣверная (синяя) 3-я армія генерала отъ кавалеріи ф. Брудермана состояла изъ IX корпуса генерала ф. Хорнштейна—29 дивизія и 26 ландверная дивизія (при корпусѣ 2 инж. роты, понтонный паркъ,

телегр., телеф. и искровая команды), своднаго XVIII корпуса генерала ф. Бокенхеймера—5 и 10 дивизіи (при корпусѣ были 2 инж. роты, телегр., телеф. и искровая команды и авіаціонный паркъ съ 5 аэропланами), отдѣльной ландверной пѣхотной дивизіи г.-м. ф. Крейза и отдѣльной 3 кавалерійской дивизіи (изъ 2 бригадъ по 2 полка, съ 2 батареями, пулеметнымъ отдѣленіемъ и велосипедною ротою) г.-м. ф. Врудермана. При арміи находились: дивизионъ тяжелыхъ гаубицъ, телеграфное отдѣленіе, 2 искровыхъ станціи и авіаціонный паркъ; общій составъ арміи: 57 баталіоновъ, 34 эскадрона, 29 пушечныхъ и 12 гаубичныхъ батарей (легкихъ и тяжелыхъ), 4 инженерныхъ роты, 1 велос. рота и войска сообщеній.

Расположеніе войскъ утромъ 14-го сентября было слѣдующее: главная квартира 3-й арміи—Сутицъ на р. Засавѣ; 29 дивизіи съ тяжелою артилеріею у Бенешау, 26—Влашимъ, 10—Степановъ, 5—Кривсудовъ, 13—Хумполець; протяженіе фронта—55 километровъ; 3 кавалерійская дивизія впереди фронта у Лунвиць; 13 ландверная дивизія, какъ видно, была удалена отъ главныхъ силъ на разстояніе около 20 километровъ.

Южная (красная) 4-я армія генерала отъ инфантеріи ф. Ауфенберга состояла изъ VIII корпуса генерала барона Гисля—9 дивизіи и 21 ландверная дивизія (при корпусѣ 2 инж. роты и войска сообщеній, какъ при XVIII корпусѣ—6 аэроплановъ), своднаго XVII корпуса г.-л. барона Кирбаха—19 дивизія и 44 ландверная дивизія (2 инж. роты и войска сообщеній, какъ при IX корпусѣ), отдѣльной 3 пѣхотной дивизіи г.-л. эрцъ-герцога Иосифа Фердинанда съ 1 инж. ротою; отдѣльной 9 кавалерійской дивизіи г.-м. Зарембы (2 бригады по 2 полка, 2 батареи, пулеметное отдѣленіе и велосип. рота). При арміи—дивизионъ тяжелой артилеріи, телегр. отдѣленіе, 2 искровыхъ станціи и авіаціонный паркъ. Общій составъ арміи: 57 баталіоновъ, 37 эскадроновъ, 29 пушечныхъ и 10 гаубичныхъ батарей, 5 инж. ротъ, 1 велос. рота и войска сообщеній.

Исходное положеніе 4-й арміи: главная квартира съ 1 баталіономъ въ г. Таборѣ; 9 пѣх. дивизія съ тяжелою артилеріею южнѣ Мильчинъ, 21 ландверная дивизія—Ново-Вошицъ, 9 кавалерійская дивизія съ 2 баталіонами—Патцау; протяженіе общаго фронта (на сѣверо-востокъ) передовыхъ частей въ 30 километровъ; 3 дивизія—къ югу отъ Шланы въ 20 километрахъ позади фронта; 19 дивизія—Бечинъ въ 30 кил. позади фронта и 44 ландв. дивизія—Мольдаутейнъ въ 40 кил. позади фронта.

Такимъ образомъ, разстояніе между обоими противниками составляло не болѣе 20 километровъ; въ 3-й синей арміи два корпуса съ кавалерійской дивизіею занимали сосредоточенное положеніе противъ одного непріятельскаго корпуса съ кавалеріею, и одна дивизія находилась влѣво на отлетѣ (20 кил.); въ 4-й красной арміи сосредоточеніе не было окончено; одинъ корпусъ съ кавалеріей былъ выдвиг-

нуть впередъ, а три дивизіи находились позади въ разстояніи 20, 30 и 40 километровъ отъ фронта.

Начало военныхъ дѣйствій назначено было въ 2 часа дня 14-го сентября; съ полудня допускались развѣдки частями не болѣе эскадрона или роты съ пулеметами на разстояніи не свыше 5—10 километровъ. Впрочемъ, по предположенію, начальникамъ сторонъ было извѣстно общее расположеніе противника, а упомянутыя развѣдки ничего новаго не могли выяснять.

Положеніе заслуживаетъ интереса; обѣ стороны имѣли задачей разбить противника. Само заданіе подсказывало сѣверной, синей, арміи генерала Брудермана быстро продвинуться впередъ съ 2 корпусами, пытаясь разбить выдвинутый VIII корпусъ противника до подхода подкрѣпленій; но все же надо было принять во вниманіе, что маневры начались въ 2 часа и исполнить эту задачу до наступленія темноты было невозможно. Генераль Брудерманъ однако ею и не задался; онъ рѣшилъ 14-го продвинуться впередъ лишь на 15 километровъ, перевести 3 кавалерійскую дивизію на правый флангъ для обезпеченія связи съ главными силами за р. Молдавой и притянуть съ лѣваго фланга 13 ландверную дивизію. Въ виду этого, 29 дивизія перешла въ Вотицъ, 26 ландверная—въ Янкау, а 10 и 5 соответственно лѣвѣ послѣдней; общій фронтъ двухъ корпусовъ составлялъ 25 километровъ; 13 ландверная дивизія имѣла столкновеніе съ кавалеріею противника и дошла до Кошетица, все же въ 17 километрахъ отъ фланга прочихъ войскъ; 3-я кавалерійская дивизія перешла на правый флангъ—между Вотицъ и Сѣдлецъ; переводъ ея на правый флангъ далъ возможность кавалеріи противника задержать 13 ландверную дивизію и помѣшать ей соединиться съ главными силами.

Распоряженія на 14-е сентября командующаго южной, красной, арміею генерала Ауфенберга сводились къ слѣдующему: принимая во вниманіе близость противника къ выдвинутому впередъ VIII корпусу и удаленіе своихъ резервовъ, генераль Ауфенбергъ рѣшаетъ отвести VIII корпусъ на 7 километровъ назадъ на позицію Хотовинь-Бергштаттъ; 3 дивизія (находившаяся къ югу отъ Планы) передвигается на 5 кил. къ сѣверу отъ Планы одною бригадою, а вторая остается въ Планѣ; дивизіи XVII корпуса продвинулись всего на 15 километровъ впередъ; 19 дивизія изъ Бечина къ Драчичу, а 44 ландверная изъ Мольдаутейна на 7 километровъ сѣвернѣе Бечина; только 9 кавалерійская дивизія получила приказаніе двинуться изъ Патцау впередъ и задержать движеніе войскъ противника (13 ландв. дивизія), по донесеніямъ находящихся около Хумполеца.

Тутъ, на крайнемъ восточномъ флангѣ арміи, произошло единственное столкновеніе 14-го сентября: 13 ландверная (синяя) дивизія, какъ извѣстно, должна была совершить фланговое движеніе, чтобы

приблизиться къ лѣвому флангу своей арміи; она слѣдовала 2 колоннами—сѣверная (изъ 2¹/₂ эскадроновъ, 9 баталіоновъ и 5 батарей) должна была по шоссе съ сѣвера подойти къ Кошетицу, южная изъ 1¹/₂ эскадрона, 3 баталіоновъ и 3 батарей направлялась туда же черезъ Зелау, выславъ боковой отрядъ изъ 2 ротъ по дорогѣ на Хорепникъ.

9 кавалерійская дивизія красныхъ, оставивъ приданные ей 2 баталіона въ Патцау, направилась съ 2 батареями, пулеметами и велосипедною ротою къ Хорепникъ. Вскорѣ она столкнулась съ боковымъ отрядомъ противника; авангардъ дивизіи развернулся и отбѣсилъ двѣ роты противника; генераль Заремба повелъ главныя силы дивизіи внизъ по долинѣ р. Целивка, оставляя отряды на переправахъ, и дошелъ до шоссе, по которому наступали главныя силы 13 ландверной (синей) дивизіи (сѣверная колонна). Въ 4 часа дня показался авангардъ синей дивизіи; генераль Заремба приказалъ 2 коннымъ батареямъ выѣхать на позицію и 2 эскадронамъ слѣзться и открыть огонь; авангардъ синихъ также выставилъ артилерію, развернулся и одинъ полкъ пѣхоты сталъ наступать въ боевомъ порядкѣ подъ огнемъ конныхъ батарей; полкъ подвигался медленно и повидимому хотѣлъ охватить лѣвый флангъ противника. Между тѣмъ ген. Заремба получилъ донесеніе, что другая колонна противника форсируетъ переправу у Зелау, и охранявшій ее отрядъ не въ состояніи долге держаться. Тогда генераль, считая свою задачу исполненною, рѣшилъ отступить; онъ послалъ пулеметы на переправу у Зелау для задержанія южной колонны противника, а велосипедной ротѣ велѣлъ прикрывать отступление батарей; все было исполнено по программѣ и 9 кавалерійская дивизія благополучно вернулась въ Патцау, выславъ на ночь 2 баталіона пѣхоты къ юго-западу отъ Хорепника для охраны; 13 ландверная (синяя) дивизія была задержана на 2 часа на переправахъ черезъ р. Целивка и только въ темнотѣ добралась до Кошетица.

Какое впечатлѣніе производятъ распоряженія главнокомандующихъ арміями, получившихъ приказаніе разбить противника? Одинъ съ силами, вдвое превосходящими силы противника, почти топчется на мѣстѣ, другой отдастъ распоряженіе о сосредоточеніи назадъ. Для этого не было основанія, такъ какъ VIII корпусъ не могъ быть атакованъ засвѣтло въ тотъ же день и, во всякомъ случаѣ, могъ держаться до подхода резервовъ, которые могли подойти къ утру. Но вѣроятно ген. Ауфенбергъ помнилъ инструкцію о «сбереженіи войскъ» и, кромѣ того, принялъ во вниманіе, что это не война, а маневры—моральный элементъ (отступление) не играетъ роли, а при оборонѣ позиціи придется считаться не со снарядами и пулями, рассчитывая на стойкость войскъ, а съ «посредниками» и ихъ рѣшеніями.

Слѣдуетъ отмѣтить, что генераль Ауфенбергъ, получивъ донесеніе,

что противникъ продвинулся впередъ, для лучшаго обезпеченія сосредоточенія своихъ силъ, рѣшилъ ночью отодвинуть назадъ VIII корпусъ еще на 5 километровъ, и обѣ дивизіи, выступивъ въ 3 ч. 30 м. утра, отошли на позицію непосредственно близъ г. Табора къ сѣверо-востоку отъ дороги Таборъ—Истебницъ. Для обезпеченія праваго фланга расположенія, къ 5 часамъ утра 15-го сентября, на высоты къ сѣверо-востоку отъ г. Табора были притянуты 2 баталіона и 4 батареи 3 дивизіи и баталіонъ изъ г. Табора.

На 15-е сентября генераль Брудерманъ отдалъ слѣдующія распоряженія по 3-й синей арміи для атаки позиціи противника, которая предполагалась на линіи Мильчинъ — Ново-Вошицъ (отступление VIII корпуса состоялось вечеромъ и противникомъ не было установлено): IX корпусу, выступивъ въ 3 часа утра, атаковать лѣвый флангъ позиціи противника у Мильчина; ему назначался для движенія участокъ къ западу отъ Янкау; обѣ дивизіи наступали, каждая двумя колоннами, имѣя главныя силы въ правыхъ колоннахъ; общій фронтъ наступленія корпуса составлялъ около 5½ километровъ. Атака праваго фланга непріятельской позиціи у Ново Вошица была поручена 5 дивизіи (лѣвофланговой XVIII корпуса), которую должна была поддержать 13 ландверная дивизіа изъ Кошетица. Позади значительнаго промежутка между обѣими атакующими группами слѣдовала 10 дивизіа въ видѣ армейскаго резерва; 3 кавалерійская дивизіа на крайнемъ правомъ флангѣ, которой былъ приданъ 1 баталіонъ съ пулеметною командою, имѣла назначеніе идти на Истебницъ и дѣйствовать противъ подходившихъ отъ Бечина силъ противника, обезпечивая правый флангъ своей арміи.

Генераль Ауфенбергъ на 15-е сентября отдалъ слѣдующую диспозицію: VIII корпусъ занимаетъ позицію къ сѣверо-востоку отъ дороги Таборъ—Истебницъ; 3 дивизіа (изъ Планы) частью занимаетъ крайній правый флангъ позиціи къ сѣверо-востоку отъ г. Табора, а частью—въ резервѣ позади этого фланга; обѣ дивизіи XVII корпуса продолжаютъ движеніе на сѣверъ и занимаютъ высоты южнѣе Истебница на лѣвомъ флангѣ позиціи VIII корпуса; 9 кавалерійская дивизіа (съ 2 баталіонами) у Патцау снова получаетъ назначеніе задерживать наступленіе 13 ландверной синей дивизіи и, въ случаѣ необходимости, отступать на 3 дивизію (южнѣе Табора).

Когда IX синій корпусъ въ 6 ч. 30 м. утра подошелъ къ Мильчину, противника уже и слѣдъ простылъ; корпусъ сдѣлалъ продолжительный привалъ; тѣмъ временемъ къ Ново-Вошицу подошла 10 дивизіа (армейскій резервъ) и 5 дивизіа (лѣвый флангъ); онѣ тоже остановились на привалѣ, поджидая 13 ландверную дивизію изъ Кошетица; но послѣдняя не подходила. Она снова была задержана 9 кавалерійскою дивизіею красныхъ съ ея 2 баталіонами пѣхоты;

баталіоны эти заняли позицію къ сѣверу отъ Патцау и, когда 13 ландверная дивизія стала подходить отъ Кошетица, открыли огонь и заставили противника развернуться; подъ вліяніемъ превосходства силъ, 2 баталіона красныхъ начали отходить, но тогда вступила въ бой 9 кавалерійская дивизія, находившаяся къ востоку отъ нихъ; атаками во флангъ и огнемъ пулеметовъ, конныхъ батарей и велосипедистовъ она остановила наступленіе передовой линіи синихъ и заставила ихъ выдвинуть полкъ изъ резерва; въ это время 2 баталіона красныхъ снова перешли въ наступленіе, угрожая сообщеніямъ 13 ландверной дивизіи съ ея арміей. Краснымъ въ концѣ концовъ пришлось отступить, но они не отпускали 13 ландверную дивизію; она такъ и осталась вокругъ Патцау и въ общей атакѣ главныхъ силъ противника участія принять не могла.

Пока IX и XVII корпуса синей арміи отдыхали у Мильчина и Ново-Вошица, командующій красною арміею генераль Ауфенбергъ, съ подходомъ XVII корпуса къ Истебницу (части его для сего прошли только 10—15 километровъ), рѣшилъ чередити въ общее наступленіе; оно началось въ 10 часовъ утра: VIII корпусъ двинулся на сѣверъ, его 21 ландв. дивизія по дорогѣ Таборъ—Мильчинъ, а 9 дивизія лѣвѣе. на Баротинъ; XVII корпусъ отъ Истебница двинутъ сначала на сѣверъ, а потомъ получилъ приказаніе двигаться на сѣверо-востокъ къ Мильчину; 3 дивизія направлена на Бергштадтъ съ приказаніемъ навлечь на себя возможно болѣе силъ противника. Лѣвофланговая 44-я ландв. дивизія общаго фронта наступленія была задержана 3-й кавал. дивизіею противника, но затѣмъ послѣдняя отступила на сѣверъ.

Тѣмъ временемъ командующій синею арміею, генераль Брудерманъ, также рѣшилъ продолжать наступленіе и направилъ IX корпусъ по дорогамъ на Истебницъ, Баротинъ и Таборъ, 5-ю дивизію—на Бергштадтъ, а 10-я дивизія опять составляла резервъ позади промежутка между двумя наступающими группами.

Такимъ образомъ, обстановка вылилась во встрѣчное столкнове-ніе, при которомъ IX синій корпусъ подвергся атакѣ 2 корпусовъ противника (VIII и XVII); 5-я синяя дивизія ввязалась въ бой съ 3-й красною въ районѣ Бергштадта, а резервъ синихъ (10 дивизія) сначала выдѣлилъ 1 полкъ въ поддержку 5-й дивизіи у Бергштадта, а потомъ ожидалъ распоряженій командующаго арміею и, когда получилъ приказаніе поддержать IX корпусъ, то было уже поздно—судьба IX синяго корпуса была рѣшена. Его 26-я ландв. дивизія на линіи Баротинъ—Хотовинъ въ 1 часъ 30 мин. дня встрѣтилась съ 2 дивизіями VIII корпуса красныхъ, изъ которыхъ 21-я ландв. дивизія задерживала ее съ фронта, а 9-я дивизія отъ Баротина произвела атаку во флангъ. На западномъ флангѣ по дорогѣ въ Истебницъ

29-я синяя дивизія встрѣтила 19-ю красную, развернулась и атаковала ее; но атака не успѣла еще обрисоваться, какъ подошла 44-я ландв. дивизія красныхъ и тотчасъ пошла въ атаку; въ это время пришло извѣстiе о поражении 26-й ландв. синей дивизіи у Баротина и 29-я дивизія синихъ начала отступать эшелонами съ лѣваго фланга. На правомъ флангѣ красныхъ 3-я дивизія близъ Бергштадта успѣшно оборонялась противъ 5-й синей дивизіи и одного полка резерва (10-й дивизіи); ее поддержали подошедшія двѣ конныя батареи 9 кавал. дивизіи.

Въ 4 часа дня данъ былъ общій отбой, и маневры закончились несомнѣннымъ успѣхомъ командующаго армією красныхъ, генерала Ауфенберга, которому удалось 2 корпусами разбить IX корпусъ, пока одна его пѣхотная дивизія и кавалерія удерживали остальные части противника, а резервъ послѣдняго бездѣйствовалъ.

Тотчасъ по окончаніи маневровъ, 15-го сентября, главный руководитель, эрцъ-герцогъ Францъ-Фердинандъ, издалъ распоряженіе о производствѣ 17-го сентября маневра двухъ армій и кавалерійскаго корпуса подъ его общимъ начальствомъ противъ обозначеннаго противника; 15-го войска ночевали на занимаемыхъ позиціяхъ, а 16-го сентября предприняли незначительныя передвиженія, вызываемыя новымъ предположеніемъ. Оно заключалось въ слѣдующемъ: послѣ боя у Иглау, красная армія отступила на сѣверо-западъ на линію Баротинъ—Ново-Вошицъ; преслѣдуя ее, синяя армія, эрцъ-герцога Франца-Фердинанда, дошла до линіи Таборъ—Родна, выставивъ аванпосты по линіи Драчичъ—Бергштадтъ—Радвановъ. Синяя армія 17-го сентября атакуетъ противника.

Расположеніе синей арміи эрцъ герцога 16-го сентября вечеромъ было слѣдующее: на правомъ флангѣ XVIII корпуса вокругъ Родна; лѣвѣе его 13-я ландв. дивизія; 3-я дивизія у Шейнова; VIII корпусъ къ востоку отъ Табора; отъ XVII корпуса 44 ландверная дивизія южнѣе г. Табора, а 19-я дивизія въ резервѣ у Плана за крайнимъ лѣвымъ флангомъ арміи; кавалерійскій корпусъ подъ командою генералъ-инспектора кавалеріи, генерала графа Хюна, на лѣвомъ флангѣ въ 8 километрахъ къ юго-западу отъ Драчича.

Противникъ обозначался IX корпусомъ, расположеннымъ въ двухъ группахъ у Баротина и къ сѣверо-востоку отъ Ново-Вошица, имѣя резервъ за своимъ правымъ флангомъ.

По диспозиціи эрцъ-герцога 4 дивизіи праваго фланга произвели наступленіе съ фронта, а VIII и XVII корпуса атаковали правый флангъ противника, причемъ обѣ дивизіи XVII корпуса переходили по понтонному мосту южнѣе Драчича въ обходъ фланга противника, а кавалерійскій корпусъ атаковалъ (на мѣстности нѣсколько болотистой) выдвинувшійся впередъ резервъ противника. Маневръ закончился атакою 19-й дивизіи, составлявшей резервъ эрцъ-герцога.

Въ 11 ч. 30 м. утра 17-го сентября былъ данъ общій отбой и эрцъ-герцогъ Францъ-Фердинандъ, собравъ въ полѣ генераловъ и начальниковъ частей, сдѣлалъ критическій разборъ маневровъ.

Франція.

Большіе маневры во Франціи, особенно въ послѣдніе годы, имѣютъ характеръ событія первостепенной важности и представляютъ живѣйшій интересъ и при томъ не только для военныхъ; вся печать внимательно слѣдитъ за ними и комментируетъ распоряженія начальствующихъ лицъ и дѣйствія частей войскъ; палаты посылаютъ на маневры комиссіи своихъ делегатовъ, и вся страна, видимо, одушевлена съ одной стороны желаніемъ знать о состояніи и пригодности вооруженныхъ силъ, требующихъ громадныхъ жертвъ и затратъ, съ другой—патріотическими симпатіями къ арміи, на которую возлагаетъ столько надеждъ.

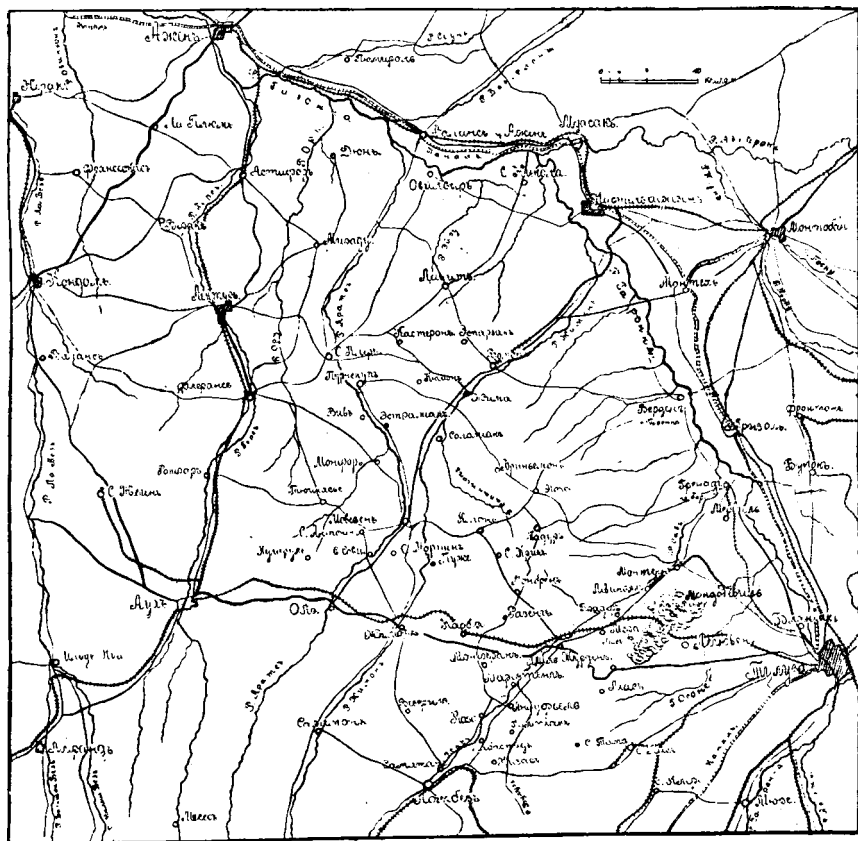
Поэтому организація большихъ маневровъ и исполненіе операцій возлагаетъ на центральныя военныя учрежденія, на штабы и на части войскъ всѣхъ отраслей службы, громадный трудъ и требуютъ отъ нихъ полнаго напряженія—каждый генералъ знаетъ, что за его дѣйствіями слѣдятъ миллионы глазъ; каждая часть знаетъ, что ея усердіе будетъ оцѣниваться всѣми. Большіе маневры—это экзаменъ арміи передъ страной.

Въ 1913 году маневры происходили въ юго-западной Франціи, на лѣвомъ берегу р. Гаронны на участкѣ между Тулузой и Аженъ; они продолжались съ 11-го по 17-е сентября и были подраздѣлены на два періода; въ нихъ участвовало 4 корпуса: XII, XVI, XVII и XVIII (Ангюлемъ, Кастръ, Тулуза и Тарбъ), одна колониальная дивизія пѣхоты, 6-я кавалерійская дивизія и отдѣльная кавалерійская бригада; всего въ строю находилось свыше 100.000 человекъ (на довольствіи около 120.000).

Раіонъ маневровъ обнималъ собою одну изъ самыхъ цвѣтущихъ и населенныхъ мѣстностей Франціи; долина рѣки Гаронны отличается плодородіемъ и богатствомъ; къ западу отъ рѣки мѣстность чрезвычайно пересѣченная, вслѣдствіе обилія рѣкъ и ручьевъ бассейна Гаронны, образующихъ множество глубокихъ долинъ между окружающими ихъ возвышенностями, западные склоны которыхъ большею частью крутые, а восточные—отлогіе. Наиболѣе крупныя здѣсь рѣки, впадающія въ Гаронну, начиная съ востока—Савъ, Жимонъ, Аратсъ, Герсъ и Безъ. Хорошихъ дорогъ здѣсь много; главныя національныя шоссе ведутъ съ юго-запада отъ Мирандъ—Аухъ на сѣверъ къ Ажену, на сѣверо-востокъ къ Монтобану и на востокъ къ Тулузѣ, но въ направленіи, въ которомъ происходили военныя

дѣйствія, съ юго-востока на сѣверо-западъ, между Тулузой и Аженъ, магистральныхъ дорогъ нѣтъ.

До начала маневровъ генеральнымъ штабомъ, въ лицѣ начальника его генерала Жофра и его старшаго помощника, генерала де-Кастельно, былъ изданъ цѣлый рядъ инструкцій: для сосредоточенія войскъ, для организаціи воздухоплавательной части, механической

тяги въ обозахъ и пр.; рассмотрѣніе инструкцій было помѣщено на страницахъ «Русскаго Инвалида» (№ 84 и 86). Здѣсь ограничимся указаніемъ, что посредники были распределены на 4 группы, каждая изъ дивизионнаго генерала, 3 начальниковъ секторовъ, 12 посредниковъ и 18 ихъ помощниковъ; при каждой арміи состояло по 1 дирижаблю и по 3 отряда летчиковъ (изъ 6 аэроплановъ въ каждомъ отрядѣ), причемъ аэропланы соединены были въ однородныя группы по системамъ: на сѣверной сторонѣ монопланы Блеріо, бипланы М. Фармана и бипланы А. Фармана; на южной—бипланы Бреге, монопланы Ньюпоръ и монопланы Депердюсенъ; отряды были снабжены грузовиками, легкими автомобилями, мастерскими и па-

латками и совершили полеты со всѣхъ концовъ Франціи къ своимъ стоянкамъ на маневрахъ, сопровождаемые по дорогамъ принадлежащими къ нимъ автомобилями.

При командующемъ арміею находился инспекторъ воздухоплавательной части, который по указаніямъ командующаго арміею ежедневно составлялъ планъ дѣятельности дирижабля и отряда аэроплановъ. Въ авіаціонномъ центрѣ арміи находился начальникъ его, дѣлавшій распоряженія по исполненію плана, составленнаго инспекторомъ воздухоплавательной части. Донесенія о развѣдкахъ съ высоты ниже 1.000 метровъ не принимались во вниманіе, какъ не соотвѣтствующія обстановкѣ военного времени.

Снабженіе арміи механическою тягою было обильное; кромѣ легкихъ автомобилей для штабовъ, имѣлось при сѣверной арміи 43 грузовика, при южной—25 и, кромѣ того, спеціально для доставки свѣжаго, мороженнаго мяса, 24 приспособленныхъ для сего парижскихъ автобуса. Наконецъ, организовано было снабженіе водою для питья, для чего для каждаго баталіона пѣхоты и дивизіона артилеріи имѣлась наемная повозка съ 700 литрами воды (по 1 литру на человѣка въ день).

По поводу организаціи маневровъ слѣдуетъ отмѣтить, что на особую тщательность подготовительныхъ работъ имѣли вліяніе два обстоятельства, получившіе осуществленіе въ послѣднее время при военномъ министрѣ Мессими: учрежденіе центрального управленія генеральнаго штаба и назначеніе еще въ мирное время начальниковъ штабовъ отдѣльныхъ армій при членахъ высшаго военного совѣта, которые предназначаются въ военное время для командованія этими арміями. Двое изъ означенныхъ генераловъ командовали на маневрахъ арміями: генералъ По—сѣверною, синею (Parti P) и генералъ Шомеръ—южною, красною (Parti C).

Согласно предположенія для маневровъ, главныя силы синей и красной сторонъ оперировали къ востоку отъ р. Гаронны. Красные, въ виду появленія значительныхъ силъ противника противъ ихъ лѣваго фланга, отошли къ югу, выславъ на лѣвый, западный, берегъ р. Гаронны къ Тулузѣ армію С генерала Шомера для обезпеченія своего лѣваго фланга. Синіе, задержанные заботами о снабженіи войскъ, выдѣлили на лѣвый берегъ р. Гаронны къ Аженѣ армію P генерала По, назначеніе которой—наступать на юго-востокъ и нанести пораженіе красной арміи С, воспрепятствовавъ ей принять участіе въ предстоящемъ новомъ общемъ сраженіи.

Обѣ арміи, участвовавшія въ маневрахъ, сосредоточились 9-го сентября вечеромъ: синяя, генерала По, въ окрестностяхъ Аженъ, а красная, генерала Шомера, близъ Тулузы; 10-го назначена была дневка, а 11-го сентября въ 6 часовъ утра начались маневры.

Въ составъ синей арміи Р входили: XII корпусъ генерала Рока изъ 23-й и 24-й дивизій подъ начальствомъ генераловъ Леблана и Кастелли; XVIII корпусъ генерала Масъ-Латри изъ 35-й и 36-й дивизій, генералы Бренъ д'Обиньоекъ и Мишеленъ; 1-я колоніальная пѣхотная дивизія генерала Вимара и сводная кавалерійская бригада генерала Греле; 2 батареи тяжелой артилеріи; дирижабль «Fleurus» и 18 аэроплановъ.

Южную красную армію С составляли: XVI корпусъ генерала Фори изъ 31-й и 32-й дивизій, генералы Бессе и Вуархе; XVII корпусъ генерала Планьола изъ 33-й и 34-й дивизій, генералы Бурдеріа и Мартенъ; 6-я кавалерійская дивизія генерала Шарлери де ла Маселиеръ; двѣ батареи тяжелыхъ 12 см. орудій по 4 орудія; дирижабль «Adjutant Vincenot» и 18 аэроплановъ.

Пѣхота, призывомъ резервистовъ, согласно инструкціи, должна была быть доведена до возможно большаго состава, но въ дѣйствительности въ строю находилось не свыше 140 человекъ въ ротѣ, а во многихъ ротахъ и меньше. Слѣдуетъ отмѣтить особую организацію пулеметныхъ командъ: въ каждомъ полку были 3 пулеметныхъ взвода по 2 пулемета, причемъ 1 взводъ—на вьюкахъ безъ патронныхъ ящиковъ (всего 4 лошади или мула), 1 взводъ—на повозкахъ (тоже) и 1 взводъ—на самокатахъ.

Въ кавалеріи отдѣльная дивизія состояла изъ кирасирской и драгунской бригадъ, обѣ по 2 полка, и 2 конныхъ батарей, а отдѣльная бригада изъ 2 драгунскихъ и 1 конно-егерскаго полковъ; полки выступили въ составѣ 4 эскадроновъ. При каждомъ корпусѣ, сверхъ того, находилось 6 эскадроновъ (1 полкъ легкой кавалеріи и дивизионъ драгунъ).

Организація артилеріи была нѣсколько импровизованною: изъ артилеріи корпуса, передачею людей и лошадей, было образовано на каждую пѣхотную дивизію по 2 дивизиона изъ 3-хъ батарей каждый; для образованія корпусной артилеріи изъ 2-хъ дивизионовъ были взяты батареи изъ другихъ корпусовъ; на корпусъ приходилось всего 18 батарей по 4 орудія или 72 орудія; орудія имѣли 6-конную запряжку и въ каждой батареѣ было 4 зарядныхъ ящика въ 4-конной запряжкѣ. Инженерныя роты были по одной при пѣхотной дивизіи и при корпусѣ. Изъ телеграфныхъ частей 1 рота придана была каждой арміи и по одной командѣ изъ 2-хъ взводовъ корпусу, отдѣльнымъ дивизіямъ и кавалерійской бригадѣ; цѣлая рота находилась въ распоряженіи посредниковъ.

Во время маневровъ главная квартира генерала Жоффа находилась въ Кастельсаразенѣ, штабъ посредниковъ—въ Муасакѣ, а иностранные офицеры жили въ городѣ Монтобанѣ.

Утромъ 11-го сентября арміи обоихъ противниковъ занимали слѣ-

дующее исходное для маневровъ положеніе: сѣверная (синяя) армія генерала По — главная квартира Аженъ, XII корпуса одна дивизія — Та-Шлюмъ, другая — Франсескасъ; XVIII корпусъ размѣщенъ былъ почти перпендикулярно къ расположенію XII корпуса у Неракъ и южнѣе въ долину р. Безъ; колониальная дивизія составляла общій авангардъ — вокругъ Мираду, а кавалерійская бригада находилась въ Лектуръ.

Южная (красная) армія генерала Шомера — главная квартира въ Тулузѣ и всѣ 4 дивизіи къ западу на одной линіи отъ Бланиака до Мюре, имѣя каждая впереди авангардъ, XVI корпусъ на правомъ флангѣ, XVII — на лѣвомъ; кавалерійская дивизія впереди центра расположенія арміи у Лиль Журденъ.

Такимъ образомъ, генералъ По принялъ для своей арміи расположеніе въ глубину съ общимъ авангардомъ, что соответствовало идеѣ наступленія, согласно заданія. Генералъ Шомеръ, наоборотъ, избралъ расположеніе въ одну линію съ авангардами отъ дивизій, что отвѣчало задачѣ прикрытія теченія Гаронны у Тулузы и обезпеченія фланга главныхъ силъ. Съ 11-го сентября (на 3 дня) въ 1-й періодъ маневровъ начальникамъ сторонъ была предоставлена полная самостоятельность дѣйствій. Генералъ Шомеръ рѣшилъ, что задачу прикрытія фланга главныхъ силъ онъ наилучшимъ образомъ выполнить переходомъ въ наступленіе противъ арміи синихъ.

Въ первый день маневровъ красная, южная, армія генерала Шомера отъ ближайшихъ окрестностей г. Тулузы продвинулась впередъ четырьмя дивизионными колоннами съ авангардомъ при каждой; правифланговый XVI корпусъ до линіи Мондонвиль — Легювенъ, лѣвофланговый XVII корпусъ — до С. Лисъ; авангарды дивизій дошли до берега р. Савъ и выслали смѣшанные передовые отряды на высоты лѣваго берега рѣки на линіи Кадуръ — Безериль; тяжелая артиллерія находилась при лѣвомъ флангѣ XVI корпуса у Легювенъ; 6-я кавалерійская дивизія была направлена изъ Лиль Журденъ черезъ Жимонъ въ Аухъ, куда прибыла въ полдень и находилась, такимъ образомъ, довольно далеко на крайнемъ лѣвомъ флангѣ общаго расположенія; изъ этого слѣдуетъ, что назначеніе кавалеріи было скорѣе наступательное, чѣмъ развѣдывательное, такъ какъ впереди фронта ея противника не было и о направленіи движенія непріятельскихъ колоннъ она свѣдѣній дать не могла; въ этомъ отношеніи, вѣроятно, начальникъ отряда полагался на воздушныя развѣдки.

Синяя, сѣверная, армія генерала По, отъ окрестностей Аженъ перешла въ наступленіе на юго-востокъ въ слѣдующемъ порядкѣ: общій авангардъ, колониальная дивизія, продвинулась отъ Мираду къ Кастеронъ, выславъ передовыя части на высоты лѣваго берега р. Жимонъ; кавалерійская бригада изъ Лектура перешла къ участку

Мовезень—Колонь, обезпечивая правый флангъ колоніальной дивизіи (кавалерія была усилена однимъ баталіономъ пѣхоты съ пулеметами, но артилеріи не имѣла). Главныя силы синей арміи перешли въ 4-хъ колоннахъ: дивизіи XII корпуса изъ Ла-Плюмъ черезъ Астафоръ къ Мираду и отъ Франсескасъ къ Беракъ; дивизіи XVIII корпуса совершили значительные переходы и изъ долины р. Безъ (раіонъ Неракъ—Кондомъ) перешли одна въ Лектуръ, другая—во Флерансъ. Послѣ полудня кавалерійская бригада получила указаніе изъ главной квартиры своей арміи о появленіи непріятельской кавалеріи у Ауха, потянулась изъ Мовезень на западъ и вошла въ соприкосновеніе съ кавалеріей противника. Столкновеній въ первый день не произошло.

Теперь обратимся къ дѣятельности летчиковъ и дирижаблей. Погода была отличная и можно было ожидать полного успѣха воздушныхъ развѣдокъ. Дѣйствительно, летчики доставили цѣнныя свѣдѣнія: отрядъ моноплановъ Блеріо, поднявшись изъ С. Клеръ, куда генераль По съ утра перенесъ авіаціонный центръ изъ Ажена, направился къ Тулузѣ и очень скоро сообщилъ о движеніяхъ непріятельскаго праваго фланга; дирижабль «Fleurus» виталъ надъ расположеніемъ арміи генерала Шомера, но, по свидѣтельству очевидцевъ, онъ держался на слишкомъ малой высотѣ и за его развѣдками поэтому нельзя признать военнаго значенія.

На сторонѣ красныхъ летчики очень точно опредѣлили движеніе колоннъ XII лѣвофланговаго непріятельскаго корпуса, но замѣчательно, что авангарда, колоніальной дивизіи, они не видали и о немъ свѣдѣній не дали; быть можетъ, это слѣдуетъ приписать чрезвычайно пересѣченной мѣстности и полевому обмундированію колоніальной дивизіи («Fr. mil.»). Дирижабль «Adjutant Vincenot» получилъ приказаніе идти къ Ауху и донести, двигается ли противникъ по долинѣ р. Герсъ или же восточнѣе; задачу свою онъ выполнилъ и вернулся въ полдень. Летчикъ, поручикъ Дитрихъ, при спускѣ въ С. Клеръ повредилъ аппаратъ; другой летчикъ въ С. Мартенѣ также имѣлъ легкую аварію.

Во второй день маневровъ 12-го сентября происходили лишь столкновенія частей кавалеріи и нѣкоторыхъ передовыхъ частей пѣхоты; обѣ арміи совершили передвиженія для занятія исходнаго положенія въ виду предстоящаго сраженія.

Генераль Шомеръ продвинулъ свою армію впередъ въ прежнемъ направленіи, имѣя намѣреніе на другой день выдвиненіемъ болѣе сильнаго лѣваго фланга дѣйствовать противъ праваго фланга противника. На правомъ флангѣ 31-я дивизія перешла изъ Мондонвилъ въ Коксъ, другая, 32-я, дивизія XVI корпуса продвинулась изъ Легювенъ въ Монбрень, выславъ авангардъ къ сторонѣ Колонь. Изъ

частей XVII корпуса 33-я дивизія перешла отъ С.-Листъ къ Монферанъ, а 34-я южнѣе, къ Саматанъ; обѣ дивизіи выслали авангарды по дорогамъ къ сторонѣ Жимонъ; тяжелая артилерія передана XVII корпусу; 6-я кавалерійская дивизія получила приказаніе оставаться у Ауха и беспокоить правый флангъ противника. Изъ этого расположенія видно, что три дивизіи лѣваго фланга заняли фронтъ Монбрень—Саматанъ, а 31-я правофланговая дивизія оказалась довольно оторванною, вокругъ Кокса.

Генераль По рѣшилъ въ этотъ день передвинуть общее расположеніе войскъ нѣсколько къ югу и вмѣсто четырехъ колоннъ, имѣть главныя силы въ двухъ колоннахъ. Колоніальная дивизія должна была оставаться общимъ авангардомъ-завѣсою въ Кастеронѣ, выславъ передовые отряды на берегъ р. Жимонъ къ Бомону и южнѣе и прикрывая фланговое движеніе главныхъ силъ; кавалерійская бригада составляла правый флангъ завѣсы у Обіа. Изъ частей XII корпуса одна дивизія изъ Мираду вверхъ по р. Аратсъ перешла на линію Бивъ—Монфоръ и выслала авангардъ къ Соломіакъ на р. Жимонъ; другая, слѣдуя позади ея, дошла изъ Беракъ до С.-Клеръ. Въ такомъ же порядкѣ двигались и дивизіи XVIII корпуса; одна изъ Флеранса дошла до Тюикасье, выславъ авангардъ къ С.-Антоненъ близъ р. Аратсъ, а другая позади ея перешла изъ Лектура въ Рокфоръ. Части XVIII корпуса были нѣсколько задержаны кавалерійскою дивизіею противника; авангардъ долженъ былъ развернуться и открыть артилерійскій огонь, послѣ чего кавалерійская дивизія отошла къ Обіа; одинъ эскадронъ ея внезапно напалъ на обозъ гусарскаго полка противника въ Тюикасье и захватилъ его. У Обіа произошло столкновеніе кавалерійской дивизіи съ кавалерійскою бригадою противника, которая у Жимонъ имѣла перестрѣлку съ егерями авангарда XVII корпуса и послѣ этого отошла къ Обіа. Съ появленіемъ въ этомъ пунктѣ кавалерійской дивизіи противника бригада отошла на линію Мовезенъ—Нугаруле, прикрывая правый флангъ XVIII корпуса.

По исполненіи диспозиціи, части синей арміи заняли фронтъ Бомонъ—Мовезенъ, имѣя на правемъ флангѣ кавалерію, на лѣвомъ—колониальную дивизію, а въ центрѣ два корпуса (въ каждомъ одна дивизія позади другой). У противника, какъ сказано, всѣ четыре дивизіи были расположены въ одной линіи отъ Коксъ до Саматанъ, а кавалерія впереди лѣваго фланга у Обіа. Летчики въ этотъ день проявили меньше дѣятельности, такъ какъ погода была значительно менѣе ясною. Генераль Шомеръ, получивъ свѣдѣнія о расположеніи противника и имѣя намѣреніе на слѣдующій день направить главный ударъ противъ его праваго фланга, приказалъ 34-й дивизіи (лѣвофланговой XVII корпуса) совершить ночной переходъ изъ Сама-

тань—Ломбезъ въ Жимонь, а двумъ среднимъ дивизіямъ, 32-й и 33-й, продвинуться впередъ до Колонь и Жимонь.

Въ третій день 13-го сентября произошло общее столкновение главныхъ силъ. Южная, красная, армія занимала фронтъ въ 20 километровъ отъ Коксъ (31-я дивизія) на Колонь (32-я дивизія) до Жимонь—33-я и 34-я дивизіи (последняя прибыла только въ 7 часовъ утра послѣ ночного марша); какъ видно, между XVI и XVII корпусами образовался значительный промежутокъ. По диспозиціи генерала Шомера 31-я, 32-я и 33-я дивизіи должны были выступить въ 6 часовъ утра и наступать—первыя двѣ черезъ переправы на р. Жимонь на сѣверо-западъ, а 33-я на сѣверъ къ Мовезень. По приходѣ въ Жимонь, 34-й дивизіи, она съ 8-ми часовъ утра должна была наступать, охватывая правый флангъ противника; 6-я кавалерійская дивизія находилась къ западу отъ Жимонь, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ и должна была содѣйствовать 34-й дивизіи въ дѣйствіи во флангъ и тылъ противника; тяжелая артилерія слѣдовала при 33-й дивизіи.

Диспозиція для сѣверной, синей, арміи генерала По гласила: армія переходитъ въ общее наступленіе; колоніальная дивизія изъ Кастеронъ переправляется черезъ р. Жимонь въ 5 часовъ утра у Жима; 23-я дивизія XII корпуса, находившаяся во второй линіи у С. Клеръ, выступаетъ въ 1 часъ утра и слѣдуетъ на переправу у Соломіакъ (эта дивизія въ этотъ день сдѣлала переходъ въ 43 километра, не имѣя отсталыхъ); 24-я дивизія XII корпуса переправляется между Соломіакъ и Мовезень; 36-я дивизія XVIII корпуса совершаетъ переправу у Мовезень; наконецъ, 35-я дивизія XVIII корпуса, находившаяся во второй линіи у Рокфоръ, вмѣстѣ съ кавалерійскою бригадою составить «оттянутый эшелонъ» и будетъ слѣдовать позади правого фланга арміи; тяжелая артилерія переходитъ въ Монфоръ.

Особенностью диспозицій обѣихъ сторонъ является отсутствіе общаго резерва въ рукахъ командующаго арміею, если не считать таковымъ нѣсколько оттянутыя назадъ дивизію съ кавалеріею на южныхъ флангахъ, которыя, однако, какъ покажетъ ходъ маневра, не находились въ рукахъ главнокомандующаго.

Въ ходѣ маневра, прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить, что, такъ какъ выступленіе частей синей арміи генерала По было назначено гораздо раньше, чѣмъ въ арміи генерала Шомера, то XVI корпусъ послѣдняго не успѣлъ дойти до р. Жимонь и, отдѣленный промежутокъ въ 12 километровъ отъ XVII корпуса, былъ атакованъ 4-мя дивизіями противника, изъ коихъ колоніальная, 23-я и 24-я атаковали его съ фронта между Коксъ и Колонь, а 36-я, переправившись у Мовезонъ и оставивъ 1 полкъ для удержанія передовыхъ частей 33-й дивизіи, обходила его лѣвый флангъ, наступая къ С. Крикъ и

не обращая вниманія на движеніе съ юга запоздавшихъ частей XVII корпуса. Такимъ образомъ, на сѣверномъ участкѣ синія армія генерала По имѣла полный перевѣсъ, и въ 2 часа дня XVI корпусъ отступилъ на линію Кадуръ—Монбрень.

На южномъ участкѣ XVII корпуса картина была совсѣмъ иная: 33-я дивизія двумя колоннами наступала изъ Жимонъ къ Мовезентъ; подходя туда, она легко отбросила оставленный здѣсь полкъ 36-й синей дивизіи и заняла Мовезентъ, оказавшись за правымъ флангомъ и почти въ тылу арміи противника. Съ своей стороны 34-я красная дивизія XVII корпуса въ 8 часовъ утра выступила изъ Жимонъ и направилась на Тюкасье; на пути у С. Сови она встрѣтила 35-ю синюю дивизію противника («оттянутый эшелонъ»), которая, подвергаясь атакѣ 34-й дивизіи и 33-й отъ Мовезентъ, должна была отступить и оказалась совершенно отрѣзанною отъ своей синей арміи генерала По; 6-я кавалерійская дивизія красныхъ, заставляя отступить синюю кавалерійскую бригаду, съ своей стороны содѣйствовала отступленію 35-й дивизіи.

Въ 2 часа дня маневры перваго періода были закончены (назначенный въ 12 часовъ официальный завтракъ былъ отложенъ; это особенно подчеркиваетъ «France militaire», какъ доказательство чисто военной постановки маневровъ). Посредники признали бой нерѣшеннымъ, такъ какъ каждая сторона имѣла извѣстныя преимущества. Все же нужно сказать, что, по отношенію къ главной задачѣ—оборонѣ участка р. Гаронны у Тулузы для красной арміи и завладѣнія этимъ участкомъ для синей, положеніе генерала Шомера съ 2-мя дивизіями противъ четырехъ дивизій противника казалось было болѣе затруднительное, чѣмъ генерала По. Въ этотъ третій день маневровъ летчики проявили значительную дѣятельность, главнымъ образомъ въ отношеніи отысканія непріятельскихъ батарей на укрытыхъ позиціяхъ, причемъ наибольшія услуги опять оказали легкіе монопланы Блерію. Дирижабли въ этотъ день держались на достаточной высотѣ; ими пользовались для освѣщенія фланговъ; благодаря наблюденіямъ дирижабля «Fleurus», генералу По своевременно удалось остановить 35-ю дивизію и спасти ее отъ уничтоженія. Тяжелая артилерія обѣихъ сторонъ въ бою участія не принимала.

Съ 3-хъ часовъ дня 13-го сентября до 6-ти часовъ вечера 15-го сентября послѣдовалъ перерывъ маневровъ съ цѣлью дать отдыхъ войскамъ и занять исходныя положенія для втораго періода маневровъ. Предположеніе для этого періода заключалось въ томъ, что главныя силы красныхъ (предполагаемыя) на правомъ берегу р. Гаронны принуждены были отступить еще южнѣе, уничтоживъ переправы у Бурель, Вердентъ и Гризоль; поэтому красная армія генерала Шомера получила приказаніе въ ночь на 16-е сентября отойти

за р. Савъ, продолжая обезпечивать лѣвый флангъ своихъ главныхъ силъ.

Синяя армія генерала По получила приказаніе продолжать наступленіе и, разбивъ противника, дѣйствовать противъ лѣваго фланга главныхъ силъ красныхъ. Въ составѣ арміи произошла незначительная перемѣна: армія генерала Шомера была ослаблена 4-мя баталіонами XVII корпуса (14-й полкъ и 1 баталіонъ 83-го полка), отправленными въ Тулузу для несенія гарнизонной службы, по случаю прибытія президента республики.

Расположеніе армій обоихъ противниковъ вечеромъ 15-го сентября было слѣдующее: сѣверная, синія, армія генерала По занимала фронтъ около 35 километровъ отъ Бомонъ до Обіа, вдоль рѣкъ Жимонъ и Аратсъ, имѣя передовыя части на переправахъ; колоніальная дивизія вокругъ Эспарзакъ; XII корпусъ—Эстрадакъ-Кюмонъ; XIII корпусъ—Мовезень-Обіа; кавалерійская бригада—Обіа-Аухъ за правымъ флангомъ.

Южная, красная, армія генерала Шомера имѣла протяженіе фронта около 20 километровъ отъ Бриньмонъ на Колонъ до Жимонъ; XVI корпусъ между первыми двумя пунктами, а XVII—между двумя вторыми; 6-я кавалерійская дивизія въ районѣ Саматанъ—Безериль, эшелonomъ позади лѣваго фланга, Разстояніе между передовыми частями противниковъ было не болѣе 1 километра.

Генераль Шомеръ 15-го вечеромъ отдаетъ диспозицію, согласно которой армія ночью должна отойти за р. Савъ, ниже Ломбезъ и къ 6-ти часамъ утра 16-го сентября на лѣвомъ берегу этой рѣки оставить только кавалерію: 6-ю кавалерійскую дивизію впереди Саматанъ, а корпусную кавалерію—впереди фронта. Несмотря на близость противника, это движеніе, подъ прикрытіемъ ночи, было совершено безпрепятственно и утромъ 16-го сентября войска заняли слѣдующее расположеніе къ востоку отъ р. Савъ: XVI корпусъ на правомъ флангѣ между Монтегю и Марестенгъ; 31-я дивизія двумя полками въ первой линіи охраняетъ переправы отъ Монтегю до Меранвиль, имѣя въ резервѣ одинъ полкъ позади лѣса и боковой отрядъ на крайнемъ правомъ флангѣ у Мервиль; 32-я дивизія обороняетъ переправы отъ Л'Иль Журденъ до Марестенгъ, имѣя 2 полка въ первой линіи, одинъ—въ резервѣ позади Л'Иль-Журденъ, а 81-й полкъ сѣвернѣе Ліаса образуетъ корпусный резервъ; корпусная кавалерія на лѣвомъ берегу р. Савъ; расположеніе корпуса по фронту имѣетъ около 28 километровъ, а безъ бокового отряда—22 километра. Участокъ отъ Марестенгъ до Лабастидъ около 8 километровъ занимаетъ 34-я дивизія XVII корпуса, имѣя 2 полка въ первой линіи и одинъ въ резервѣ у Помпіакъ (одинъ полкъ въ Тулузѣ); 33-я дивизія того же корпуса, вмѣстѣ съ тяжелою артилеріею, составляетъ общій резервъ арміи у С. Лисъ.

Генераль По рѣшилъ рано утромъ, 16-го сентября, занять высоты впереди фронта своего расположенія между Бомонъ и С. Сови, для чего приказываетъ авангардамъ въ 3 часа утра двинуться черезъ переправы. Когда авангарды дошли до означенныхъ высотъ они убѣдились, что противникъ отступилъ. Генераль По приказалъ продолжать наступленіе: колоніальной дивизіи по направленію на Коксъ и Монтегю, XII корпусу на Колонъ и Л'Иль-Журденъ и Андюфіель, XVIII корпусу—черезъ Жимонъ на Казо—Ломбезъ. Въ началѣ, не зная объ отступленіи противника, войска наступали большимъ числомъ малыхъ колоннъ, но съ 9-ти часовъ утра начали стягиваться въ походныя колонны и продолжали движеніе по главнымъ путямъ; перестроенія на очень пересѣченной мѣстности нѣсколько замедлили движеніе; все же около полудня головы колоннъ показались на высотахъ лѣваго берега р. Савъ и на правомъ флангѣ части XVIII корпуса отѣснили 6-ю кавалерійскую дивизію, которая отошла къ Саматанъ и Ломбезъ. Генераль По, въ виду утомленія войскъ и желая воспользоваться ночью для овладѣнія переправами на рѣкѣ Савъ, отложилъ атаку позиціи противника до слѣдующаго дня.

Въ послѣдній день маневровъ 17-го сентября синія армія генерала По атаковала позицію красной арміи генерала Шомера позади р. Савъ. Еще ночью, по приказанію генерала По, сводный отрядъ колоніальной дивизіи (1 полкъ пѣхоты, 3 батареи и 2 эскадрона) въ 2 часа утра, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, атаковалъ переправу у Прадеръ, а въ 3 часа утра въ центрѣ одинъ полкъ 23-й дивизіи (XII корпуса) атакуетъ переправу у Л'Иль Журденъ; эта послѣдняя атака, несмотря на упорное сопротивленіе противника, по приговору посредниковъ, признается удавшеюся, и переправа у Л'Иль Журденъ переходитъ въ руки синихъ. Въ 5 часовъ утра генераль По дѣлаетъ распоряженіе объ общемъ наступленіи: лѣвофланговый отрядъ изъ Прадеръ направляется на Пюждранъ (сѣвернѣе Ліаса); въ центрѣ 23-я дивизія идетъ на Пюждранъ, а 24-я—на Марестенгъ; XVIII корпусъ наступаетъ на Андюфіель, Казо и Лабастидъ; отъ него на крайнемъ правомъ флангѣ выдѣляется отрядъ изъ 1 полка, 3 батарей и 1 эскадрона къ Саматанъ, куда направляется и кавалерійская бригада для прикрытія праваго фланга арміи. Наконецъ, колоніальная дивизія (за выдѣленіемъ лѣвофланговаго отряда) сосредоточивается у Разенгъ, составляя общій резервъ арміи.

Такимъ образомъ, сѣверная армія атаковала фронтально по всему своему протяженію (французская тактика), но правый флангъ ея, въ виду меньшаго фронта противника, охватывалъ лѣвый флангъ его. До 9-ти часовъ утра происходилъ бой по всей линіи съ перемѣнными колебаніями, причемъ, однако, части сѣверной арміи уже поднимались по склонамъ возвышенностей на главную позицію крас-